

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2017 T.8 № 4

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Russian Science Citation Index

WEB OF SCIENCE™

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

**OCLC
WorldCat®**

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

OPEN ARCHIVES

**Google™
Scholar**

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Russian Science Citation Index

WEB OF SCIENCE™

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

**OCLC
WorldCat®**

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

**Google™
Scholar**

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2017 • Т.8 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл № ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Редакционная коллегия выпуска

В.Я. Белокреницкий

С.И. Лунев

В.Г. Ледаев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель

науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО

МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт

востоковедения РАН, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа

«Юрист», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный

технический университет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный

университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,

Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет

Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,

Луисвилл, США

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,

Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,

Москва, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский

университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный

работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,

Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., академик РАН, ИМЭМО РАН,

Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва,

Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент

РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,

доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический

университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,

Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-

Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии

(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,

Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,

Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой

экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,

Узбекистан

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский университет,

Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД

РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени

М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,

Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,

Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №29

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7

Тел.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная

Усл. печ. л. 20,5

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная

Подписано в печать 18.12.-2017

Выход из печати: 24.12.2017

ISSN – 2221-3279

ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., 2017

© Сравнительная политика, 2017

© Издательская группа «Юрист», 2017

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2017 • Vol.8 № 4

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD
(University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Goluvina, Doctor of Political Science,
Professor

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary Denis A. Kuznetsov

Editorial Board of the Issue

Viacheslav Ya. Belokrenitsky

Sergey I. Lunev

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political
Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor,
Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University,
Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing
Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin,
Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville,
Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido,
Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor,
Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO
University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member,
Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and
International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Correspond-
ing Member, Russian Academy of Sciences, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Es-
sex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing,
P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World
Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent,
Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow
State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.29 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing

Conventional printing sheet – 20,5
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 18 December 2017
Printed: 24 December 2017
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., 2017
© Comparative Politics, 2017
© Publishing Group "Yurist", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Н.С. Розов. Полемогенная волна революций 1917–1927 гг. как историческая лаборатория

Stanislaw Bielen. The Hegemonic Order in the 21st Century

Т.А. Алексеева. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше?

Х. Джаббари Насир. Отношение исламских институтов к борьбе с международным терроризмом

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Ambrish Dhaka. Reading the Af-Pak Narrative, from the US Disengagement to Russian Re-Engagement

С.М. Адилходжаева. Обострение ситуации в Афганистане: новые угрозы миру и пути их предотвращения

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

И.В. Михеева, А.В. Логинова, А.В. Скиперских. Интеграция Крыма в состав России: «цена» вопроса

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

С.Э. Билюга. Тип режима и индексы социально-политической нестабильности: опыт количественного анализа

А.В. Коротаев, К.В. Мещерина, Е.Д. Куликова, В.Г. Дельянов. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ

П.В. Шлыков. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Лагутина М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. Политех. ун-та, 2016. — 300 с.

Power Transition in Asia. Ed. by David Walton, Emilian Kavalski. Routledge: London, 2017. 240 p.

Академический журнал исследований России № 5, 2017

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Nikolai S. Rozov. The Polemogenic Wave of 1917-1927 Revolutions as a Historical Laboratory

20 Stanislaw Bielen. The Hegemonic Order in the 21st Century

30 Tatiana A. Alekseeva. Theory of International Relations in the Mirrors of "Scientific Pictures of the World": What's Next?

42 Hasan Jabbari Nasir. Islamic Institutions Approach toward Combating International Terrorism

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

60 Ambrish Dhaka. Reading the Af-Pak Narrative, from the US Disengagement to Russian Re-Engagement

73 Surayyo M. Adilkhodjaeva. The Aggravation of the Situation in Afghanistan: New Threats to Peace and the Ways of their Prevention

DISCUSSION

83 Irina V. Mikhееva, Anastasia S. Loginova, Aleksandr V. Skiperskikh. Accession of the Crimea Territory to Russia: the Crimea's Inestimable Value

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

95 Stanislav E. Bilyuga. The Type of Regime and Indices of Socio-Political Instability: The Experience of Quantitative Analysis

113 Andrey V. Korotayev, Kira V. Meshcherina, Ekaterina D. Kulikova, Vasily G. Delyanov. Arab Spring and Its Global Echo: Quantitative Analysis

127 Pavel V. Shlykov. In Search for Transregional Alternatives in Eurasia: The Phenomenon of MIKTA

ON THE BOOKSHELF

145 Lagutina M.L. The World of Regions in World Political System of the XXI Century. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Politeh. un-ta, 2016. 300 p. (in Russian)

146 Power Transition in Asia. Ed. by David Walton, Emilian Kavalski. Routledge: London, 2017. 240 p.

146 Academic Journal of Russian Studies No. 5, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

БРИКС на мировой арене: новации современного этапа

Журнал «Сравнительная политика» на XI Конвенте РАМИ

V Международный научный конгресс
«Глобалистика-2017», Москва

Круглый стол «Трансрегионализм и модели
региональной интеграции», XI Конвент РАМИ, Москва

Симпозиум российских и китайских СМИ–2017,
Благовещенск

Конференции «Россия – Китай: история
и культура», Казань

ПАРТНЕРЫ

Журнал «Ценности и смыслы»

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ACADEME

147 BRICS on the World Arena: Novelties at the Present Stage
of Developmentt

158 Comparative Politics Russia at XI RISA Convention

158 Vth International Scientific Congress
“Globalistics 2017”, Moscow

159 Roundtable “Transregionalism and Models of Regional
Integration”, XI RISA Convention, Moscow

160 Symposium of Russian and Chinese Mass Media–2017,
Blagoveshchensk

160 Conference “Russia and China: History and Culture”,
Kazan

PARTNERS

161 Journal Tsennosti i smysly (Values and Meanings)

GUIDE FOR THE AUTHORS

ПОЛЕМОГЕННАЯ ВОЛНА РЕВОЛЮЦИЙ 1917–1927 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 августа 2017 <i>Принята к печати:</i> 19 декабря 2017	Аннотация: В полемогенных волнах революций главной связью между ними является участие соответствующих государств в общей войне. Яркий случай полемогенной волны, вызванной Первой мировой войной, включает успешные революции (со сменой власти) в России, Германии, Венгрии, успех национально-освободительных движений ирландцев, чехов, словаков, южных славян, поляков, финнов, поражение таких движений среди украинцев, грузин, армян, народов Туркестана, установление режимов разных типов и с разной устойчивостью. В статье представлен подход к выявлению причин разного типа динамики и последствий революционных событий в полемогенных волнах. Подход включает сравнения по методам сходства и различия, а также применение бинаризации и Булевой алгебры по методу Ч. Рэгина. Применение этого подхода позволяет выдвинуть гипотезы о причинах и закономерностях революционной динамики и последствий революций в полемогенной волне: чем определяются включение в волну, уровень лояльности этнических провинций по отношению к империи, успех и провал революций, наличие и отсутствие гражданской войны, отношение между революцией и религией, характер и судьба культурного авангарда
Об авторе: д.филос.н., профессор; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; и.о. заведующего кафедрой социальной философии и политологии, Новосибирский государственный университет; профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет e-mail: nrozov@gmail.com	<i>Исследование выполнено при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»</i>

Ключевые слова:
революционные волны; полемогенные волны; модернизация; гражданская война; секуляризация; империи; культурный авангард; сравнительно-исторический подход; логические методы в социальных исследованиях

Полемогенные волны – частный случай революционных волн в мировой истории

Полемогенные волны (от греч. Πόλεμος – война и Γέννησις – рождение) являются типом *революционных волн*¹, в которых протесты, кризисы, смены власти в государствах

вызваны, прежде всего, их участием в общей войне.

Очевидная специфика полемогенных волн состоит в гораздо большей роли армий, внешних вооруженных сил, вооруженного насилия, геополитических интересов и сдвигов, по сравнению с другими типами волн революций. Вместе с тем, отнюдь не все участвующие в войнах общества переживают революционные события, не во всех государствах, даже проигрывающих войну, революции достигают успеха и сме-

¹ Katz, M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999; Beck, C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // Social Science History*, 2011, Vol. 35(2), pp. 167-207.

няют власть. Даже если это происходит, то тип постреволюционных режимов бывает очень разным. Все это говорит о том, что война в разной мере усугубляет уже назревшие социально-экономические, классовые, этнические, конфессиональные и прочие напряжения, дисбалансы и противоречия. Специфика накопленных напряжений, характер участия в войне, ситуация во внешней и внутренней геополитике (с соседними державами и внутренними провинциями), а также расстановка политических сил, их поддержка армиями, вооруженными отрядами, авторитетными лидерами, группами населения – все это влияет на разнообразие динамики и последствий революций в полемогенных волнах.

Таким образом, полемогенные волны являются также *структурными волнами* (есть базовые невоенные факторы, ослабляющие подверженные революции государства). Полемогенные волны пересекаются с *домино-волнами*, когда революция в одном обществе возникает под сильным эмоциональным воздействием революции в соседнем или высокореферентном обществе, с *идейными волнами*, когда революции соединяются экспортом и импортом лозунгов, политических ценностей, идеалов, программ и с *наведенными (индуцированными) волнами*, когда эмиссары из одного революционного общества приезжают для инструктирования революций в другом обществе и/или происходит обратное движение революционных «паломников»².

Вторая красная волна революций и ее последствия: временные рамки и состав

Первая красная волна революций после Русской революции 1905 г. включала революцию младотурков в Османской империи (1908 г.), Мексиканскую революцию (начав-

шуюся в 1910 г.), Синьхайскую революцию в Китае (с 1911 г.).

В данной работе речь пойдет о второй красной волне революций и их последствий 1917–1927 гг. Волна вызвана, в первую очередь, Первой мировой войной, то есть относится к полемогенному типу.

Крушение монархии в Российской империи в феврале-марте 1917 г. – ясная начальная граница периода. Начавшиеся раньше революции в Китае и Мексике получили не только значимый импульс влияния революционных событий в России, но их динамика во многом была связана с Мировой войной, занятостью в ней великих держав, их интересами, геополитическими угрозами и возможностями, поэтому данные революции являются неотъемлемой частью полемогенной волны.

В качестве завершения выбран 1927 год, но не столько из-за круглой цифры (декада), сколько потому, что в этом году (или близко рядом) уже более или менее завершились послевоенные и послереволюционные процессы, а также произошли события, открывающие явно новый исторический этап.

Что же произошло именно в 1927 году?

В России устранена угроза реставрации – ликвидация лидеров военного белоэмигрантского движения, что привело к общей деморализации и распаду Русского общевойсского союза. В самом СССР разгромлена «оппозиция» (фактически – ленинская элита): Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек исключены из ВКП(б), после чего уже неуклонно укреплялась власть Сталина. Разработаны первый пятилетний план и программа коллективизации.

Союзники прекратили военный контроль над Германией, Гитлер издал вторую часть книги «Майн Кампф». Президент Гинденбург публично отверг вину Германии за развязывание Первой мировой войны. Фактически начался подъем национал-социализма.

Также в Австрии набирает силу национал-социализм, происходят первые кровавые столкновения нацистов с рабочими. Во Франции наблюдается подъем фашистского движения, основана лига «Огненные кресты». В Италии убедительно

² Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. – 2016. – № 10. – С. 78-95. (Rozov, Nikolai S. Revolyucionnie volni v mirovoy istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya (Revolutionary Waves in the World History: Dynamic Models of Growth and Extinction) // ECO, 2016, No. 10, pp. 78-95.)

побеждает фашизм при лидерстве Муссолини, самораспустилась противостоявшая фашизму Всеобщая конфедерация труда. Изложены принципы фашистского корпоративизма, возвращена смертная казнь.

Из Венгрии выведены союзные войска. Авторитарный режим Хорти получает полную властную монополию. Также в Турции полновластие получает Народная партия Кемаля.

В Ирландии сменился порядок назначения генерал-губернатора. Если ранее он назначался королем по представлению британского правительства, то в том же году исключительное право представления кандидатов получил Исполнительный совет Ирландии. Фактически завершился переход к независимости.

В Китае к власти пришел лидер Гоминьдана Чан Кайши – завершился большой этап Китайской революции. Гоминьдан разрывает отношения с СССР. В тот же год с Наньчанского восстания начинается война КПК против Гоминьдана.

В Мексике после радикальной реформы 1926 г., направленной против церкви, священники в знак протеста прекращают службы и начинается восстание *кристерос*, которое привело к большому кровопролитию и было подавлено только в 1929 г.

Затруднительно указать четкий список составляющих данной полемогенной волны по двум причинам.

Во-первых, многие государства – участники войны – были полиэтническими империями (Российская, Османская, Британская, Австро-Венгрия), даже Франция с Корсикой не может считаться однозначно моноэтнической. В этих случаях неправомерно считать общества равновеликими государствам. В таких империях провинции, которые были достаточно автономными, территориально отдаленными от центра, имеющими этническую и конфессиональную специфику, фактически являлись отдельными обществами: как Ирландия и Индия в Британской империи, как Западная Украина, Грузия, Армения, Туркестан, Финляндия, Польша в Российской империи, как Венгрия, Бессарабия, южно-славянские провинции в Австрийской империи, как Западная Армения, греческая

Каппадокия, арабские территории в Османской империи.

В военный период практически во всех этих внутренних обществах имели место волнения той или иной интенсивности, в некоторых происходили успешные или провалившиеся национально-освободительные (сепаратистские) восстания, которые никак не отделить от полемогенной волны революций. Но что читать обществом – вопрос отнюдь непростой в данной ситуации. Южная и Северная Ирландия до отделения первой – это одно общества или два? Сколько обществ было в Туркестане (позже названном «Средней Азией»)? Арабы под османской властью, впоследствии весьма произвольно поделенные на разные государства, сколько обществ тогда составляли? Вряд ли вообще возможны однозначные ответы на такие вопросы.

Во-вторых, некорректно ограничивать анализ революционной волны только «успешными» революциями (со свержением прежней власти), революционные события с провалами, уступками и замирением, сложными перипетиями удач и поражений, захватов и освобождений также являются неотъемлемыми составляющими волны. Но в таком случае крайне затруднительно, если вообще возможно, установить единый общий критерий для разделения того, какие явления социальной нестабильности считать принадлежащими революционной волне, а какие – нет.

Поэтому приведенный ниже список обществ и революционных событий изначально условен, отнюдь не претендует на полноту. В него включаются только те явления, которые представляются наиболее значительными для других явлений полемогенной волны революций и их последствий 1917–1927 гг., а также для последующих процессов и событий в государствах, образовавшихся по результатам этой волны и Первой мировой войны.

Государства, общества и революции полемогенной волны 1917–1920 гг.

Российская империя:

– Февральская революция, захват власти большевиками, Гражданская война в

Центральной России, на Урале, в Сибири; новая экономическая политика и ее свертывание;

– революционные и военные события в Финляндии, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Украине, Бессарабии, Закавказье, Туркестане; большевизация одних провинций и отделение других.

Германия:

– Ноябрьская революция (1918 г.), ее подавление и учреждение Веймарской республики.

Австро-Венгрия:

– Венгерская революция и ее подавление, установление режима Хорти;

– рабочие и социалистические движения, протесты в Австрии, – последующий подъем национал-социализма;

– военные и революционные события в Чехии, Словакии, обществах южных славян;

Британская империя:

– Советский Лимерик, национально-освободительная война и отделение Ирландии;

– Призывной кризис в Канадском Квебеке.

Османская империя

– военные и межэтнические конфликты начала войны.

– Кемалийская революция, государственная, национальная и культурная политика Кемаля Ататюрка.

Италия:

– «Красное двухлетие» (с массовым захватом рабочими фабрик), «Черное двухлетие» как начало подъема фашизма с последующим установлением режима Муссолини.

Мексика:

– завершение этапа Гражданской войны и принятие Конституции (1917 г.), восстание *кристерос* в защиту церкви (1926–1929 гг.).

Экспланандумы и подход к объяснению

Революционные процессы и их последствия являются сложнейшими и многогранными историческими явлениями, каждый аспект, характеристика которых может быть превращен в переменную и стать целью

объяснения – экспланандумом. Выбор экспланандумов всегда в большой мере субъективен и произволен, обычно он определяется исследовательской модой, актуальностью переменных для современной ситуации, а также личными предпочтениями ученого.

Революции принято оценивать по успешности, а также по уровню насилия (бескровные революции предпочтительней кровавых) и по результатам: достигнут ли суверенитет, насколько демократичен или авторитарен постреволюционный режим, насколько он устойчив или хрупок, признан ли он международным сообществом³.

В основе данного исследовательского подхода лежит историческое сравнение, относящееся к типу «макросоциальный анализ» с выдвижением и проверкой гипотез и «сравнениям, выделяющим вариации», где одновременно учитывается множественность форм и множественность аспектов изменений. Причины и условия революционных процессов многофакторны, но составление единого списка факторов крайне затруднительно, если вообще целесообразно.

Обычный подход учета максимального числа количественных факторов и проведение корреляций не релевантен по многим причинам, обсуждение которых здесь излишне. Нужны факторы, влияние которых было сильным или даже определяющим хотя бы для двух или нескольких случаев революций. Для их обнаружения целесообразно использовать классические методы Бэкона-Милля, прежде всего, *метод единственного сходства* (что общего между весьма различными явлениями, которые привели к сходным результатам?) и *метод единственного различия* (что отличает весьма схожие явления с кардинально различными результатами?), *объединенный метод*

³ Katz, M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999; Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005; Davis, Norman. *Europe: A History*. Oxford University Press, 1996; Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5. – С. 58-103; Goldstone, Jack A. *Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory* // *Annual Review of Political Science*, 2001, No. 4. Pp. 139-187.

сходства и различия, а также его уточнение с помощью аппарата Булевой алгебры по методу Ч. Рэгина⁴.

Кого захватывает полемогенная волна

Рассмотрим случаи Италии и Франции. Обе воевали на стороне Антанты. Несмотря на наличие сильных и популярных социально-демократических (марксистских, близких к коммунистическим), анархо-синдикалистских, трудовых и прочих левых движений, в военное время обе страны не переживали существенных социально-политических кризисов, несмотря на тяжелое экономическое положение, случавшиеся поражения и пример Русской революции. Вероятно, в обоих случаях сыграл фактор общенациональной мобилизации (подобно российскому в 1914 – начале 1915 гг.), а также более развитые демократические институты в столицах и в провинциях.

В послевоенный период наблюдается уже существенное расхождение: относительно спокойная социально-политическая обстановка во Франции при бурных событиях в Италии: «Красное двухлетие» с массовым и многократным захватом рабочими фабрик, вооруженными стычками с полицией.

«В феврале 1920 г. в Сестри Поненте по инициативе профсоюза металлургов УСИ (USI, Союза синдикалистов Италии – прим. автора) произошел захват рабочи-

ми 15 фабрик. Захваты распространились на Дженовезато и Виареджо. На фабриках установилась организация в виде Советов, выполнявших волю внутренних общих собраний рабочих. В марте рабочие выступления охватили Турин и в апреле распространились на весь Пьемонт: в выступлениях участвовали батраки и рабочие. Произошли захваты фабрик в Неаполе. В июне в Анконе вспыхнуло народное восстание, когда при поддержке местной Палаты труда солдаты отказались отправляться воевать в Албанию. Развернулась настоящая городская партизанская война: солдаты и население сражались против полиции и правительственных гвардейцев. Выступление удалось подавить лишь ценой огромных усилий; 500 человек были арестованы».

Затем последовало «Черное двухлетие» с подъемом фашизма под руководством Муссолини, жестокой насильственной борьбой фашистов с синдикалистами и коммунистами, последующим уверенным шествием Муссолини к полной политической победе («поход на Рим»).

Метод единственного различия никогда не может быть строго применен на историческом материале по причине отсутствия периодов, явлений с полностью совпадающими признаками («кроме одного»). Однако сама логика данного метода полезна и применима.

Имело место множество важнейших и вполне релевантных проблеме сходств между послевоенными Францией и Италией: общая победа в войне, большие жертвы, значительный уровень классовой эксплуатации, альянс промышленников с правительством, развитость рабочего и левого движения, высокая популярность Русской революции, а затем и большевизма среди социал-демократических, коммунистических лидеров, паломничество левых лидеров Франции и Италии в Москву, в том числе, их участие во II конгрессе Коминтерна и принятие жестких ленинских «21 условия», последующее образование в 1920–1921 гг. коммунистических партий как результата раскола социалистов, подъем в 1920-е гг. настроений, родственных фашизму, с учреждением соответствующих организаций. Что же было различным?

⁴ О логике использования методов Бэкона-Милля см. в работах: Разработка и апробация метода теоретической истории. Серия «Теоретическая история и макросоциология». Вып. 1. – Новосибирск: Наука, 2001. [Razrabotka i aprobaciya metoda teoreticheskoy istorii. Seriya 'Teoreticheskaya istoriya i makrosociologiya' (Development and Approbation of the Method of Theoretical History. A series of 'Theoretical History and Macrosociology'. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001.); Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009. [Rozov, Nikolai S. Istoricheskaya makrosociologiya: metodologiya i metody (Historical Macrosociology: Methodology and methods) Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009; Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Во-первых, международный конгресс проводился, и мирный договор заключался в Версале, то есть Франция выступала в роли хозяина действия и главного победителя. Такая роль всегда означает высокий международный престиж и, согласно закону Вебера, значительно повышает легитимность власти и режима. По контрасту, Италия, хоть и внесла сравнимый вклад в победу, понесла, как и Франция, весьма значительные жертвы, но не получила достойного международного признания⁵.

Во-вторых, более высокая социальная солидарность в послевоенной Франции сыграла дополнительную роль. Французское правительство, ощущая себя лидером держав-победительниц, весьма негативно относилось к Советской России, считая власть большевиков незаконной и недолговечной. Это было связано также с обилием в Париже высокопоставленных российских эмигрантов, активным участием Франции в т. н. «интервенции», в помощи Белому движению. По контрасту, низкая легитимность итальянского правительства среди рабочих сочеталась с надеждами на победившего в бывшей державе-союзнице «первого государства рабочих и крестьян».

Попробуем обобщить выявленные на этих частных примерах дифференцирующие условия. При прочих сходных обстоятельствах в полемогенную волну скорее включатся те общества, в которых:

- нет международного престижа военной победы, лидерства в победе, обуславливающего легитимность власти и режима;
- нет обилия высокостатусной контрреволюционной эмиграции из потенциального общества-донора революции;
- нет активного участия в военных акциях против этого общества-донора.

⁵ «Италия значительно ослабила Центральные державы: австрийская армия была разбита в Италии. Однако союзники почти не заметили этой самоотверженности итальянцев, чем нанесли глубокую рану их гордости»: Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005 [Davis, N. Istorija Evropy (A History of Europe). Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005]

Разная лояльность к Британской империи

Более простые причины, хотя, вероятно, не единственные, объясняют различия в отношении к военному призыву, в уровнях протеста и сепаратистских стремлениях. Рассмотрим эти различия на примере лояльности к Британской империи: между англоязычной Канадой и Квебеком, между северной и южной частями Ирландии.

Здесь очевидными факторами являются конфессиональная принадлежность элит и большинства населения (англиканство или католичество в обеих парах), господствующий язык (английский или иной: французский в Квебеке и ирландский в южной Ирландии), развитость собственных автономных органов управления и связанная со всеми этими обстоятельствами этническая, политическая идентичность («мы – аплоканадцы, но британские подданные», «мы живем в Ирландии, но остаемся британцами» или же «мы – квебекцы, франкоканадцы, а не британцы», «мы – ирландцы, а не англичане»).

Быть или не быть гражданской войне?

Самый негативный результат революции в плане гуманистических ценностей состоит в соскальзывании общества к кровопролитной гражданской войне. Почему в одних случаях она происходит, а в других – нет?

Будем понимать гражданскую войну в узком смысле — как войну внутри общества, с учетом того, что в империях с этническими провинциями – отдельными обществами – столкновения с ними центра (общества имперского хартленда) имеют иной характер, который можно называть «национально-освободительной войной» (как ирландцев против Британии, поляков, украинцев против Советской России, арабов против Турции как центра Османской империи) или подавлением сепаратизма – «восстановлением единства».

В рассматриваемый период Россия, Турция, Финляндия и Венгрия, Мексика пережили несчастье гражданской войны (причем, Мексика – дважды), а в Германии и Италии

вооруженное насилие не перешло границ мятежей и их подавления, репрессий, множественных стычек на политической почве. Пожалуй, две революции в России здесь следует считать двумя случаями: Февральская революция (Россия-1) отнюдь не вела к Гражданской войне, тогда как Октябрьский переворот вкупе с разгоном Учредительного собрания (Россия-2) сделали ее неизбежной.

Какие вероятные факторы обуславливают гражданскую войну? Этот тип войны имеет братоубийственный характер, т. е. связан с крайне высокими издержками не только материального, политического, но и морального плана. Между сторонами конфликта должны быть разногласия такого масштаба, что они уже не способны договориться и не желают этого. Вероятная причина состоит в занятии хотя бы одной стороной политической позиции настолько радикальной, что она совершенно не приемлема для другой стороны – настолько, что лидеры, организации, индивиды готовы убивать своих сограждан из-за этого. Назовем этот фактор *Неприемлемым радикализмом (R)*.

Гражданская война маловероятна, если властный центр, контролирующий административный аппарат государства, экономические элиты и достаточно лояльный аппарат принуждения солидарны между собой и находятся на одной стороне конфликта. Таков фактор *Административно-силовой консолидации (C)*. При такой консолидации даже широко распространенные протесты, мятежи, восстания обычно подавляются, хотя и не всегда.

Весьма специфическим является в данном аспекте случай с восстанием *кристерос* в Мексике (1926–1929 гг.). Здесь не восставшие, а правительство проявило неприемлемый для огромной части населения радикализм, запретив церковное образование, монастыри, отобрав земли у церкви, фактически запретив огромному числу священников отправлять службы. При этом, правительство, экономические элиты, армия и даже могущественная соседняя держава (США) – все были на одной стороне. Тем не менее, возмущение антиклерикальной реформой было столь велико, а поддержка восставших столь широкой, что за восстанием последовала гражданская война.

Заметим, что гораздо более радикальные антицерковные акции большевистского правительства в Советской России не вызвали подобной волны протестов и восстаний, что говорит многое о положении и роли церкви, отношениях между священнослужителями и паствой в тогдашних российском и мексиканском обществах.

Что может привести к гражданской войне даже в условиях консолидации власти, элит и военной силы государства? У восставших есть следующие возможности: создать собственную армию, максимально расширить и усилить партизанское движение, посеять разлад в правительственные войсках и привлечь их части на свою сторону, прибегнуть к иностранной помощи. Впрочем, ничто не мешает совмещать эти приемы. Если правительственные силы слабы, нерешительны, а восставшие мобилизуют и организуют свою достаточно мощную и мотивированную армию, тогда власть свергают и гражданской войны не происходит. В более частых случаях восстания и слабые ополчения мятежников подавляются правительственными войсками. Таким образом, для гражданской войны требуется некая паритетность. Что это означает?

Известны составляющие успешной военной силы: эффективная организация (с штабом, стратегией, координацией действий между подразделениями), количество и качество офицеров и бойцов (опыт, подготовка, мотивация, дисциплина), вооружение, стратегическое положение, снабжение и способность к восстановлению потерь (рекрутированию новых бойцов, производству или закупке вооружения, боеприпасов). Если какие-то ингредиенты военной силы больше на одной стороне, другие – больше на другой, иными словами, есть некий паритет, то военные действия не завершаются разом за 1–2 боя, но затягиваются, что и означает развязывание войны. Итак, требуется фактор *Паритетности сил (P)*.

Обозначим гражданскую войну буквой *W*.

Построим таблицу по соединенному методу сходства и различия. Наличие и отсутствие признака здесь обозначаются как 1 и 0.

	Неприемлемый радикализм R	Консолидация C	Паритетность сил P	Гражданская война W
Россия-2 (после Октябрьского переворота)	1	0	1	1
Турция (хартленд Османской империи)	1	0	1	1
Венгрия	1	0	1	1
Финляндия	1	0	1	1
Мексика	1	1	1	1
Россия-1 (после Февральской революции)	0	0	0	0
Италия	1	1	0	0
Германия	1	1	0	0

В соответствии с методом Ч. Рэгина обозначим большими буквами наличие признака, малыми – отсутствие. Построим формулы Булевой алгебры для случаев наличия и отсутствия гражданской войны, где знак «+» (логическое сложение) означает нестрогую дизъюнкцию, а объединение букв в блоки (логическое умножение) – конъюнкцию. Каждая строка в таблице (значения факторов в соответствующем случае) преобразуется в один блок.

Получаем следующее выражения для первых четырех «позитивных» случаев (произошла гражданская война):

$$RcP+RcP+RcP+RcP + RCP = W$$

$W = RP (c+C) = RP$ (тавтологии в скобках сокращаются, поскольку признак считается нерелевантным).

Иными словами, на основе обобщения данных случаев правомерна следующая гипотеза. Для возникновения гражданской войны необходимы и достаточны R – радикализм хотя бы одной стороны, не приемлемый для другой, и P – военный паритет между силами сторон.

Сложнее ситуация со случаями отсутствия гражданской войны (притом, что в каждом либо произошла революция, либо имели место бурные революционные события).

$$rcp+ RCp + RCp = w$$

Здесь, как обычно, общие множители выносятся за скобки.

$$w = p(rc + RC + RC)$$

Таким образом, формулируется следующая гипотеза. После революций или революционных событий, угрожающих свержением власти, гражданская война не возникает при

p – отсутствии военного паритета между силами сторон (необходимое условие), в то же время могут иметь место либо отсутствие неприемлемого радикализма вместе с отсутствием консолидации между властным центром, экономическими элитами и лояльным аппаратом (rc – случай Февральской революции) либо совмещение радикализма с консолидации (RC – случаи подавления Ноябрьской революции и позднейших восстаний в Германии, подавления движения захвата фабрик и рабочих мятежей в Италии).

Линии модернизации как факторы и следствия революций

Поскольку все государства и общества, участвовавшие в Первой мировой войне, переживали тот или иной этап модернизации, значимо также, какую роль сыграли революции в основных аспектах (линиях) модернизации. Под *модернизацией* здесь будем вслед за Р. Коллинзом понимать совокупность следующих относительно долгосрочных линий – автономных исторических процессов⁶:

– *бюрократизация* (рост и разветвление государственных структур, берущих на себя функции прежних традиционных – патриархальных и общинных – институтов);

⁶ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. Гл. 4-5. [Collins, R. Sociologia filosofii: global'naia teoriia intellektual'nogo izmeneniia (Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change). Novosibirsk: Sibirskii Khronograf, 2002. Ch. 4-5]

– *секуляризация* (вытеснение церкви и религии с центральных позиций в сфере культуры, морали, легитимации власти, образования и проч.);

– *капиталистическая индустриализация* (распространение машинного производства при использовании открывающихся рынков капитала, земли и рабочей силы);

– *демократизация* (развитие коллегиального разделения власти, конституционализма и расширения избирательного права).

В дополнение к теме секуляризации добавим еще один момент:

– *рост творческой свободы в культурном производстве, ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров* (авангардизму в широком смысле), когда происходят частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

Разумеется, все эти линии играли свою роль также в созревании предпосылок и причин революций в каждом обществе: напряжений, дисбалансов, противоречий, конфликтов. Модернизация, с одной стороны, «пробивала себе дорогу» через революции, с другой стороны, вела к международным и внутривнутриполитическим кризисам, к войнам, к соответствующему ослаблению и делегитимации государств, что способствовало революциям, которые либо вели к дальнейшей модернизации обществ, либо сталкивали их в контрмодернизацию по одной, нескольким или даже по всем линиям.

Рассмотрим причины сходств и различий по отдельным линиям модернизации в революциях и их последствиях в 1917–1927 гг.

Религия и революция

В двух бывших империях – Османской и Российской – революции проводились с явными секулярными, антиклерикальными программами. При победе революций установились весьма секулярный (для мусульманского мира) кемалийский режим в Турции и после Гражданской войны коммунистический режим в СССР с массовым разрушением церквей, репрессиями против священнослужителей, принудительным атеизмом.

По контрасту, в революционной борьбе за национальное освобождение в Польше и Ирландии религиозная (в обоих случаях, католическая) идентичность была важным фактором солидарности и решимости к политическим действиям, в том числе, решимости умирать и убивать за освященную общей верой Родину.

Разумеется, важнейшее обстоятельство – положение церкви и/или религиозных элит в конфликтной ситуации. Если они тесно связаны (обычно в роли главных легитиматоров) и жестко ассоциируются с властью и режимом, против которых направлена революция, тогда идеология протеста и революции в данном аспекте будет либо иноконфессиональной (как поляки против российского православия, ирландцы против британского протестантизма), либо секуляристской (как в кемалийской революции), либо атеистической (как у большевиков). Наоборот, притесняемая режимом, чужими элитами религия, воспринимаемая как объединяющее начало народа, жаждущего освобождения, национального суверенитета (католичество у поляков и ирландцев) непременно войдет в состав революционной идеологии, а при победе соответствующая церковь укрепит позиции и станет одним из главных легитиматоров нового режима и новой власти (что и произошло в обоих случаях).

Таким образом, революции, всегда в той или иной мере, являющиеся результатами напряжений и дисбалансов, порожденных модернизацией, вовсе не обязательно движут модернизацию вперед в аспекте секуляризации. В рассмотренных случаях только кемалийская революция стала однозначно модернизационной: религия в Турции не была запрещена, но была вытеснена с центральных позиций в общественной и политической жизни, в образовании и интеллектуальной сфере⁷. При революцион-

⁷ Ушаков А.Г. Феномен Атаатюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002. [Ushakov, A. G. Fenomen Ataturka. Tureckiy pravitel, tvorets i dictator (The Atatürk Phenomenon. The Turkish Ruler, Creator and Dictator). Moscow: Tsentrpoligraf, 2002.]; Проявившаяся в последние десятилетия и особенно в последние годы хрупкость секулярных завоеваний Кемаля указывает не только на

ном завоевании национальной независимости религия и церковь ожидаемо укрепились в Польше и Ирландии. Принудительный государственный атеизм в СССР, а также радикальная антиклерикальная реформа в Мексике⁸ не продвигали секуляризацию (предполагающую свободу совести, свободу создания религиозных и атеистических организаций, отсутствие какого-либо принуждения в школах в этих вопросах, частный характер веры каждого гражданина), но обращали ее вспять. Не удивительно, что в Мексике католичество во многом восстановило свое влияние, даже после подавления *кристерос*, в посткоммунистическую эпоху православный клерикализм в центральной России, мусульманство и буддизм в ее национальных анклавах набирают силу. Надежно блокирует клерикализм именно глубоко институционализированная секуляризация. Принудительный советский атеизм, верхушечная кемалийская секуляризация с опорой на армию, скандальный антиклерикальный радикализм в Мексике оказались слабыми барьерами для реванша религии.

Быстрое поражение советских республик в Ирландии («Советский Лимерик») и Венгрии (1919–1920 гг.) во многом было связано с религиозным аспектом, хотя и с кардинальными отличиями. По свидетельству очевидцев, восставшие ирландцы-лимерикцы были вполне набожными, чем и воспользовались власти, сумевшие через епископа уговорить лимерикцев сдать город.

недостаточный масштаб преобразований (до деревни секуляризация толком не добралась), но и на институциональную слабость соответствующей политики. Возможно, ставка в секуляризации преимущественно на армию и военных была хоть и эффективным поначалу, но недостаточным ходом.

⁸ Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Выбор пути 1917–1928 гг. – М.: Университет Дмитрия Пожарского: Русский Фонд содействия образованию и науке, Т. 2., 2011. [Platoshkin, N. N. Istoriya Meksikanskoj revolyucii. Vybor puti 1917-1928 (The History of the Mexican revolution. The Choice of the Path 1917-1928). Moscow: Dmitry Pozharsky University: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Vol. 2, 2011.]

Напротив, правящее ядро, наиболее активные деятели Советской Венгерской республики были яркими атеистами (к тому же евреями), что сыграло роль в их конфликтах с традиционалистским крестьянством, в поддержке подавления Советской республики армией возглавленной Хорти. Сам Хорти был приверженцем консерватизма, что тогда в Венгрии означало поддержку католической веры. Он говорил, что «прощает грешную столицу» (вполне религиозный дискурс в политике), а все учащиеся в период его правления должны были ежедневно произносить клятву, первые слова которой были «Я верю в Бога!».

Заметим, что при кардинальных различиях ситуаций именно религия и религиозность (в обоих случаях, католические) сыграли значительную роль в подавлении советских республик: посредством мирного «уговора» в Лимерике и жестокого военного (с последующим «белым террором») в Венгрии.

Ситуации в Ирландии и Венгрии противостоят триумфальной победе атеистического большевизма в России. Заметим, что во всех трех случаях уровень модернизации по линии секуляризации был невысоким. Более религиозным и консервативным оставался Лимерик, что и обусловило вполне мирное окончание лимерикского советского восстания в религиозном же окружении.

Революционные лидеры и активисты России и Венгрии, как правило, выходцы из образованного класса с немалой долей ранее маргинализированных инородцев (евреев в обоих случаях, а также грузин, поляков, латышей в России) были жестко настроены против доминировавших при прежних режимах церквей (православной и католической, соответственно). В России они выиграли, а в Венгрии проиграли уже из-за множества политических и военных причин. Но отметим, что для обоих случаев характерен крайне высокий уровень взаимного насилия и жестокости («красный террор» и «белый террор»), причем отвержение религии и церкви «красными» и консервативная религиозность среди «белых» также внесли вклад в во взаимное отчуждение и обрушение планки допустимого в жестокости и массовости насилия.

Творческий авангард в России и Германии 1910–1920-х гг.: связь с войной, революцией и модернизацией

Новшества всегда появлялись в культуре, но в эпохи традиционализма они рядились в одежды «возрождений», «обращения к истокам», разрешенной иноземной экзотики и комментаторства⁹. Культурный аспект модернизации, родственной секуляризации – оттеснению религии, всегда державшейся за каноны, состоит в легитимации новаторства, то есть в утверждении законности, значимости, привлекательности новых стилей, приемов, тем, жанров в искусстве и литературе, причем именно как новшеств, в той или иной мере противопоставленных традиционным формам.

Авангардизм является не просто новаторством, главная идейная направленность художественного авангарда в узком смысле – принципиальное отвержение прежних традиций, претензия на открытие совершенно новой, небывалой эпохи в творчестве.

Если первопроходец – итальянский авангардизм в форме футуризма – в значительной мере ослаб во время Первой мировой войны и угас к концу 1920-х гг., то различные течения русского, советского авангарда и немецкого экспрессионизма (включая австрийский) расцветали¹⁰. Они по праву оцениваются как наиболее значительные явления в европейской художественной культуре бурных первых десятилетий XX века. Рассмотрим их сходства, различия и попробуем

выявить причины особенностей в контексте войны, революции и модернизации.

Известные общие черты включают антибуржуазность, идеи конца эпохи, истощенности прежнего этапа цивилизации, отвержение академических, классических канонов, смелые эксперименты с формой, цветом, беспредметностью, направленность на шок, сильные эмоции, отнюдь не обязательно приятные. Тесное сотрудничество русских и немецких художников (в частности, воплотившееся в знаменитом альманахе «Синий всадник» под редакцией В. Кандинского и Ф. Марка) не было случайностью. «Обе нации разделяли комплекс неполноценности по отношению к остальной Европе и мессианское чувство превосходства»¹¹.

По словам К. Хиллера для экспрессионизма важны содержание, воля, нравственность. Протестная и этическая (в том числе, негативистская, брутальная, отвергающая) направленность была характерна и для части русского авангарда, прежде всего, футуризма, например в творчестве Д. Бурлюка и В. Маяковского. Сходны также закат русского авангарда уже в начале 1920-х гг. с последующим переходом остатков в подполье либо в «производственное» и даже сервильное искусство¹², и острые конфликты, раскол, упадок экспрессионизма с приходом в Германию нацизма в 1930-е гг.

При всем этом имеются серьезные расхождения. По неясным причинам в России начала XX в. особенно больше развитие получила систематическая работа с формой, техникой, приемами (наиболее ярко у В. Хлебникова, А. Крученых, В. Кандинско-

⁹ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002 [Collins, R. Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniia (Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change). Novosibirsk: Sibirskii Khronograf, 2002]

¹⁰ За несколько лет в Германии было издано более 100 экспрессионистских альманахов и сборников. Хренов Н.А. Возвращаясь к экспрессионизму: экспрессионизм и русская культура // Культура и искусство. – 2013. – № 3(15). – С. 328. [Khrenov, N. A. Vozvrashchayas k ekspressionizmu: ekspressionizm i russkaya kultura (Returning to Expressionism: Expressionism and Russian Culture) // Kultura i iskusstvo, 2013, No. 3(15), p. 328.]

¹¹ Туровская М. О выставке и каталоге. В кн.: Москва–Берлин. 1900–1960. – М., 1996. – С. 12. [Turovskaya, M. O vystavke i kataloge (On the Exhibition and Catalogue). In: Moscow–Berlin. 1900–1960. Moscow, 1996. P. 12.]

¹² Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 148–158. [Adaskina N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Hardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. Pp. 148–158.)]

го и К. Малевича, позже у А. Введенского, П. Филонова).

«Исторически сложилось так, что художественно-профессиональным содержанием и родовой чертой русского авангарда во всех его разнообразных ответвлениях: от неопрimitивизма до конструктивизма, от Ларионова и Шевченко до Родченко и К. Иогансона – было выявление самоценности пластической формы и исследование, интуитивно-художественное или сознательно-экспериментальное, граничащее с научным, законов ее построения и воздействия [...] В середине 10-х гг. русский формальный эксперимент в своей первой стадии был доведен до логического конца: Малевич, Татлин, Ларионов, Кандинский и их последователи в принципиально разных вариантах освободили изобразительное искусство от изобразительности. «Дойдя до нуля» и «перейдя за нуль», по выражению Малевича, русские авангардисты превратили затем свое творчество в школу, а точнее, в высший институт научно-художественной, аналитической, экспериментальной работы с формой»¹³.

На поверхности лежат те различия, что вызваны разным выходом из войны, поражением Ноябрьской революции 1918 г. в Германии и победой большевиков в России, принципиально разными политическими и экономическими условиями творчества в Веймарской Германии и СССР. Глубокий социальный пессимизм немецкого экспрессионизма контрастирует с искренним оптимизмом раннего советского авангарда, с его настроением на построение совершенно нового, свободного и справедливого общества.

Богатейшее разнообразие стилей и течений немецкого экспрессионизма связано с весьма дифференцированной материальной основой творчества, широкими рынками культурного потребления в Германии и Ев-

ропе. Неуклонное сужение стилей, жанров, направленности советского авангарда уже в 1920-х гг. было связано с монополизацией ресурсов государством. НЭП (с «нэпманами» как средним слоем) не смог или не успел оказать достаточную поддержку. Произошло свертывание авангарда к нескольким областям приложения, прежде всего, в революционном театре и агитации (до начала сталинского «упорядочения» советской культуры), в архитектурных проектах (в большинстве – оставшихся на бумаге) и в прикладном искусстве.

Отношение экспрессионизма к миру хорошо передает стихотворение «Поэт» И. Р. Бехера из его книги стихов «Распад и торжество» (Берлин, 1914):

Мечу я пламя в Господа и мир,
Плюя презренье, мор, измену, яд.
Мне вспучивает мускулы мятеж.
Я акробатом в цирке распинаясь,
Под пулями режусь и под ножом.

(перевод Н. Останина)

Формула «распад и торжество» – образно и концептуально богатая метафора. «Распад» выражает отношение к отжившему, отвратительному, развращенному, несправедливому миру, а «торжество» – визионерские мечты о новом прекрасном свободном мире всеобщего единения.

В связи с революционными событиями эта пара обрела идейное, социально-политическое содержание. В обеих странах прежний ненавистный мир стал ассоциироваться с поверженной монархией и будто бы отживающим капитализмом, «буржуазностью». После поражения революции в Германии и при становлении Веймарской республики никакого «прекрасного нового мира» немецкие экспрессионисты уже не видели, с этого времени преобладают настроения пессимизма, отчаяния, «крика». Парадоксально, что при обилии творческих союзов, кружков это движение было весьма плодотворно, богато талантами и шедеврами, на которые, очевидно, имелся спрос в том самом хулимом «буржуазном обществе». С другой стороны, социальный и мировоззренческий пессимизм экспрессионистов той эпохи явно не был надуманным. Накла-

¹³ Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 148. [Adaskina N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Khardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 148.)]

дывались друг на друга травма поражения, унижение на международной арене, растущее неравенство, надвигающаяся экономическая депрессия – те же беды, по причине которых вырос и победил в начале 1930-х гг. гитлеризм.

Победа революции и становление советского государства с коммунистическим режимом в России пробудила грандиозные надежды¹⁴. Художники и писатели работали на будущее «неизбежное» торжество всемирного коммунизма.

«Революционный пафос «разрушения старого мира», безусловно, подогрел экстремистские тенденции художественного авангарда. Дело здесь, видимо, в том, что на какое-то время возникла иллюзия, будто могут быть осуществлены, могут стать законом жизни массы людей те фантастические идеи и формулы, изобретенные авангардом в пору его подспудного, оппозиционного по отношению к общепринятым ценностям существования, которые ранее воспринимались не вполне серьезно, как метафора, художественная игра, форма эпатажа: идеи возвращения к естественным и здоровым нормам через отказ от ценностей буржуазной цивилизации или идеи организации, урбанизма – в общем, идеи резкого усовершенствования самого человека и его отрыва от привычных форм жизни»¹⁵.

Затем последовало столкновение с реальными трудностями. Фактически единственным платежеспособным заказчиком авангардистских работ было государство, но уже в начале 1920-х гг. стала проявляться стена непонимания и отчуждения, а с середины десятилетия – откровенное неприятие

авангардизма со стороны большевистской власти, что заставило одних эмигрировать (как Кандинский), а других – уходить в «подполье» (как Филонов).

Любопытно, что исполненное трагизма разочарование во внутренних проблемах (обновление форм явно забуксовало, начались идейно неприемлемые для авангарда академизация и эстетизация) и во внешних трудностях социального и политического порядка привели русских авангардистов к экспрессионизму, возврату к значимости содержания, эмоций, представлению человека как живого человека, а не элемента формальных конструкций, как было ранее. Здесь наблюдается вполне закономерная конвергенция с немецким экспрессионизмом после нескольких лет расхождения.

Авангард – самое радикальное творческое движение в русле модернизации, поскольку наиболее последовательно и непреклонно отвергает прежние культурные достижения. При всей сложности сходящихся, пересекающихся и расходящихся путей развития русского (затем советского) и немецкого авангарда важнейшим макросоциальным феноменом является их распад и гибель, а вовсе не торжество. В обоих случаях сыграла роль не культурная, а политическая динамика: в Германии и СССР победили тоталитарные режимы. Несмотря на их отдельные современные и даже прогрессивные черты (развитие науки и образования, постройка каналов и ГЭС в СССР, первой сети автобанов в Германии), это были контрмодернизационные режимы, причем не только в своем антидемократизме, но и в сфере культурного творчества. Псевдоантичный классицизм при Гитлере и «сталинский ампи́р» – яркие символы этого разворота вспять.

Крайне любопытными, но трудными для анализа случаями являются также относительные успехи демократии в послевоенных Чехословакии и Германии при установлении жестких диктатур фашистского типа в Венгрии и Италии. Относительно устойчивости/хрупкости постреволюционных режимов релевантными случаями для сравнения являются относительно устойчивые режима разного типа в Турции, Финляндии, Польше, Ирландии, Венгрии, с одной стороны,

¹⁴ Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1952. – Берн-Москва, 1995. [Velikaya utopiya. Russkiy i sovetskiy avangard 1915–1952 (Great Utopia. The Russian and Soviet Avantgarde of 1915–1952. Bern-Moscow, 1995.)]

¹⁵ Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 153. [Adaskina N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Hardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. P. 153.)]

и соскользнувшие к тоталитаризму Италия, Германия и СССР – с другой. Оставим эти проблемы для дальнейших исследований.

Итак, полемогенная волна революций, вызванная Первой мировой войной, показала себя своего рода «лабораторией» для выявления закономерностей и причин, ведущих к различным результатам. Оправдал себя метод исторических сравнений с использованием логических и формальных приемов. Выдвинутые гипотезы теперь могут быть проверены и скорректированы на более широком историческом материале.

Литература:

Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 148–158.

Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1952. – Берн-Москва, 1995.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5. – С. 58–103

Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.

Коллинз Р. Макрористория: опыты социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015.

Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Выбор пути 1917–1928 гг. – М.: Университет Дмитрия Пожарского: Русский Фонд содействия образованию и науке, Т. 2., 2011.

Разработка и апробация метода теоретической истории. Серия “Теоретическая история и макросоциология”. Вып. 1. – Новосибирск: Наука, 2001.

Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. – 2016. – № 10. – С. 78–95.

Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009.

Туровская М. О выставке и каталоге. В кн.: Москва–Берлин. 1900–1960. – М., 1996.

Ушаков А.Г. Феномен Атаютюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002.

Хренов Н.А. Возвращаясь к экспрессионизму: экспрессионизм и русская культура // Культура и искусство. – 2013. – № 3(15). – С. 328–343.

Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, Vol. 35(2), pp. 167–207.

Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford University Press, 2000.

Collins, Randall. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard University Press, 1999.

Davis, Norman. Europe: A History. Oxford University Press, 1996.

Goldstone, Jack A. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*, 2001, No. 4. Pp. 139–187.

Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999.

Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Unione Sindacale Italiana tra sindacalismo di base e trasformazione sociale // *Quaderni di Lotta di Classe*, 1997, No. 1. Mode of access: <http://aitrus.info/node/168>. <http://aitrus.info/node/168>

References:

Adaskina, N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Hardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. Pp. 148–158.

Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, Vol. 35(2), pp. 167–207.

Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford University Press, 2000.

Collins, Randall. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard University Press, 1999.

Davis, N. Istoria Evropy (A History of Europe). Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005.

Davis, Norman. Europe: A History. Oxford University Press, 1996.

Goldstone, Jack A. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*, 2001, No. 4. Pp. 139–187.

Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999.

Khrenov, N.A. Vozvrashchayas k ekspressionizmu: ekspressionizm i russkaya kultura (Returning to Expressionism: Expressionism and Russian Culture) // *Kultura i iskusstvo*, 2013, No. 3(15), pp. 328–343.

Platoshkin, N.N. Istoriya Meksikanskoy revolyucii. Vyor puti 1917–1928 (The History of the Mexican revolution. The Choice of the Path 1917–1928). Moscow: Dmitry Pozharsky University: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Vol. 2, 2011.

Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Razrabotka i aprobaciya metoda teoreticheskoy istorii. Seriya ‘Teoreticheskaya istoriya i makrosociologiya’ (Development and Approbation of the Method of Theoretical History. A series of ‘Theoretical History and Macrosociology’. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001.

Rozov, Nikolai S. Istorieskaya makrosociologiya: metodologiya i metody (Historical Macrosociology: Methodology and metHods). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009.

Rozov, Nikolai S. Revolyucionnie volni v mirovoy istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya (Revolutionary Waves in the World History: Dynamic Models of Growth and Extinction) // *ECO*, 2016, No. 10, pp. 78–95.

Turovskaya, M. O vystavke i kataloge (On the Exhibition and Catalogue). In: Moscow–Berlin. 1900–1960. Moscow, 1996.

Unione Sindacale Italiana tra sindacalismo di base e trasformazione sociale // *Quaderni di Lotta di Classe*, 1997, No. 1. Mode of access: <http://aitrus.info/node/168>. <http://aitrus.info/node/168>

Ushakov, A.G. Fenomen Atatyurka. Tureckiy pravitel, tvorets i dictator (The Atatyurk Phenomenon. The Turkish Ruler, Creator and Dictator). Moscow: Tsentrpoligraf, 2002.

Velikaya utopiya. Russkiy i sovetskiy avangard 1915-1952 (Great Utopia. The Russian and Soviet Avant-garde of 1915-1952. Bern-Moscow, 1995.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-5-19>

THE POLEMOGENIC WAVE OF 1917–1927 REVOLUTIONS
AS A HISTORICAL LABORATORY

Nikolai S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University, Novosibirsk State Technological University,
Novosibirsk, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 17 August 2017 <i>Accepted:</i> 19 December 2017	Abstract: The main link between revolutions in a polemogenic wave is participation of correspondent states in a common war (Πόλεμος – war, Γέννησις – birth). The polemogenic wave caused by the First World War includes successful revolutions (with the change of power) in Russia, Germany, Hungary, the success of some national liberation movements of Irish people, Czechs, Slovaks, South Slavs, Poles, Finns, the defeat of such movements of Ukrainians, Georgians, Armenians, peoples of Turkestan, the establishment of regimes of various types and with different stability. The article presents an approach to identify causes of different types of dynamics and the consequences of revolutionary events in within the wave. The approach includes comparisons using methods of similarity and difference, as well as the application of binarization and Boolean algebra according to Ch. Ragin’s method. The application of this approach makes it possible to put forward hypotheses about causes and patterns of revolutionary dynamics and consequences in the polemogenic wave: what determines inclusion of a society into the wave, the level of loyalty of ethnic provinces in relation to their empire, success and failure of revolutions, existence and absence of civil war, relationship between revolution and religion, nature and fate of the cultural avant-garde.
About the author: Dr. of Philosophy, Professor; Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Acting Head of the Department for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor, Department for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technological University e-mail: nrozov@gmail.com	Acknowledgements: <i>The article is prepared with support of the Russian Foundation for Basic Research, No. 16-03-0031</i>
Key words: revolutionary waves; polemogenic waves; modernization; civil war; secularization; empires; cultural avant-garde; comparative-historical approach, logical methods in social studies	

Для цитирования: Розов Н.С. Полемогенная волна революций 1917-1927 гг. как историческая лаборатория // Сравнительная политика. – 2017. – № 4. – С. 5-19.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-5-19

For citation: Rozov, Nikolai S. Polemogennaia volna revoliutsii 1917–1927 gg. kak istoricheskaia laboratoriia (The Polemogenic Wave of 1917-1927 Revolutions as a Historical Laboratory) // Comparative Politics Russia, 2017, No. 4, pp. 5-19.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-5-19

THE HEGEMONIC ORDER IN THE 21ST CENTURY

Stanisław Bielen

University of Warsaw, Warsaw, Poland

Article history:

Received:

16 May 2017

Accepted:

28 October 2017

About the author:

Professor, The Institute of International Relations, University of Warsaw

e-mail: s.bielen@uw.edu.pl

Key words:

Hegemony; International Relations;
U.S. Status; Contesting U.S. Hegemony

Abstract: The concept of the hegemonic order in international relations is, on the one hand, related to the state-centric understanding of the international system, and on the other hand, to the challenging of the thesis of its polyarchism. While historic hegemonies never had a monopoly on exclusivity, the U.S. has achieved a clear and significant advantage over other powers. This was due to numerous reasons. The multidimensionality of the U.S. power means that no one else is able to match the U.S. in military, economic, technological, political, or cultural-civilizational and ideological terms. The United States has become the only power that can effectively stabilize or destabilize the existing global order. The biggest source of current concern is, on the one hand, a contestation of U.S. hegemony in the world, and, on the other, its actual decline.

Understanding hegemony

The concept of the hegemonic order in international relations is, on the one hand, related to the state-centric understanding of the international system, and on the other hand, to the challenging of the thesis of its polyarchism.¹ Since ancient times (Herodotus, Xenophon, Aristotle, Isocrates), hegemony has been understood as a political and military system based on a hierarchical relationship between an entity with certain power and a vision to utilize it, and geopolitical units ranked lower in terms of their own potential and motivations.² In most cases, hegemony has meant a negative phenomenon of the stronger dictating the patterns of behaviour to the weaker. It has represented a certain superiority of one entity over the other ones, which in historical systems of international relations was seen, for example, in ancient Greece or among the German states until the 19th century. Hegemony is associated with

attempts by one power to impose its leadership on the others through expansive foreign policy. Such a policy was pursued by Spain in the 17th century, France in the 18th century, and Germany in the 20th century.

Hegemony in international relations is one of the forms of domination, alongside such forms as imperialism and leadership (primacy). While imperialism involves a conquest of some territory and its subordination (as a protectorate or colony), leadership (or primacy) is based on a more altruistic form of domination. In imperialist relationships what matters is control and coercion, while leadership is based on consensus and responsibility for a group accepted by the leader.³ All these forms of domination, however, mean the international order is governed by power and strength. They can be distinguished only in theory, as in reality they are intertwined.⁴

¹ Gałanek, A. *Historia stosunków międzynarodowych. Nierówny i połączony rozwój*, t. 1. Idee, Dom Wydawniczy ELIPSA, Warszawa, 2013, p. 474.

² Wilkinson, D. *Hégemonia: Hegemony, Classical and Modern* // *Journal of World-Systems Research*, 2008, Vol. XIV, No. 2, p. 119.

³ Sur, S. *Stosunki międzynarodowe*, Wydawnictwo Akademickie DIALOG, Warszawa, 2012, pp. 167-168.

⁴ Lentner, H.H. *Hegemony and Power in International Politics* / in: M. Haugaard, H.H. Lentner (eds), "Hegemony and Power. Consensus and Coercion in Contemporary Politics", Lexington Books, Lanham, 2006. Pp. 89-108.

Hegemonic countries usually exercise their leadership in various alliances (military-political and economic groupings), striving for legitimacy of their power among smaller and weaker participants. This way, the international system maintains its constitutive quality of “interstateness” and does not evolve into one globalempire. Despite hegemony in international relations, the phenomenon of coordination undertaken by powers does not disappear, its consequence being superordination, or primacy of the biggest, and subordination, or subjection of the rest. Thus, hegemony does not remove the problem of hierarchy and heterarchy of the international order, on the contrary, it strengthens these qualities, exposing the dependence of the weakest on the strongest one.⁵

Marked by the U.S. power

The United States has practised all the forms of domination in its history – it was imperialist when it made territorial conquests in the 19th century, exercised leadership towards Europe after World War II through the Marshall Plan and its support of the North Atlantic Treaty, and finally, after the end of the “Cold War”, it became the only hegemonic power able to rise to the challenge of taking on responsibility for the maintenance of the global order. Its willingness and ability to bear the costs of maintaining the stability of the international system is, however, being deformed, as a result of a growing egoism in satisfying its ideological, political, military and economic interests.⁶

In the 1970's and 1980's, there were many voices cautioning the United States against its unbridled ambitions and unlimited potential to increase its power. One fashionable stream was the so-called declinism, with Paul Kennedy⁷ bringing it as much popularity as anyone

else. While in the strategic perspective such predictions have lost none of their relevance, at the end of the 1990s they were reassessed in favour of America. The United States became the only universal power as a result of the end of the “Cold War”, and the collapse of the Eastern bloc and the Soviet Union, as well as the victorious 1991 Gulf War meant a triumph of its unipolarity and monocentrism in shaping the international order.⁸ In most countries of the world, there was a nearly universal conviction among intellectual elites about the absolute domination of the United States in modern international relations. Differences of opinion were primarily related to the ways of exercising American leadership and the level of acceptance for their global roles.⁹

11 September 2001 became a symbolic date not only due to the spectacular terrorist attack on the United States, but also because of intensified reassessments of America's political and military doctrine. The political elites in Washington were faced with a difficult task to redefine their mission and interests in the international arena. First and foremost, isolationist pipe dreams, which had influenced U.S. policy for decades, became a thing of the past. A sense of security, determined by long distances from potential enemies and sources of traditional threats, was gone, the historical splendid isolation came to an end.¹⁰ Political forces that advocated unilateral U.S. engagement to restore order in major hot spots and pivotal areas of the globe came to the

⁵ Donnelly, J. Rethinking Political Structures: From ‘Ordering Principles’ to ‘Vertical Differentiation’ – and Beyond // *International Theory*, 2009, No. 1, pp. 49-86.

⁶ Bieliński, S. Erozja monocentryzmu w stosunkach międzynarodowych / in: P. Eberhardt (ed.) „Studia nad geopolityką XX wieku”, „Prace Geograficzne”, No. 242, IGI PAN, Warszawa 2013, pp. 97-115.

⁷ Kennedy, P. Mocarstwa świata. Narodziny, rozkwit, upadek, Książka i Wiedza, Warszawa, 1994.

⁸ Krauthammer, Ch. Unipolar Moment? // *Foreign Affairs*, 1990-1991, No. 1; Mastanduno, M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and US Grand Strategy after the Cold War // *International Security*, 1997, No. 4.

⁹ Kowalczyk, M. Lśniące miasto na wzgórzu. Ideowe podstawy amerykańskiego unilateralizmu w okresie rządów George'a Busha, Wydawnictwo von borowiecky, Warszawa, 2008.

¹⁰ Three main tendencies have been a constant theme in U.S. foreign policy since George Washington: isolationist, internationalist (also called multilateralism) and unilateralist (with hints of imperialism), which had its predecessors in early 20th century (Alfred Mahan, Theodore Roosevelt). Russell Mead, W. The American Foreign Policy Legacy // *Foreign Affairs*, 2002, No. 1, pp. 163-176.

fore.¹¹ By launching military interventions on an unprecedented scale, the United States thus took on the role of the empire in the previous sense of the word.¹² It justified its combativeness citing not only the necessity to make up for the damage and the desire to stop escalation of terrorist acts, but also the failure of the existing mechanisms, including, above all, the U.N., to prevent escalation of violence. Thus, the United States turned from a country that participated in the creation of law and institutional guarantees of the polycentric international order into one enforcing the desired behaviours of others, which meant the use of war as a policy tool. It became the only global power, with great advantage over its existing and potential rivals. Aware of its power, it began to manifest its wish to play the role of a „sheriff” that dispenses justice and polices the global order.¹³ As part of such a “philosophy”, America rejected the Kyoto protocol to reduce the emissions of greenhouse gases, refused to sign an agreement to regulate arms trade, withdrew from the ABM treaty,¹⁴ opposed the nuclear testing ban and the convention on biological weapons. The world opinion treated the U.S. refusal to ratify the statute of the International Criminal Court as a scandal.¹⁵

¹¹ Hirsh, M. Bush and the World // *Foreign Affairs*, 2002, No. 5, pp. 18-43.

¹² Ikenberry, G.J. America’s Imperial Ambition // *Foreign Affairs*, 2002, No. 5, pp. 44-60.

¹³ This situation was predicted by Richard Haass in a book published in 1997. He claimed that fixed and permanent alliances ended after the “Cold War”. Their place was to be taken by ad hoc initiatives to mobilize in defence of specific values or principles under the leadership of the U.S. „sheriff”. This prediction came true for the first time in Afghanistan, where NATO and the traditional allies of the U.S. were completely marginalized. Haass, R.N. Rozważny szeryf. Stany Zjednoczone po zimnej wojnie, Wydawnictwo von borowiecky, Warszawa, 2004.

¹⁴ Arms control treaties became a needless restriction of U.S. freedom of action as America realized it was the only superpower with global capabilities and interests. Moreover, the treaties back from 1970s became largely outdated due to technological progress. The Russians also understood the need to change the treaty basis for the strategic balance, accepting the termination of the ABM treaty by the U.S.

¹⁵ Faced with the launch of the International Criminal Court, the U.S. passed the American Service

U.S. hegemony is therefore not just a simple derivative of its material (economic, military, technological, etc.) power, as its earlier superpower status was.¹⁶ It is rather a result of the active usage of that power, or the motivation factor, which takes on a very dynamic character. As long as the United States used its potential to uphold the existing international order, its hegemony was seen in a positive light. Undoubtedly, it was thanks to the U.S. power that there was no large-scale armed conflict involving other powers in the postwar period. The idea of an “armed peace” was based on a strategy of deterrence and retaliation, which dissuaded both the U.S. and the Soviet Union from a nuclear attack against the other side. When, however, it chose to impose its model of international order on the world, U.S. hegemonism came to be seen as a source of threats, seeking to obtain an unlimited mandate for the use of force in international relations.¹⁷ Such a logic of prevention against any more surprising attacks on the United States was in conflict with the accepted principles of international coexistence. While relatively few countries unambiguously challenge Washington’s moral claims and strategic objectives, doubts, both outside and inside the U.S., have been raised by its tactics that have alienated its traditional allies, driven potential allies away, which has ultimately undermined the international support for America.¹⁸

Members Protection Act which allows for the use of force to rescue any U.S. soldiers detained on the basis of a judgment by that tribunal.

¹⁶ The superpower status took shape during the Cold War confrontation between the U.S. and the Soviet Union. The superpower quality attributed to both rivals was primarily based on military power, while hegemony also derives, to a large extent, from economic power. It is expressed in exercising control over access to sources of raw materials, control over the biggest capital resources, control over markets and advantage in production of highly processed goods.

¹⁷ Skarżyński, R. Anarchia i policentryzm. Elementy teorii stosunków międzynarodowych, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, Białystok, 2006, p. 50.

¹⁸ Kiwerska, J. Problem amerykańskiego przywództwa w świecie / w: S. Wojciechowski, M. Tomczak (ed.), Mocarstwość na przełomie XX i XXI wieku. Teorie – analizy – prognozy, Wyższa Szkoła Nauk

While historic hegemonies never had a monopoly on exclusivity, the U.S. has achieved a clear and significant advantage over other powers. This was due to numerous reasons. The pace and scale of economic growth made America an unrivalled power. Not without significance was also the collapse of the bipolar system and the dissolution of the communist Soviet power. The multidimensionality of the U.S. power means that no one else is able to match the U.S. in military, economic, technological, political, or cultural-civilizational and ideological terms.¹⁹ George Modelski pointed out in the 1980s that America also enjoys an advantage over other powers in geostrategic terms (it has a comfortable location due to its big geographical distance that separates it from others, while other powers are condemned to “mutual vigilance” stemming from their close proximity).²⁰ Successive U.S. administrations have enjoyed a strong support of the society, which is coherent and open, while also being committed and ready for sacrifices.²¹ And finally, not without importance is its effortlessness in creating a vision of the global order and active participation in its implementation.²²

In economic terms, the U.S. continues to lead the modern world. Accounting for only about 4.5 percent of the global population, citizens of the United States generate approx. 24 percent of the global GDP (about 18 trillion USD, which is nearly double the GDP of China (World Bank 2015). They also consume one third of oil

produced and account for nearly as much global greenhouse gas emissions. The United States is a promoter and the best example of globalization – free-market capitalism unhindered by borders, vested interests, restrictive and protectionist practices, or state interventionism. At the same time, this very America blocks access to its domestic market for foreign agricultural products, introduces protective barriers and subsidies for its own products.²³

In the military field, U.S. defense expenditure totals 600 billion USD a year,²⁴ a sum higher than the combined budgets of the next 20 countries that spend most on arms. This is still not a very high ratio against GDP, as it stands at about 3.3 percent (2015), while in the “Cold War” years it reached as much as 7-9 percent GDP. The United States maintains its bases, warships, military aircraft and units in different parts of the globe. It has an overwhelming advantage in nuclear weapons. It dominates the world in the fields of military uses of advanced communication and information technologies.²⁵ No one in the world is able to match the U.S. in the development of intelligence services, air transport, systems to disrupt enemy air defence, air tankers for airborne refueling, marine transport, medical services or units for search and rescue operations. It has an unparalleled ability to coordinate and process information received from the battlefield and extraordinary precision in destroying targets remotely. For these reasons, Americans can intervene with the use of force with hardly any space and time constraints.²⁶ They can also conduct military

Humanistycznych i Dziennikarstwa w Poznaniu, Poznań, 2010, pp. 101-128.

¹⁹ Brzeziński, Z. *Strategiczna wizja. Ameryka a kryzys globalnej potęgi*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, 2013.

²⁰ Modelski, G. *Qualifications for World Leadership // Voice*, October 1983, pp. 210-229.

²¹ This was related to the vanishing of the Vietnam War syndrome. Along with the activation of a generation that does not remember that war, the fears in the U.S. society over any more armed interventions in different corners of the globe decreased. This situation is changing, which could be seen in protests against an intervention in Syria.

²² Jarczewska-Romaniuk, A. *Amerykańskie wizje ładu międzynarodowego po zakończeniu zimnej wojny / in: R. Kuźniar (ed.), Porządek międzynarodowy u progu XXI wieku*, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 2005, pp. 227-247.

²³ Dam, K.W. *The Rules of the Global Game: A New Look at the U.S. International Economic Policymaking*, University of Chicago Press, Chicago, 2001.

²⁴ Estimates by the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) for 2015.

²⁵ Nowacki, G. *Rozpoznanie satelitarne USA i Federacji Rosyjskiej*, Akademia Obrony Narodowej, Warszawa, 2002, pp. 65-120.

²⁶ „The fundamental fact of today’s geopolitics is the U.S. military power. (...) There are no conventional forces in the world that could wage a total war against America and win. Indeed, to put it in completely unreal terms, if the entire world launched a combined attack against the United States, it would be defeated”. Cooper, R. *Pękanie granic. Porządek i chaos w XXI wieku*, Media Rodzina, Poznań, 2005, p. 63.

operations in several places of the globe simultaneously.²⁷

What the U.S. has to offer in the field of culture (soft power) has proven to be unbeatable and extremely attractive in the global scale.²⁸ But regardless of the results of the so-called cultural imperialism, perceived in terms of “Americanization” of national cultures, the United States is unfortunately losing ground in the sphere of ideological leadership and the attractiveness of its social model. Its traditional missionary zeal and a „didactic attitude to the world” have been undermined due to a clear contradiction between the interests of America and those of the rest of the world. In the economic field in particular, preaching free trade and defending your own interests contrary to its principles is the best way to discredit the whole idea and feed accusations that the United States accepts free trade as long as it serves its interests.

The combination of economic, military and cultural attributes has given the United States a global power of political pressure.²⁹ Any strengthening of the monopolist position of the U.S., however, leads to the emergence of many pathological phenomena that every monopoly breeds, and comparisons between the U.S. empire and the glory days and collapse of the Roman Empire are meant to be a wake-up call against an impending disaster.³⁰

The confidence, or, as some see it, arrogance of America largely stems from its indispensability. The United States has become the only power that can effectively stabilize or destabilize the existing global order. Regardless of criticisms and doubts, it is the unique power that can face up to the international challenges and threats of the post-Cold War era. Procrastination and opportunism of many ruling elites in Western European countries

have painfully exposed the powerlessness of the existing mechanisms in the face of the slaughter in the Balkans, the humanitarian tragedies in the Middle East and Africa. Had there been no decisive response from America, ethnic cleansing would have continued, and peace would have been beyond reach. The U.S. as a strong power is therefore necessary for the world for various reasons. Regardless of vivid anti-American sentiments in different parts of the globe, the United States remains the paramount ideological leader that promotes the ideas of freedom, respect for the law and tolerance.³¹ For these reasons, it continues to be an attractive country for thousands of immigrants from different corners of the world, and not only from countries with undemocratic political regimes.

Politically, it has the determination and political will to exercise leadership roles, especially in the field of preventing conflict escalation in the world. There is a certain social consensus in the U.S. on committing efforts and resources for the purpose of solving international problems, which constitutes an extremely important asset in the hands of politicians and diplomats. “Questions about how the world is organized are at least partly questions about U.S. policy. The United States is the only power with a global strategy – in a sense, it is actually the only power with an independent strategy. The rest of the world responds to America, lives under American protection, envies America, conspires against it, depends on America. Every country defines its strategy in relation to the United States.”³²

The U.S., as the only powerhouse in the modern world, can effectively and decisively enforce observance of universal human rights standards by rogue dictatorships that are yet to be eliminated. It is also the only power that can counter the expansion of the forces of modern terrorism by building coalitions and respecting sovereign rights of other countries. Only under these conditions can the U.S. retain its position of the hegemon whose international roles will

²⁷ Brooks, S.G.; Wohlforth, W.C. American Primacy in Perspective // *Foreign Affairs*, 2002, No. 4, pp. 20-33.

²⁸ Nye, J.S. Soft Power. Jak osiągnąć sukces w polityce światowej, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa, 2007.

²⁹ Brzeziński, Z. Wielka szachownica. Główne cele polityki amerykańskiej, Świat Książki, Warszawa, 1998, p. 28.

³⁰ Bender, P. Ameryka. Nowy Rzym, Wydawnictwo Sic! Warszawa, 2004.

³¹ Buhler, P. O potęgę w XXI wieku, przeł. G. Majcher, Wydawnictwo Akademickie DIALOG, Warszawa, 2014, pp. 407-451.

³² Cooper, R. Pęknięcie granic. Porządek i chaos w XXI wieku, Media Rodzina, Poznań, 2005. P. 64.

be assessed positively rather than negatively. Hegemony seen positively can therefore constitute an ideal form of executing leadership roles, expressed in the defence of universally accepted standards and values, shaping and respecting the rules of the game, which form the fabric of the international order.³³

Finally, America is the only „engine” of the world economy, which is reflected in its share of global imports (2,347 trillion USD – 14 percent in 2015) and exports (1,598 trillion USD – 10 percent). Due to the absorption capacity of the U.S. domestic market, the economies of all the other highly developed countries can constantly hope for growth driven by American consumers and investors. The U.S. investment market absorbs more than one third of the world’s foreign direct investments. Due to its potential, the U.S. stabilizes the international monetary system, it is a guarantor of liberal rules in foreign trade. It can improve the social wealth redistribution system in the global scale. Having the biggest resources for donations and various forms of assistance to the poorest countries, Americans are able to reform the existing system of managing funds to prevent monstrous corruption and waste of resources in countries of destination.

Great powers contribute to the international order in two ways: by regulating their bilateral relations and using their advantage over the others in such a way as to impose their leadership on broader groupings of countries, even the entire “international community”.³⁴ Regulation has so far been based on safeguarding the general balance of power, understood after World War II as the strategic balance between the Eastern and Western blocs. The aim was to

control and “manage” crises, and also search for ways to avoid a large-scale war. After the “Cold War”, the function of ensuring the balance of power is still legitimized by mutual deterrence, but the powers of the former East and West are increasingly faced with the necessity to form a common front against extremist forces that violate the previously recognized rules of the game.³⁵

The principles of traditional balance of power, under which every power (individual or collective/allied) produced a counterpower over time, which prevented a world domination by one power or a bloc of powers, do not apply to modern international relations.³⁶ First of all, the motives of searching for the sources of power in international relations have changed. Today’s systemic hegemony does not require the United States to be territorially expansive, which used to be an immanent feature of the traditional models of building advantages in international relations. Moreover, the U.S. is not an enemy, but an ally of most other powers, which reap substantial benefits from their allied relations with America. Even China or Russia, which are placed at the most remote ends of interdependence, do not imagine building their own power without cooperation with the U.S. economy.³⁷

A characteristic feature of the modern international balance is a wide asymmetry in the potentials of particular powers, or associations of countries (like in the case of the European Union). Most powers have a one-dimensional or sectoral character, while the U.S. power has a multifaceted and multidimensional character.³⁸ This unipolar hegemony of the

³³ Krepinevich, A.F. Strategy in a Time of Austerity // *Foreign Affairs*, 2012, No. 6, pp. 58-69.

³⁴ Hedley Bull attributed clearly negative traits to power hegemony, but he pointed out that, regardless of moral qualities, it helps to maintain order in international relations. No matter if it was the Soviet Union or the U.S., during the “Cold War” both powers contributed to the curbing of tendencies to use violence among countries whose sovereignty was restricted by these hegemonies. (Eastern Europe and Latin America). Bull, H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Macmillan Press, London, 1977, p. 219 and more).

³⁵ Kupchan, Ch. *The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century*. Alfred Knopf, New York, 2003.

³⁶ Bieleń, S. O pojmowaniu równowagi sił w stosunkach międzynarodowych / in: S. Sulowski (ed.) „Polska-Niemcy. Nadzieja i zaufanie. Księga Jubileuszowa na 80-lecie Urodzin Profesora Mieczysława Tomali”, Fundacja Politeja, Warszawa, 2002, pp. 109-126.

³⁷ Lieber, R.J. *Eagle Rules. Foreign Policy and American Primacy in the Twenty-First Century*. Prentice Hall, New Jersey, 2002.

³⁸ Wiśniewski, J.; Zodź-Kuźnia, K. *Mocarstwa współczesnego świata – problem przywództwa światowego*. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2008, pp. 41-86.

U.S. in combination with its democratic system prevents an outbreak of a large-scale conflict between powers. Due to America's clear strategic advantage, it is unlikely for any of the existing powers to be able to challenge it and threaten its undisputed reign. „America will not have a global rival. Even for China such a role would be too much in the years ahead. So America will be able to shape coalitions capable of joining forces in order to solve problems. And it could jointly create institutions to serve this purpose.”³⁹

Even if the international order with the United States as its only guarantor is not equally fair for everyone, it doesn't mean it is unbearable. It is unclear if an international order that would be fair for everyone and perfect in every respect is possible at all. However, it is certain that every order in international relations must have its guardians and guarantors whose risks and maintenance costs are much higher than for other countries. For objective reasons, in modern international relations there is virtually no alternative to the order based on a monocentric balance of power. It becomes impossible to distribute responsibility, and thus equal rights, between a larger number of powers (due to the glaring power disparity). Moreover, no non-state actor is able to take the initiative to such an extent as to constitute an alternative world leadership.

Contesting U.S. hegemony

In international relations, the time of crisis reveals the importance of risk present in various dimensions of international life, including geopolitical and geostrategic ones. Questions are increasingly asked about how stable the international balance of power is, where the threats to its functionality and efficiency lie. Can major players in international relations, both state and non-state ones, create reasonably solid guarantees for the existing international order? Will the supporters of preserving the status quo win, or will the revisionists and radicals have the upper hand? Or perhaps the fate of the international order does not depend on

conscious actions of its creators and guarantors at all? Perhaps the globalized world is slipping out of any sort of control, and consequently the degree of destruction risk is getting as severe as never before?⁴⁰

At the heart of many deliberations is the global balance of power and its future changes in the polyarchic international environment. What geopoliticians focus their attention on is the evolution of power in time and space.⁴¹ While international behaviours of countries and other subjects of international relations are determined by many factors, it appears that geopoliticians highlight the most important factor that drives the systemic evolution. One feature of geopolitics is confidence that certain timeless truths or principles, resulting from observations of balances of power, are right.⁴²

The contemporary system of international relations is undergoing a tumultuous transformation. Due to the dynamics of changes and the multitude of unknowns, no one is able to predict the effect of these transfigurations. But everyone agrees that a profound decomposition of the existing structures and constellations of powers is underway.⁴³ Just taking a look at, say, the crises plaguing such organizations as NATO or the European Union is enough to understand that the world is in the midst of profound transformations.

These transformations are the result of at least several processes:

There is a *pluralization of the visions of international order*; up to now, the Western vision has been dominant and the primacy of Western values determined how different challenges and threats to this order have been diagnosed. Currently, non-Western perspectives, created by new “rising” powers such as China, India, Russia, Brazil, South

³⁹ Świtalski, P.A. Powracające widmo Tiamat – chaos i porządek w stosunkach międzynarodowych // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*, 2007, No. 6, p. 53.

⁴⁰ Bremmer, I.; Keat, P. *The Fat Tail: The Power of Political Knowledge in an Uncertain World*. Oxford University Press, New York, 2010; Taleb, N.N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random House, New York, 2010.

⁴¹ Lacoste, Y. *Geopolityka Śródziemnomorza*. Wydawnictwo Akademickie DIALOG, Warszawa, 2010.

⁴² Agnew, J. *Geopolitics: Re-Visioning World Politics*. Routledge, London, 1998.

⁴³ Cohen-Tanugi, L. *The Shape of the World to Come. Charting the Geopolitics of a New Century*. Columbia University Press, New York, 2008.

Africa, are increasingly visible. Their position increases at the time of the existing crisis that is plaguing Western economies.⁴⁴

Related to the above is the *degradation of Europe's position both in the field of politics and economy*. Participation of European countries in solving numerous international problems is decreasing and in place of or alongside the U.S.-Europe "axis", new decision-making "axes" like U.S.-China or China-Russia are emerging. Europe is, in a way, losing its civilizational authority.

We are seeing a *renationalization of policies of many countries*, which are increasingly driven by egoistic motives and abandon or restrict collective forms of coordination and shared responsibility. It is clearly visible in the European Union. This situation reinstates the importance of bilateral alliances and safeguards based on power balancing.

Besides geopolitics, which forms a spatial background for conflicts of interests between countries and competition between them, we are seeing a rising importance of geoeconomics, which shows concentration of power and the influence of big capital through economic processes of different entities.⁴⁵ It is not geographic location that matters most, what primarily counts is economic potential that determines the weight of powers, not only state ones, in space. And every economic power strives to translate its power into political influence, hence the international system becomes an international economic system. As a consequence of this approach, traditional civilizational and geographical divisions, especially into the East and the West, are fading out. Systemic divisions, like those in the "Cold War", are no longer important. Both authoritarian China and not fully democratic Russia are becoming participants in the same political influence, on par with democratic Western powers.⁴⁶

⁴⁴ Kaplan, R.D. *The Revenge of Geography. What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. Random House, New York, 2012.

⁴⁵ Luttwak, E. *From Geopolitics to Geoeconomics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce* // *The National Interest*, 1990, No. 20, pp. 17-23.

⁴⁶ Ross, R.S. *The Problem with the Pivot* // *Foreign Affairs*, 2012, No. 6, pp. 70-82.

But the biggest source of concern is, on the one hand, a contestation of U.S. hegemony in the world, and, on the other, its actual decline.⁴⁷ Every global power is exposed to asymmetric threats. In order to advance changing strategic objectives, it is no longer enough to have overwhelming military strength. Instead of defending borders, what increasingly matters is dealing with mobile or invisible threats, knowing how to wage long-distance wars, against enemies with no clear faces. A true hegemonic power status requires responsibility in exercising leadership. At the same time, a country that aspires to lead others has to be resistant to dangers of internal deregulation and disruptions. European allies of the U.S. insist, not only in the name of their own interests, on respecting democratic legitimacy for any international operations involving the use of force. Harmonious cooperation of a broad range of countries can help to strengthen decisions through their collectiveness and transparency. It allows to avoid suspicions and bias. It is also a guarantee of learning responsibility and sharing it. After the tragic lessons related to U.S. involvement in Iraq, Libya or Syria, it is recognized that decisions about international interventions involving the use of force must be the result of consultations and not diktat. There are also signals that only a collective effort of the biggest powers can save the stability of the international order.⁴⁸ The emerging geocracy, or global political integration, must find a place for pluralism and respect for civilizational achievements of all the regions and nations. If the imposition of one civilizational template on the entire world continues, the future threatens to bring a big disaster.

References:

Agnew, J. *Geopolitics: Re-Visioning World Politics*. Routledge, London, 1998.

Bender, P. *Ameryka. Nowy Rzym*, Wydawnictwo Sic! Warszawa, 2004.

Bielec, S. *Erozja monocentryzmu w stosunkach miedzynarodowych* / in: P. Eberhardt (ed.), „*Studia nad*

⁴⁷ Zakaria, F. *Can America Be Fixed?* // *Foreign Affairs*, 2013, No. 1; Kaplan, R.D. *The Post-Imperial Moment* // *The National Interest*, 2016, No. 143, pp. 73-76.

⁴⁸ Kissinger, H. *Porządek światowy*, przeł. M. Antosiewicz. Wydawnictwo Czarne, Wołowiec, 2016, pp. 338-350.

geopolityk № XX wieku”, „Prace Geograficzne”, No. 242, IGI PAN, Warszawa 2013, pp. 97-115.

Bielec, S. O pojmowaniu rywalizacji w stosunkach międzynarodowych / in: S. Sulowski (ed.) „Polska-Niemcy. Nadzieje i zaufanie. Księga Jubileuszowa na 80-lecie Urodzin Profesora Mieczysława Tomali”, Fundacja Politeja, Warszawa, 2002, pp. 109-126.

Bremmer, I.; Keat, P. The Fat Tail: The Power of Political Knowledge in an Uncertain World. Oxford University Press, New York, 2010.

Brooks, S.G.; Wohlforth, W.C. American Primacy in Perspective // *Foreign Affairs*, 2002, No. 4, pp. 20-33.

Brzezinski, Z. Strategiczna wizja. Ameryka a kryzys globalnej potęgi, Wydawnictwo Literackie, Kraków, 2013.

Brzezinski, Z. Wielka szachownica. Głównie cele polityki amerykańskiej, Hwałta Książki, Warszawa, 1998, p. 28.

Buhler, P. O potęgę w XXI wieku, przeł. G. Majcher, Wydawnictwo Akademickie DIALOG, Warszawa, 2014, pp. 407-451.

Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. Macmillan Press, London, 1977.

Cohen-Tanugi, L. The Shape of the World to Come. Charting the Geopolitics of a New Century. Columbia University Press, New York, 2008.

Cooper, R. Pęknięcie granic. Porządek i chaos w XXI wieku, Media Rodzina, Poznań, 2005.

Dam, K.W. The Rules of the Global Game: A New Look at the U.S. International Economic Policymaking, University of Chicago Press, Chicago, 2001.

Donnelly, J. Rethinking Political Structures: From ‘Ordering Principles’ to ‘Vertical Differentiation’ – and Beyond // *International Theory*, 2009, No. 1, pp. 49-86.

Gaigane, A. Historia stosunków międzynarodowych. Nierówny i nieprzewidywalny rozwój, t. 1. Idee, Dom Wydawniczy ELIPSA, Warszawa, 2013.

Haass, R.N. Rozwój szeryf. Stany Zjednoczone po zimnej wojnie, Wydawnictwo von borowiecky, Warszawa, 2004.

Hirsh, M. Bush and the World // *Foreign Affairs*, 2002, No. 5, pp. 18-43.

Ikenberry, G.J. America’s Imperial Ambition // *Foreign Affairs*, 2002, No. 5, pp. 44-60.

Jarczewska-Romaniuk, A. Amerykańskie wizje iadu międzynarodowego po zakończeniu zimnej wojny / in: R. Kuźniar (ed.), Porządek międzynarodowy u progu XXI wieku, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 2005, pp. 227-247.

Kaplan, R.D. The Revenge of Geography. What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. Random House, New York, 2012.

Kennedy, P. Mocarstwa świata. Narodziny, rozkwit, upadek, Książka i Wiedza, Warszawa, 1994.

Kissinger, H. Porządek światowy, przeł. M. Antosiewicz, Wydawnictwo Czarne, Wołowiec, 2016, pp. 338-350.

Kiwerska, J. Problem amerykańskiego przywództwa w świecie / w: S. Wojciechowski, M. Tomczak (ed.), Mocarstwowa wojna na przełomie XX i XXI wieku. Teorie – analizy – prognozy, Wyższa Szkoła Nauk Humanistycznych i Dziennikarstwa w Poznaniu, Poznań, 2010, pp. 101-128.

Kowalczyk, M. Lśniące miasto na wzgórzu. Ideowe podstawy amerykańskiego unilateralizmu w okresie rządów George’a Busha, Wydawnictwo von borowiecky, Warszawa, 2008.

Krauthammer, Ch. Unipolar Moment? // *Foreign Affairs*, 1990-1991, No. 1.

Krepinevich, A.F. Strategy in a Time of Austerity // *Foreign Affairs*, 2012, No. 6, pp. 58-69.

Kupchan, Ch. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. Alfred Knopf, New York, 2003.

Lacoste, Y. Geopolityka Hbrydziemnomorza. Wydawnictwo Akademickie DIALOG, Warszawa, 2010.

Lentner, H.H. Hegemony and Power in International Politics / in: M. Haugaard, H.H. Lentner (eds), “Hegemony and Power. Consensus and Coercion in Contemporary Politics”, Lexington Books, Lanham, 2006. Pp. 89-108.

Lieber, R.J. Eagle Rules. Foreign Policy and American Primacy in the Twenty-First Century. Prentice Hall, New Jersey, 2002.

Luttwak, E. From Geopolitics to Geoeconomics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // *The National Interest*, 1990, No. 20, pp. 17-23.

Mastanduno, M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and US Grand Strategy after the Cold War // *International Security*, 1997, No. 4.

Modelski, G. Qualifications for World Leadership // *Voice*, October 1983, pp. 210-229.

Nowacki, G. Rozpoznanie satelitarne USA i Federacji Rosyjskiej, Akademia Obrony Narodowej, Warszawa, 2002, pp. 65-120.

Nye, J.S. Soft Power. Jak osiągnąć sukces w polityce światowej, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa, 2007.

Ross, R.S. The Problem with the Pivot // *Foreign Affairs*, 2012, No. 6, pp. 70-82.

Russell Mead, W. The American Foreign Policy Legacy // *Foreign Affairs*, 2002, No. 1, pp. 163-176.

Skarżyski, R. Anarchia i policentryzm. Elementy teorii stosunków międzynarodowych, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, Białystok, 2006.

Sur, S. Stosunki międzynarodowe, Wydawnictwo Akademickie DIALOG, Warszawa, 2012.

Światalski, P.A. Powracające widmo Tiamat – chaos i porządek w stosunkach międzynarodowych // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*, 2007, No. 6.

Taleb, N.N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. Random House, New York, 2010.

Wilkinson, D. Hegemonia: Hegemony, Classical and Modern // *Journal of World-Systems Research*, 2008, Vol. XIV, No. 2.

Wiśniewski, J.; Jodł-Kuźnia, K. Mocarstwa współczesnego świata – problem przywództwa światowego. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2008, pp. 41-86.

Zakaria, F. Can America Be Fixed? // *Foreign Affairs*, 2013, No. 1; Kaplan, R.D. The Post-Imperial Moment // *The National Interest*, 2016, No. 143, pp. 73-76.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-20-29>

ГЕГЕМОНИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

Станислав Билен

*Варшавский университет,
Варшава, Польша*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 мая 2017 <i>Принята к печати:</i> 28 октября 2017	Аннотация: Концепция гегемонического порядка в международных отношениях, с одной стороны, базируется на государственноцентричном подходе к мировой системе, с другой стороны, оспаривает тезис о ее полиархическом характере. Хотя ни одна держава-гегемон в истории не имела монополии на исключительность, США очевидно достигли значительного преимущества относительно других держав. Это произошло по целому ряду причин. Сложный характер мощи США означает, что никто не может быть сопоставлен с ними по военно-политическому, экономическому и технологическому потенциалу, а также с точки зрения культурно-цивилизационного и идеологического фактора. США стали единственной державой, которая может как эффективно способствовать стабилизации мировой системы, так и ее дестабилизации. Но наибольшая обеспокоенность сегодня связана с двумя факторами: противостоянию гегемонии США в мире и ее действительный упадок.
Об авторе: профессор, Институт международных отношений, Варшавский университет e-mail: s.bielen@uw.edu.pl	
Ключевые слова: гегемония; международные отношения; статус США; противодействие США; гегемония США	

Для цитирования: Bielen, Stanislaw. The Hegemonic Order in the 21st Century // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 20-29.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-20-29

For citation: Bielen, Stanislaw. The Hegemonic Order in the 21st Century // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 20-29.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-20-29

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕРКАЛАХ “НАУЧНЫХ КАРТИН МИРА”: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Татьяна Александровна Алексеева

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 января 2017 <i>Принята к печати:</i> 1 ноября 2017	Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает вопросы, связанные с онтологическими и эпистемологическими основаниями теоретико-международных исследований. Наука о международных отношениях отражает основные черты господствующих в ту или иную эпоху картин мира как способа научного познания. Понятие «картины мира» было сформулировано немецким философом Мартином Хайдеггером, а также целым рядом крупнейших ученых начала XX века М. Планком, А. Эйнштейном, Н. Бором, Э. Шредингером и др. Хотя определенный вклад в развитие наук был внесен еще в эпоху Античности и Средневековья, научная картина мира была сформирована только с переходом к Модерну, с выделением человека из природного мира. Опираясь на типологию научных картин мира, предложенную российским философом науки академиком В.С. Степиным, автор рассматривает специфику основных картин мира, следствием которых стала классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. Вместе с тем, наука о международных отношениях с очень большим трудом принимает новое мировоззрение, в значительной части все еще оставаясь в ньютоновско-механистической картине мира. Хотя все же предпринимаются попытки вписаться в новые картины мира, разрыв между естественными и социальными науками продолжает оставаться крайне трудно преодолимым, а использование новейших мировоззренческих идей фрагментарным и даже маргинальным. Именно поэтому новая попытка нахождения баланса между традициями и инновациями, которую предпринял один из наиболее известных конструктивистов Александр Вендт своей новой книгой «Квантовый разум и социальная наука» заслуживает внимательного прочтения и анализа.
Об авторе: д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая Кафедрой политической теории, МГИМО МИД России e-mail: Ataleks@mail.ru	
Ключевые слова: научная картина мира; классическая наука; неклассическая наука; постнеклассическая наука; теория международных отношений; позитивизм; нормативизм; политическая философия; единство наук; конструктивизм; квантовая физика	

Осмысление проблем взаимодействия государств и народов с древних времен находилось в центре внимания философской мысли, хотя долгое время происходило это довольно непоследовательно, фрагментарно, однако, в целом, отражало доминирующие представления об окружающем мире. Начало изменения ситуации было положено с переходом к Модерну, утверждением ньютоновской механистической картины мира, выявлением субъектно-объектных отношений. Приблизительно с XVI–XVII вв. начинается формирование философских оснований для будущих «больших» теорий международных отношений (Т. Гоббс,

Дж. Локк, И. Кант и др.) – процесс, занявший более трех столетий, причем процесс весьма противоречивый, дискретный и скачкообразный.

Неудивительно, поэтому, что у международных исследований не раз возникали некоторые проблемы с утверждением своего статуса в качестве рациональной науки, имеющей собственное исследовательское поле, методологию и основания. Как подчеркивает академик В.С. Стёпин: «В каждой специальной области науки (в каждой подсистеме развивающегося научного знания) – физике, химии, биологии и т.д. (и теория международных отношений не является

исключением – *прим. автора*) – в свою очередь, можно обнаружить многообразие различных форм знания: эмпирические факты, законы, гипотезы, теории различного типа и различной степени общности. Все эти разнообразные виды знания организованы в целостность благодаря основаниям, на которые они опираются. Основания определяют стратегию научного поиска и опосредуют включение его результатов в культуру соответствующей исторической эпохи. Именно в процессе формирования, перестройки и функционирования оснований науки наиболее отчетливо прослеживаются социокультурная размерность научного познания¹.

Признаком нередко возникавшего замешательства, в том числе, и по поводу оснований, стали периодически вспыхивающие дебаты вокруг отношений между идеями и материальными условиями, деятельностью агентов (людей, групп, институтов, государств и т.д.) и социальной структурой, или, иначе, натурализмом (т.е. философским направлением, которое рассматривает природу как универсальный принцип объяснения всего сущего) и антинатурализмом, эмпиризмом и интерпретативизмом и т.д. Это несогласие даже вызвало неоднократно всплывающий скептицизм в отношении самой способности науки о международных отношениях к научному познанию и прогрессу.

Между тем, философские основания всякой науки – это своего рода «мост» между философским и научным знанием. Философские идеи и принципы обосновывают онтологические постулаты науки, а также идеалы и нормы познания. Именно они раскрывают эвристику научного поиска и позволяют обосновать, узаконить полученные в его процессе выводы, т.е. прояснить новые онтологии и представления о возможном методе поиска истины.

¹ Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность / Электронная библиотека. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0 [Stepin, V.S. Osnovaniia nauki i ikh sotsiokul'turnaia razmernost' (Foundations of Science and Its Social-Cultural Dimensions) / Elektronnaia biblioteka. Mode of access: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0]

Стремясь определить фундамент для своей области знания, международники обычно обращались к философии науки. Однако это обращение также не всегда приносило нужную уверенность. Философия науки – относительно молодая дисциплина, по существу она начала складываться лишь с середины XIX столетия, т.е. фактически ненадолго опередила и развивалась во многом параллельно с теорией международных отношений. Более того, сама философия науки пребывает в состоянии нескончаемых дискуссий и не раз переживала расколы в отношении природы, возможностей и даже желательности наличия философских оснований для науки и знания. Более того, споры затрагивают, например, в «западной» научной традиции, чуть ли не все социальные науки, например, не только социальную философию (Ричард Рорти, Хиллари Патнэм, В. Квайн и др.), но также антропологию (Клиффорд Гирц и Виктор Тёрнер), историю (Хэйдэн Уайт), социологию (вся теория познания и этнометодология), герменевтику (Мартин Хайдеггер, Ханс-Георг Гадамер и Жак Деррида), теорию права (Барбара Х. Смит, Уолтер Михаэлс, Стивен Кнапп² и т.д. Среди международников, как следствие, может быть проведена разделительная линия между теми из них, кто предполагает наличие общего фундамента, основания, позволяющего сравнивать, сопоставлять и оценивать (фундаментализм), и теми, кто считают, что такого основания нет или его роль минимальна (антифундаментализм).

Скажем сразу, первых – большинство. Как это ни парадоксально, в конце концов, чуть ли не каждый подход в исследовании международных отношений хотя бы попытается найти хорошо обоснованное философское основание для того, чтобы узаконить и подтвердить легитимность своих теоретических построений. И, тем не менее, международникам придется признать тот факт, что не существует Архимедовой точки опоры, из которой они могли бы сдвинуть Землю – дебаты вокруг философских оснований тео-

² Brint, M.; Weaver, W.; Garmon, M. What Difference Does Anti-Foundationalism Make to Political Theory? // *New Literary History*, 1995, No. 26(2), 225 p.

рий и подходов не могут быть разрешены раз и навсегда, а стало быть, будут и впредь постоянно сопровождать международные исследования. Отсюда – неизбежный вывод о том, что создание единой теории международных отношений как социальной теории бесполезно, особенно в связи с тем, что не существует единой теории реальности.

Сравним подходы двух крупнейших немецких философов – Иммануила Канта и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Кант выдвинул идею *универсального* закона как точку отсчета при рассмотрении индивидуальных действий и политики. По Гегелю, такой референтной точкой становится *партикулярное* бытие индивида или государства. Главное различие лежит в их онтологии: если Кант рассуждал о человеке и человечестве, Гегеля интересовало, прежде всего, отдельное национальное государство, его благоденствие и сила. Иными словами, они предполагали разный «образ» мира, разное представление о реальности – в первом случае речь шла об общей ассамблее народов и сообществ, во втором – об отдельных, индивидуальных единицах. У них было также разное интеллектуальное происхождение, на которое они опирались. Кантовский вариант опирался на космос универсальных антропологических, религиозных, политических и этических концептов, которые позволили сформировать универсальный взгляд на человечество и человека. Гегелевский, – на партикуляристские концепты национального «Я», национального интереса, суверенитета государства, национальной морали, т.е. онтологию, опирающуюся на самоподдерживающиеся единицы.

С течением времени универсалистский взгляд на реальность был оттеснен, а на первый план вышли партикуляристские представления о международной действительности (забегая вперед, скажем, что универсализм вновь обрел некоторую привлекательность на фоне изучения глобализации, но не смог до сего момента реально оттеснить партикуляризм).

Международные исследования сегодня во многом опираются на дуализм своей собственной нации («Я») и «других» национальных государств. В его основе лежит предпо-

сылка, что эти единицы сконструированы в качестве коренных онтологических зафиксированных точек межгосударственных отношений. Эпистемология XIX–XX вв., пришедшая на смену универсализму, строилась на вере в существование внешней реальности и постоянных структур, которые создают условия и формируют детерминации международных отношений и внешней политики отдельных национальных государств. Как это ни парадоксально, такая внешняя реальность и структуры формируются ни чем иным как самими национальными государствами. Именно благодаря партикуляристской онтологии и эпистемологии в XIX веке возникла *позитивистская методология*, которая в отличие от традиционной герменевтики, интерпретативной и спекулятивной метафизики, рассматривала «внешнюю реальность» и структуры международной политики в целом, как объективные и объективируемые, измеряемые и выраженные количественно.

Параллельно шел процесс концептуализации, утверждения и раскрытия базовых понятий, с помощью которых можно было выстроить международную сферу (национальное государство, национальный интерес, сила, баланс сил, сотрудничество, солидарность, режим и т.д.). Иными словами, со временем стало возможным организовать единичные и множественные данные, подведя их под какой-то тип объединяющего их концепта. Например, договора, дипломатические конференции, вооруженные столкновения и т.д. можно было исследовать через понятия «национального интереса» или «силы»; международное сообщество – через концепты общества и сообщества и т.д. Но всякое претендующее на научность обобщение, в конце концов, происходит не в замкнутой среде, а на фоне научных и культурных традиций своего времени, в контексте более широкого, общенаучного мировоззрения, а, стало быть, несет на себе неизгладимую печать господствующей картины мира.

Картина мира – это своего рода полотно, холст, на котором воспроизводится все существующее. Крупнейший немецкий философ Мартин Хайдеггер в статье «Время картины мира» разъяснил, что, рассуждая о

картине мира³, мы в первую очередь думаем об изображении. Как изображение она предполагает не буквальную копию с оригинала, а фиксацию черт, которые мы считаем наиболее существенными, значимыми. А это означает, что мы имеем дело с конструкцией, создание которой предполагает какую-то точку отсчета, а именно автора или зрителя, дистанцированного от объектов, изображенных на картине, или иначе, трансформацию участия и проживания в наблюдение и репрезентацию. Такой подход подразумевает как утрату некоторой близости или интимной связи с окружающими нас вещами, так и возможность объективации отношения к ним. С его точки зрения, нельзя говорить об античной или средневековой картине мира, так как человек все еще был включен в природный мир, не противопоставлял себя ему. Поэтому невозможно рассмотрение его как картины или *изображения, отъединенного от человека*. Это становится возможным только для человека *Модерна*, когда зарождается субъект-объектное отношение, а мысль участвует либо в процессе отражения (рефлексии), либо конституирования.

Вопрос о существовании научной картины мира и ее месте в структуре научного знания был поставлен не только Мартином Хайдеггером как философом, но и такими крупнейшими физиками как М. Планк, А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер и некоторыми другими. Альберт Эйнштейн представил физическую картину мира как особый компонент теоретического знания, который отличается от конкретных физических теорий и в то же время объединяет данные теории, обеспечивая их синтез. Всякая картина мира упрощает и схематизирует действительность. И до какого-то момента позволяет отождествлять картину мира с самим миром, с реальностью. Новые открытия приводят к крушению «старой картины мира» и появлению и постепенному утверж-

дению новой, но и это лишь одна из ступеней эволюции человеческого познания, означавшие также смену типов рациональности.

Научная картина мира включает в себя множество теорий, раскрывающих известный человеку природный мир. Поскольку это системное образование, ее изменение нельзя свести ни к какому одному, пусть и самому крупному научному открытию или изобретению. Фундаментальная теория конкретной науки может превратиться в научную картину мира, только если ее исходные понятия и принципы приобретут общенаучный и мировоззренческий характер. Как правило, речь идет о целой серии взаимосвязанных открытий в главных фундаментальных науках. Эти открытия почти всегда сопровождаются радикальной перестройкой методов исследования, а также значительными изменениями в самих нормах и идеалах научности. Общую картину мира вырабатывает наука, лидирующая в естествознании (обычно это – физика), а специальные науки формируют собственные картины мира вслед за ней. В этой оптике мы можем утверждать, что исследование международных отношений, с одной стороны, неизбежно отражает сменяющие друг друга общенаучные картины мира, а с другой, стремится сформировать собственную картину мира, впрочем, также подверженную неизбежной исторической эволюции и трансформациям.

Ньютоновская «классическая» картина мира. С переходом к Модерну вера в науку начала шаг за шагом заменять веру в Бога, постепенно исчезающего из средневековой «триады» (в конце XIX столетия в работе «Веселая наука» немецкий философ Фридрих Ницше подведет итог этому процессу, провозгласив, что «Бог умер»). Остались только «человек» и «мир». В целом эпоха ньютоновской картины мира и позднее Просвещения дали миру совокупность научных идей, положив в основу разум как главный источник власти и легитимности, выдвинула идеалы свободы, прогресса, религиозной терпимости, братства, и, наконец, конституционного правления как противоположности абсолютной монархии и однозначно зафиксированным религиозным догмам.

³ Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. 1993. – С. 41–63. [Hajdegger, M. Vremya kartiny mira / Hajdegger, M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya (Time and Being: Articles and Presentations). Moscow: Respublika, 1993. Pp. 41-63.]

Именно с этого времени субъект и объект – фундаментальные философские категории. Так, субъект – это личность, социальная группа, государство, общество. Объект – явление, вещь, процесс, на которые направлена практическая или познавательная деятельность субъекта-наблюдателя. В качестве объекта может выступать и сам субъект. Отныне мир можно было рассматривать как картину. Субъект (наблюдатель) смотрит на него со стороны и пытается выделить самые важные штрихи и мазки. Постепенно ученые, а вслед за ними и общественность поверили, что с помощью простых сил действующих между неизменными объектами можно объяснить все явления природы, а позднее – и социальной жизни.

Большинство исследователей эпохи «классической науки» пришли к заключению, что существует полное соответствие фундаментальных понятий, подтвержденных опытом, феноменам, элементам и явлениям внешнего мира. Атом представлялся неделимым, пространство и время абсолютным. Опытное подтверждение этих абстрактных понятий в реальности не вызывало сомнений, а наука воспринималась как точное отображение действительности. Процедуры воспринимались как неизменные, из опыта вытекали онтологические принципы, на основе которых создавались теории, позволявшие объяснить эмпирические факты через механистические причины и носители жестко детерминирующих сил. Познание рассматривалось как наблюдение и эксперимент. Считалось, что свойства целого целиком определяются свойствами его частей, соответственно даже крупные объекты следовало сводить к небольшому числу элементов. Причиной изменения состояния движения тела выступает внешнее воздействие на него.

Предполагался редукционизм – сведение сложного к простому. Объяснительный эталон – однозначная причинно-следственная зависимость. Каждый объект описывался изолированно в строго заданной системе координат. Наука стремилась убрать субъекта из процесса познания – мир объективен, – все окружающее изучается в соответствии с требованиями объективности.

Новые идеи пришли не только в науку, но и в политику и стали политическим символом – подобно тому, как Солнце отныне стало центром мироздания, король Франции Людовик XIV получил имя «короля-солнце». По мере углубления и интенсификации международных связей, выхода крупнейших европейских держав в мировой океан, утверждения империализма потребность в систематическом теоретическом осмыслении международных процессов и явлений становилась все более очевидной, равно как и попытки последующего превращения его в науку. Как считается, первая социальная наука, а именно экономика Адама Смита, появилась лишь спустя сто лет – после Ньютона, когда в 1776 году⁴ он издал свою книгу «Исследование о природе и причинах богатства народов», что предопределило не только ее отставание от естественных наук, но и неизбежность постоянных попыток обращения к их методам.

Таким образом, «классической» науке, утвердившейся на три с лишним столетия, был присущ детерминизм (жесткие причинно-следственные связи); неизменность пространственно-временных характеристик, линейный характер изменения объектов, закономерности происходящего, взаимосвязь всех явлений в мире и т.д. Если мы посмотрим на развитие науки о международных отношениях, то легко увидим отражение в целом ряде ее подходов «механистической» картины мира, что особенно ярко проявлялось в политическом реализме. Механистически-детерминистское мировоззрение, вытекающее из ньютоновской картины мира, оказало сильнейшее влияние на эпистемологию и методологию международных исследований, на многие десятилетия заставив поверить в то, что мир состоит из независимых фрагментов, взаимодействие между которыми есть результат взаимодействия различных сил и препятствовавшего сближению этих частиц⁵.

⁴ Канке В.А. Общая философия науки. – М., Омега-Л 2009. – С. 7. [Kanke, V.A. Obshchaya filosofiya nauki (The General Philosophy of Science). Moscow, Omega-L 2009. P. 7]

⁵ См. Penttinen, Elina. Joy and International Relations. A New Methodology. London: Routledge, 2013. P. 2.

Критерий «научности», в свою очередь, был тесно связан с зарождением и утверждением в академической среде позитивизма (спустя чуть меньше столетия – неопозитивизма), влияние которого на международные исследования трудно переоценить. К концу XIX столетия создалось даже впечатление, будто «классическая физика» – «мать всех наук» предоставила в распоряжение исследователей уже полный набор законов, охватывающих все явления природы. Совместно с математикой она встала во главе технологий и эмпирического познания, а ее открытия составили базу исследований в других дисциплинах. Однако и в физике начинались процессы поиска новых философских оснований и методологий исследования. Научная картина мира начинает дробиться. «...*Специализация* в сфере научного знания и *автономизация* наук являются проявлением общей тенденции, характерной для становления системы наук о природе и обществе, – подчеркивает отечественный философ В.Н. Росторгуев. – Под автономизацией наук.... понимается достаточно высокая степень их обособления, что является закономерным следствием лавинообразного роста объемов поступающей информации, которая останется мало доступной без ее селекции и систематизации по отраслевому принципу»⁶. Как следствие, гетерогенность наук вынудила начать размышлять, во-первых, над проблемой синтеза знаний и, во-вторых, над классификации самих наук.

Таким образом, «классической», ньютоновской науке присуще признание взаимосвязи всех явлений; всеобщность выявленных законов; жесткие причинно-следственные отношения; неизменность пространственно-временных размеров; следование принципам геометрии Эвклида; линейный характер

всякого изменения объектов; приоритет необходимости над случайностью; объективность знания; универсальность методов познания; и т.д.

Эйнштейновско-картезианская «неклассическая» научная картина мира была обусловлена серией фундаментальных открытий (сложной структуры атома, явления радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения, квантовой теории в физике, генетики в биологии, кибернетики, теории систем и т.д.). Это был настоящий «взрыв» в познании. Казалось, что ниспровергалось чуть не все, достигнутое науками за предшествовавшие эпохи.

«Неклассическая» картина мира отныне строилась на оспаривании универсальности законов классической механики. Она отвергла ее жесткий детерминизм, причинно-следственные связи. Теория относительности Эйнштейна выработала новые понятия, расширила с их помощью кругозор ученых, придала картине мира единство, которого не было в предшествующей, ньютоновской механистической картине. Русский ученый В.И. Вернадский вообще показал, что исследование физической реальности – лишь один из способов познания мира, для получения полной картины необходимо включение множества элементов, включая живое («натуралистическая картина мира»).

Иными словами, вместо одной-единственной истинной теории отныне допускалось существование нескольких, отличающихся друг от друга, но дающих возможность приблизиться к истинному знанию. Большое значение отныне придавалось корреляции между онтологическими постулатами науки и методами исследования (в квантово-релятивистской физике), в частности, учета особенностей средств наблюдения, вступающих во взаимодействие с объектом исследования. В трудах А. Эйнштейна, М. Борна, В. Гейзенберга, Н. Бора и др. все более отчетливо звучала мысль о том, что наши представления о физическом мире зависят от положения самого познающего субъекта и от специфики его познавательных средств. Помимо исторической изменчивости знания и относительности научных выводов, картина мира включала

⁶ Росторгуев В.Н. Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права. Сборник научных работ. МГУ. Выпуск 1. – М.: МГУ 2010. – С. 15–39. [Rostorguev, V.N. Predmetnaya oblast' filosofii politiki kak nauchnoj i vuzovskoj discipliny (The Subject Sphere of the Philosophy of Politics as a Scientific and University Discipline) // Filosofiya politiki i prava. Sbornik nauchnyh rabot. MGU. Vypusk 1. Moscow: MGU 2010. Pp. 15-39.]

теперь и субъекта, не дистанцирующегося от мира, а включенного в него, причем ответы на вопросы оказываются в зависимости от вопросов, которые ставит исследователь. Отсюда – иное понимание объективности, истины, теории, факта и т.д. Открылась возможность изучения сложных саморегулирующихся систем. В новой оптике природа отныне рассматривалась как сложная динамическая система. Одновременно формировались новые философские представления об основаниях науки.

Целое уже более не было просто совокупностью частей, будучи рассматриваемым как система. Важную роль начинает играть фактор случайности, появляется вероятностная причинность. Более того, сам объект – более уже не вещь, а процесс, отчасти устойчивый, отчасти изменчивый.

Наконец, социальные науки прекратили быть просто реципиентами методов и идей «естественных наук», а начали вводить свои метафоры в науки о природе («тело», «машина», «рынок», и т.д.).

В целом, «неклассическая» картина мира предполагала переосмысление ряда представлявшихся ранее незыблемыми постулатов: пространство и время отныне воспринимались как относительные; детерминизм приобрел вероятностный характер; необходимость и случайность обрели равноправие, признавалась их взаимодополняемость; множественность интерпретаций концептов и методологий; одновременное сосуществование нескольких теорий, претендующих на истинность и т.д.

Позднее, в последнюю треть XX столетия начала формироваться новая картина мира *постнеклассической* науки.

Теоретики новой картины мира пришли к несколько обескураживающему выводу: несмотря на все успехи, достигнутые науками, абсолютно полную и достоверную научную картину мира не удастся создать никогда, любая из них обладает лишь относительной истинностью. По мнению Ильи Романовича Пригожина, бельгийского физика российского происхождения, лауреата Нобелевской премии 1977 года, сущность происходящей в наши дни

научной революции состоит, с его точки зрения, в том, что современная наука опровергает детерминизм и настаивает на том, что креативность проявляется на любом уровне природной организации. Природа содержит нестабильность как существенный элемент; как правило, имеет место не единичная бифуркация, а целые их каскады, подталкивающие развитие нередко под влиянием незначительного, случайного фактора. В результате возникают новые непредсказуемые макроструктуры, поэтому мы не можем прогнозировать, что произойдет: будущее открыто. Более того, «конец определенности» предполагает, что мир продолжает видоизменяться, причем даже индивидуальные действия могут оказаться существенными. Достаточно лишь небольшого энергетического воздействия («укола»), чтобы система перестроилась, и возник новый уровень организации.

Тем самым, в центр своих взглядов Пригожин поставил «наведение моста между бытием и становлением», «новый синтез» этих двух важнейших «измерений» действительности, двух взаимосвязанных аспектов реальности, однако при решающей роли здесь времени (становления). Вследствие этого мы вступаем в новую эру в истории времени (которое «проникло всюду»), когда бытие и становление могут быть объединены – при приоритете последнего. Если для классической науки пространство и время были абсолютны, то в новой картине мира отмечается многомерность пространственно-временных структур, их качественные различия, вызываемые специфической природой исследуемых объектов. «Отдельные политики и внутривнутриполитические образования развертываются, воспроизводятся и развиваются в своих собственных ритмах, темпах, – развивает эту мысль отечественный политолог Михаил Ильин. – Каждая политика возникает, живет и гибнет в своем собственном времени. У каждой свой исторический и эволюционный «возраст». Эта условная временная длительность существования, измеряемая не столько так называемым реальным временем, сколько накоплением информации об опыте воспроизведения

своих институтов или «памятью» об эпизодах и циклах своего существования»⁷.

Наука в целом предстает в виде древовидной ветвящейся графики, феноменом постнеклассической науки становится синергетика – общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных системах на основе присущих им принципов самоорганизации.

Таким образом, мы вступаем в очередную глобальную научную революцию, связанную именно с постнеклассической наукой. Ключевые идеи постнеклассической науки, полагает российский академик В.С. Стёпин, – это нелинейность, коэволюция, самоорганизация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, системность⁸. Если раньше наука была сориентирована на исследование все более узкого фрагмента действительности, то теперь на первый план выходят широкие, междисциплинарные исследования, сочетающие фундаментальные и прикладные исследования. Происходит взаимодействие различных картин мира, созданных в разных дисциплинах, они становятся взаимозависимыми. Все чаще объектом интереса ученых становятся исторически развивающиеся системы, а не просто саморазвивающиеся. Человек, при этом, включается в систему, перед ними открывается «созвездие возможностей», но его выбор необратим и не может быть однозначно просчитан. Для исследования

такого рода систем начали применяться методы сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации, исторической реконструкции, теоретических схем и т.д. Таким образом, подчеркивает академик В.С. Стёпин, «Современная наука – на переднем крае своего поиска – поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки»⁹.

В постнеклассической картине мира анализ природных явлений и процессов, также как и общественных структур предполагает исследование открытых нелинейных систем. При этом, важную роль играют как исходных условий, локальных изменений и фактора случайности, а также индивидов с их рациональными и иррациональными установками, искажениями вследствие опыта, культуры, склонностей и предвзятостей. Поэтому следует изучать как специфику деятельности, так и ценностных характеристик. Как следствие, в эволюционных, неравновесных, открытых и саморазвивающихся системах возникают многочисленные варианты последующего развития. Но тогда получается, что упорядоченность, структурность, закономерность также объективны, как неопределенность, стохастичность, альтернативность.

Следует обратить внимание и еще на одну сторону постнеклассической науки: если классическая и в значительной степени неклассическая науки опирались преимущественно на европейские культурные традиции, то постнеклассическая наука резонирует уже не только с «западными», но и с «восточными» мировоззренческими идеями, тем самым, открывая возможности для диалога культур и цивилизаций.

Однако мы должны оговориться, что переход к новой картине мира и изменение научного мировоззрения не происходил одновременно. Это относительно длитель-

⁷ Ильин М.В. Включение новых государств в международные системы: сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: традиции и перспективы России / Политическая наука. Ежегодник РАПН. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 251-279. [Il'in, M.V. Vkluchenie novyh gosudarstv v mezhdunarodnye sistemy: sravnitel'nyj istoricheskij analiz (The Inclusion of the New States into the International Systems: Comparative Historical Analyses) // Modernizatsiya i politika: tradicii i perspektivy Rossii / Politicheskaya nauka. Ezhegodnik RAPN. Moscow: ROSSPEHN, 2011. Pp. 251-279.]

⁸ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с. [Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya ehvoluciya (Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution). Moscow: Progress-Tradiiya, 2000. 743 p.]

⁹ Там же. С. 636.

ный и довольно противоречивый процесс. Например, переход от ньютоновской к неклассической, а затем и постнеклассической картине мира еще отнюдь не завершен, в каком-то смысле мы все еще находимся в переходном периоде. Кроме того, картина мира обладает определенной инерционностью, она довольно долго утверждается и сохраняется, несмотря на новые открытия и идеи. Поэтому картина мира столь важна для методологии познания.

Это объясняет некоторое «отставание» политических наук, включая и теорию международных отношений, например, от социологии, значительно быстрее реагирующей на изменение картины мира. С упорством, достойным лучшего применения, теория международных отношений долгое время концентрировалась на механистическом подходе. Политика, несмотря на все рассуждения о глобализации, расширении агентской базы и т.д. в немалой степени остается в механистических эпистемологических рамках, существенно сужая саму сферу политического.

История, образы, символы и само повседневное мышление о политике по-прежнему вращается вокруг индивида как социального атома; а государства воспринимаются во многом как масса молекул, действующих в соответствии с ньютоновскими правилами XVII века, хотя политические теории рассуждают вроде бы о другом.

Можно привести бесчисленные примеры использования ньютоновской логики в политической теории и международных исследованиях. Поскольку англо-американские исследователи в целом доминируют в области теоретических исследований международных отношений. Посмотрим, как картина мира сказывалась на американском мировоззрении.

Историки неоднократно отмечали сильное влияние механистического мировоззрения на «отцов-основателей» США (они рассматривали индивидов как независимые единицы, акцентировали превосходство разума над эмоциями, рассуждали в духе причинно-следственного детерминизма). Томас Пейн даже утверждал, что все великие законы общества – это законы природы.

Вильям Беннетт Монро, профессор Гарвардского университета и президент Американской ассоциации политических наук в 1920-х гг., был одним из первых, кто признал, что американская политическая мысль находится под сильным влиянием ньютоновского мышления¹⁰.

В самом деле, почти на протяжении всего XX столетия американская политическая наука грешила довольно грубым эмпиризмом (например, Чарльз Мерриам в Чикагском университете и его последователи). Как и политология в целом, международные исследования также оказались в сфере эмпирицистского влияния.

Например, изучение международных отношений в большинстве университетов США в 1920–1930-е гг. шло просто через чтение соответствующих разделов газеты «Нью-Йорк Таймс». Задачей профессора стало, прежде всего, комментирование статей, посвященных событиям в разных частях света. Отсюда – ощущение чуть ли не реального участия студентов в международных делах. Такие профессора как Джордж Грэфтон Уилсон из Гарвардского университета и Квинси Райт из Чикагского даже предлагали своим студентам такое задание: «Что бы Вы сделали в этой ситуации, если бы были Государственным секретарем США»¹¹? Рассуждения, при этом, осуществлялись, как правило, в жестком механистическом ключе. А после отказа от «вильсонизма», если нормативность и присутствовала, то, как правило, просто в духе рассуждений о национальных интересах.

Трудно недооценить влияние такого стиля мышления на становление и развитие теории международных отношений – сформировавшиеся в таком духе «головы» из поколения в поколения занимали ответственные посты как в администрации США, так и в ведущих университетах, причем отнюдь не только американских. В конечном счете, встречающееся иной раз и сегодня, напри-

¹⁰ См. Becker, T.; Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Westport, Praeger, 2000. 346 p.

¹¹ Thompson, Kenneth W. The Empirical, Normative, and Theoretical Foundations of International Studies, 1967. Mode of access: <http://www.cambridge.org/core/terms>

мер, в нашей академической среде агрессивное неприятие «теории» при рассмотрении международных событий, в немалой степени – результат этого влияния в развитии политических наук.

В области международных исследований атомистический подход особенно ярко проявился в неореализме с его идеей автономного равенства государств (Кеннет Уолтц). В той же логике предполагалось наличие единственного типа капиталистического способа производства, возможность модернизации, независимо от специфики государства, которую исповедовали ранние глобалисты 1970–1980-х гг.; сторонники демократизации по единственному образцу в период «Всемирной демократической волны» начала 1990-х гг. и т.д. Сегодня, когда мы наблюдаем рецидив интереса к неореализму на фоне ухудшения отношений между Россией и Западом, следует помнить, что одновременно это и возврат к логике международных отношений механистического мира, т.е. вроде бы ушедших веков.

Здесь важно, впрочем, сделать одну немаловажную оговорку и вспомнить знаменитый «принцип соответствия» датского физика, лауреата Нобелевской премии Нильса Бора: новая научная теория не отвергает полностью предшествующую, а включает ее в себя в качестве частного случая, то есть устанавливает для нее ограниченную область применения. Иными словами, научная картина мира не уничтожает предыдущую, а, являясь более широкой, как бы поглощает ее. В конце концов, любая теория представляет лишь отдельный аспект проявления многогранной реальности. Тем не менее, вспомним, что еще крупнейший английский ученый и писатель Чарльз П. Сноу в лекции, прочитанной в 1959 году в Кембриджском университете, признал, что разрыв в коммуникации между двумя культурными мирами – естественными и гуманитарными науками стал главной помехой при решении мировых проблем в послевоенном трансатлантическом обмене идеями¹².

Но смогли ли международные – и шире, политологические, исследования отразить новые картины мира, сложившиеся еще в начала XX столетия? И да, и нет. Очевидно влияние самих критериев «научности», ярко проявившихся, например, в распространении бихевиорализма. Утверждение системной теории также может быть отнесено к утверждению Эйнштейновской картины мира, также как и увлечение статистическими исследованиями. В последнее время заметно усиление влияния ценностно-нормативных исследований, а также конструктивизма, воплощающего целый ряд новейших идей.

Тем не менее, хотя естественные науки в последнее время немало внимания уделяют саморефлексии, в особенности в форме в квантовой физики или теории относительности, а социальные науки разработали различные постпозитивистские и постэмпирические методологии, политическое по-прежнему преимущественно рассматривается в соответствии с механистической традицией. Развитие технологий, возможно, и позволило создать новые метафоры, отличающиеся от «классических» – государство как машина, государство как организм и т.д., и сегодня мы все чаще мыслим в терминах сетей или потоков, однако доминирующая политическая мысль по-прежнему структурируется вокруг ньютоновской оси. Иными словами, процесс вхождения политических наук в неклассическую и постнеклассическую эпоху отнюдь не прост, хотя попытки постоянно предпринимаются разными учеными-международниками (например, известнейшим конструктивистом Александром Вендтом, пытающимся рассматривать социальную науку под углом зрения квантовой физики¹³).

Разрыв между естественными и социальными науками продолжает оставаться крайне трудно преодолимым, а использование новейших мировоззренческих идей фрагментарным и даже маргинальным. Именно поэтому новая попытка нахождения баланса между традициями и инновациями,

¹² Freiro, Lucas G.; Koivisto, Marjo. *International Relations as a Social Science* - 2012. Режим доступа: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/documents/obo-9780199743292/obo-9780>

¹³ См. Wendt, Alexander. *Quantum Mind and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press. – 2015.

которую предпринял один из наиболее известных конструктивистов Александр Вендт своей новой книгой «Квантовый разум и социальная наука» заслуживает внимательно-го прочтения и анализа.

Литература:

Алексеева Т.А.; Минеев А.П.; Лошкарев И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 7–16.

Ильин М.В. Включение новых государств в международные системы: сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: традиции и перспективы России / Политическая наука. Ежегодник РАПН. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 251–279.

Канке В.А. Общая философия науки. – М., Омега-Л 2009. – 354 с.

Росторгуев В.Н. Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права. Сборник научных работ. МГУ. Выпуск 1. – М.: МГУ 2010. – С. 15–39.

Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность / Электронная библиотека. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0

Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. 1993. – С. 41–63.

Ashworth, Lucian M. A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations. London: Routledge. 2014. 306 p.

Becker, T.; Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Wesport, Praeger, 2000. 346 p.

Behr, Hartmut. A History of International Political Theory. N.Y.: Palgrave, Macmillan. 2010. 302 p.

Brint, M.; Weaver, W.; Garmon, M. What Difference Does Anti-Foundationalism Make to Political Theory? // *New Literary History*, 1995, No. 26(2), 225 p.

Freiro, Lucas G.; Koivisto, Marjo. International Relations as a Social Science - 2012.- Режим доступа: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/documents/obo-9780199743292/obo-9780>

Penttinen, Elina. Joy and International Relations. A New Methodology. London: Routledge, 2013. 152 p.

Thompson, Kenneth W. The Empirical, Normative, and Theoretical Foundations of International Studies, 1967. Mode of access: <http://www.cambridge.org/core/terms>

Wendt, Alexander. Quantum Mind and Social Science. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 354 p.

References:

Alekseeva, T.A.; Mineev, A.P.; Loshkarev, I.D. «Zemlya smyateniya»: kvantovaya teoriya v mezhdunarodnyh otnosheniyah? (“The Land of Confusion”: Quantum Theory in International Relations?) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, No. 3 (48), pp.7–16.

Ashworth, Lucian M. A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations. London: Routledge. 2014. 306 p.

Becker, T.; Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Wesport, Praeger, 2000. 346 p.

Behr, Hartmut. A History of International Political Theory. N.Y.: Palgrave, Macmillan. 2010. 302 p.

Brint, M.; Weaver, W.; Garmon, M. What Difference Does Anti-Foundationalism Make to Political Theory? // *New Literary History*, 1995, No. 26(2), 225 p.

Freiro, Lucas G.; Koivisto, Marjo. International Relations as a Social Science - 2012.- Режим доступа: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/documents/obo-9780199743292/obo-9780>

Heidegger, M. Vremya kartiny mira / Hajdegger, M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya (Time and Being: Articles and Presentations). Moscow: Respublika, 1993. Pp. 41–63.

Il'in, M.V. Vkluychenie novykh gosudarstv v mezhdunarodnye sistemy: sravnitel'nyj istoricheskij analiz (The Inclusion of the New States into the International Systems: Comparative Historical Analyses) // *Modernizatsiya i politika: tradicii i perspektivy Rossii / Politicheskaya nauka. Ezhegodnik RAPN*. Moscow: ROSSPEHN, 2011. Pp. 251–279.

Kanke, V.A. Obshchaya filosofiya nauki (The General Philosophy of Science). Moscow, Omega-L 2009. 354 p.

Penttinen, Elina. Joy and International Relations. A New Methodology. London: Routledge, 2013. 152 p.

Rostorguev, V.N. Predmetnaya oblast' filosofii politiki kak nauchnoj i vuzovskoj discipliny (The Subject Sphere of the Philosophy of Politics as a Scientific and University Discipline) // *Filosofiya politiki i prava. Sbornik nauchnykh rabot. MGU. Vypusk 1*. Moscow: MGU 2010. Pp.15–39.

Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya ehvolyuciya (Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution). Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. 743 p.

Stepin, V.S. Osnovaniia nauki i ikh sotsiokul'turnaia razmernost' (Foundations of Science and Its Social-Cultural Dimensions) / *Elektronnaia biblioteka*. Mode of access: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0

Thompson, Kenneth W. The Empirical, Normative, and Theoretical Foundations of International Studies, 1967. Mode of access: <http://www.cambridge.org/core/terms>

Wendt, Alexander. Quantum Mind and Social Science. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 354 p.

THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MIRRORS OF “SCIENTIFIC WORLD PICTURES”: WHAT’S NEXT?

Tatiana A. Alekseeva

MGIMO University, Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 10 January 2017 <i>Accepted:</i> 1 November 2017	Abstract: The author regards in this article the questions, which are connected with the ontological and epistemological foundations of the theoretical international studies. IR as science reflects the main features of the dominating at the epoch scientific world pictures as the way of cognition. As the term “scientific world picture” was formulated by the German philosopher Martin Heidegger as well as by the most prominent scholars of the first part of the 20th century – by M. Planck, A. Einstein, N. Bohr, E. Schrödinger etc. Even if some contribution in the development of sciences was done already in the period of Antiquity and Middle Ages, the scientific world picture was formulated only with the transition to Modernity, with the exude of the human being from nature. Being based on the typology, done be the Russian academician philosopher V.S. Stepin . the author regards the specifics the main scientific world pictures, and their consequences in the classical, non classical and post non classical science. By the way, the IR science with great difficulties accepts the new worldview, at its main part still functioning in a sense of the Newtonian mechanistic world picture. Even if the attempts have been made to be fitted into the new scientific world pictures, the gap between the natural and social sciences is still difficult to overcome, and the usage of the newest world view ideas is still fragmented and even marginal. Because of that the latest attempt to find soma balance between the traditions and innovations, by the most famous constructivist Alexander Wendt with his newest book “quantum Mind and Social Science” deserves through attention and analysis.
About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, Chair of the Department for Political Theory, MGIMO-University e-mail: Ataleks@mail.ru Key words: Scientific world picture; classical science; nonclassical science; post nonclassical science; theory of international relation; positivism; normativism; political philosophy; unity of science; constructivism; quantum physics	

Для цитирования: Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 30-41.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41

For citation: Alekseeva, Tatiana A. Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v zerkalakh «kartin mira»: chto dal'she? (Theory of International Relations in the Mirrors of “Scientific Pictures of the World”: What’s Next?) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 30-41.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41

ОТНОШЕНИЕ ИСЛАМСКИХ ИНСТИТУТОВ К БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Хасан Джаббари Насир

*Исследовательский центр социально-культурных исследований Исламской Республики Иран,
Исламская Республика Иран;
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 7 февраля 2017 <i>Принята к печати:</i> 1 ноября 2017	Аннотация: Теория нового институционализма делит институты на две группы: формальные и неформальные. Формальные институты – это закреплённые юридические нормы, законы, которыми руководствуются государственный аппарат, власти; принципы действия для разных областей социального взаимодействия, например, торговля. Неформальные институты включают в себя правила поведения, систему ценностей, идеологию и традиции, которые являются определяющим фактором социального поведения человека. В настоящей статье рассматривается проблема борьбы с международным терроризмом в контексте ислама – как института неформального типа и деятельности Организации Исламского Сотрудничества (ОИС) как института формального характера, базирующегося на неформальных исламских институтах. В исламе терроризм во всех его проявлениях отвергается. В традиции этой религии акты насилия под разными названиями – мухарибе, фатак, игътияль, гадар, баги и ирхаб, категорически запрещаются. Террористическая деятельность сегодня, которая осуществляется с использованием искаженных положений и интерпретаций исламских учений, не имеет ничего общего с законами шариата. Терроризм как метод достижения целей отвергается и крупнейшим формальным исламским институтом – Организацией исламского сотрудничества. Официальная позиция мусульманских государств в рамках ОИС по этому вопросу закреплена в конвенциях, резолюциях и разных декларациях, а также в неизменной позиции генерального секретаря Организации по данному вопросу, что говорит о серьёзной озабоченности и готовности данного института участвовать в борьбе против международного терроризма.
Об авторе: Сотрудник Исследовательского центра социально-культурных исследований Исламской республики Иран; аспирант, Кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России e-mail: hjabbbarinasir@gmail.com	
Ключевые слова: новый институционализм; формальные и неформальные институты; Организация исламского сотрудничества (ОИС); законы шариата; международный терроризм; противодействие международному терроризму	

Возрождение и рост религиозного экстремизма и международного терроризма, идеология которых опирается на особую, пожалуй, искажённую интерпретацию коранических догм и на салафитские представления об исламе, актуализирует всестороннее изучение названного феномена. На Западе такой тип терроризма, преследующий цели разрушения архитектуры безопасности цивилизованного мира и претендующий на переформатирование его политической организации, получил название «зелёный терроризм» или «исламский терроризм», появившийся после ослабления «красного»

терроризма в Европе. Оба эти типа терроризма исходят из идеалистических представлений об обществе. Однако между ними есть и отличие: если «красные» террористы в прошлом объясняли и оправдывали свою деятельность борьбой с капитализмом¹, то сегодняшние «зелёные» террористы или джихадисты преследуют цели установления законов шариата как главных, неизменных правил жизни общества². Представляется,

¹ Trotsky, Leon. A Defense of Red Terror” / in Terrorism: the Philosophical Issues. Palgrave & Macmillan, 2004. P.31.

² Сажин В.И. О некоторых особенностях со-

что в современном мире, характеризующимся высоким конфликтным потенциалом, «зеленые террористы» имеют более прочные корни и широкое поле для деятельности.

Так называемый *исламский терроризм*, который ассоциируется некоторыми державами со всем мусульманским миром и мусульманами – это один из видов терроризма, идеология которого базируется на особом, во многом, буквализмском понимании исламских учений, на конфессиональных особенностях этой религии. В действительности, то явление, которое получило название *исламского терроризма*, это смесь идеологий, разных стереотипов в отношении мусульман, часто поддерживаемых великими державами, говорит, как о целесообразности признания существования такого феномена, так и об его отрицании. Почему?

Судя по тому, что происходит на Ближнем Востоке, где наблюдается высокая концентрация террористических организаций *джихадистского* толка или *зеленого терроризма* (ИГИЛ, Аль-Каида³ и др.), сложно отрицать связь этого явления с мусульманами и исламом. Однако, признание подхода, при котором все мусульмане – это террористы или даже потенциальные террористы, является крайне абсурдным и абсолютно неприемлемым⁴.

Вызов, который бросает *зеленый терроризм* системе международных отношений на современном этапе, актуализирует вопрос о всестороннем изучении данного феномена в исследовательском дискурсе. С целью правильного понимания деятельности террористических группировок исламистского толка, настоящая статья, опираясь на теории нового институционализма, преследует цели получить ответы на вопросы относительно определения места различных видов наси-

лия в политическом праве ислама и рассмотрения подходов Исламской Организации Сотрудничества (ОИС), как крупнейшего формального института мусульманских государств в отношении феномена *терроризм*. Такой подход способствует более точному и научному пониманию идеологии и принципов деятельности *зеленых* международных террористических группировок.

Вопросы терминологии феномена терроризма

Термин *террор* происходит от латинского слова *terror* – *устрашать, страх*, а его эквивалент в современном арабском языке звучит как *ирхаб* – *устрашать, также* фатак, означающее *спланированное, предательское убийство*⁵. Понятие терроризм появился после Французской Революции для обозначения одного из видов уголовных преступлений и в 1798 году в значении «систематическое использование террора как политики» вошел в английский словарь⁶.

В действительности, терроризм не является новым явлением. Некоторые связывают его появление с Французской революцией⁷, другие исследователи находят корни данного феномена анархистской идеологии XIX века⁸. Но есть и те, которые видят признаки террористической деятельности в I веке до нашей эры в древнем Риме⁹.

Человечество, как на западе, так и на востоке, за всю свою историю всегда стано-

временного международного терроризма. Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/04-10-04.htm> [Sazhin, V.I. O nekotorykh osobennostiakh sovremennogo mezhdunarodnogo terrorizma (On Some Features of International Terrorism). Institut Blizhnego Vostoka. Mode of access: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/04-10-04.htm>]

³ Организации запрещены в России.

⁴ Ibid.

⁵ Mohammadi Rjeshahri M, Mizan al-hemat' (Arab). Kum, Dar al'-Hadis, 9, 2005, p. 45008. [مق: ممكحلا نازيم، یرشش یر یدمحم، دمحم: 45008ص، 9ج، 1377، نشیدجل اراد]

⁶ Martha Crenshaw, ed; "Terrorism in Context", Penn St. University Press, 1995. P. 77; Spencer, Alexander. Questioning the Concept of New Terrorism // Press Conflict & Development, 2006, No. 8, p. 3.

⁷ Parry, Albert, Terrorism: From Robespierre to Arafat. New York: Vanguard Press, 1976.

⁸ Gaucher, Ronald. The Terrorists: From Tsarist Russia to the O.A.S. Paula Spurlin. Trans, London: Secher & Warbury, 1968, p 123.

⁹ Andrew, Sinclair. An Anatomy of Terror: a History of Terrorism. London: Macmillan, 2003.; Bergesen, Albert J; Yi, Han. New Directions for Terrorism Research // International Journal of Comparative Sociology, Vol. 46, 2005.

вилось свидетелем актов насилия. Те акты, конечно, не всегда совпадают по форме и масштабу с современной деятельностью террористов, но реальность такова, что устрашение, акты насилия всегда имели место в человеческом обществе с разными на то причинами – конфессиональными, политическими (власть) и, в некоторых случаях, экономическими¹⁰. Терроризм в современном его значении появился тогда, когда террористы начали прибегать к методам распространения всеобщего страха¹¹ в различных формах – кровавые акты насилия, грабежи и ограбления, использование пыток, кибертерроризм, наркотерроризм (использование наркотических веществ для достижения своих целей и разрушения общественного здоровья), экотерроризм, агротерроризм и другие похожие деструктивные акты.

Сегодня терроризм – это политика, тактика и планирование по разрушению существующего государственно-конституционного устройства, по запугиванию населения и получению рычагов влияния и давления на государственные структуры для достижения политических целей террористов¹². Названный феномен – это один из вызовов, который не имеет четкого теоретического осмысления и на практике является одним из сложнейших явлений, с которым столкнулось человечество. На современном этапе его осмысление находится в кризисе – в теоретическом, онтологическом, гносеологическом и, наконец, методологическом. Соответственно, в современных академико-практических кругах нет единства в определении термина *терроризм*, которое поддерживалось бы всеми государствами, международными ин-

ститутами и стало бы основой для международного сотрудничества по борьбе с этим опасным явлением.

Вопрос об определении *терроризма* и понимание его сути остается спорным. Джефффри Саймон после сбора различных дефиниций термина терроризм, нашел 212 различных определений этого феномена, которые на сегодняшний день существуют в мире. Из этого огромного числа, только 90 определений используются правительствами и международными институтами¹³. Хотя мнения относительно определения терроризма разнятся и точной, общепринятой дефиниции до сих пор нет, тем не менее, важно отметить, что терроризм признается как «политически мотивированные насильственные действия или их угрозы, ориентированные на достижение психологического эффекта»¹⁴, так и насилие против мирных граждан.

Генассамблея ООН в 1994 году была принята Резолюция №49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма». Она зафиксировала первое и на данный момент единственное консенсусное определение терроризма «Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание»¹⁵. Однако определение данной резолюции в разных странах воспринимается с определенными оговорками. Среди мусульманских государств, например,

¹⁰ Aliipur, H. Otnositel'nost' ponjatatie terrorizma s točki figh (Farsi) // *zhurnal motaliat-i rahbordi*, 2010, No. 50, p. 123. [تشیسن، روپ یل اع نسح]، تااع اطم ممان لصف، هف ف هاگن زا مری رورت یموهفم 123ص، 1389 ناتسمز، 50 مرامش؛ یدربهار

¹¹ Антонян, И.И. Преступления международного характера. – М., 1998. [Antonjan, I.I. Prestuplenija mezhdunarodnogo haraktera (International Crimes). Moscow, 1998. P. 10.]

¹² Жаринов, К.В. Терроризм и терористы: истор. Справочник, Москва: Харвест, 1999. – С. 10. [Zharinov, K.V. Terrorizim i teroristy: istor. Spravochnik, Moskva: Harvest, 1999. P. 10.]

¹³ Spencer, Alexander Questioning the Concept of New Terrorism // *Press Conflict & Development*, No. 8, p. 3.

¹⁴ Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов / М.М.Лебедева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 197–202. [Lebedeva, M.M. Mirovaja politika: uchebnik dlja vuzov (World Politics). Moscow: Aspekt Press, 2006. Pp. 197–202.]

¹⁵ Документ ООН. A/RES/49/60. Меры по ликвидации международного терроризма. 17 февраля 1995 г.

с учетом их позиций и понимания феномена терроризм наиболее полным и всеобъемлющим считается определение первой главы Конвенции о борьбе с терроризмом, принятой Организацией Исламского Сотрудничества в 1999 году. Она определяет термин *терроризм* как «любой насильственный акт или угрозу такового, вне зависимости от его мотивов или намерений, совершаемый для выполнения личного или коллективного преступного плана по запугиванию людей или созданию угрозы нанесения им вреда или созданию опасности для их жизни, достоинства, свобод, безопасности, прав или по созданию риска для окружающей среды, объектов, публичной или частной собственности, или по занятию либо захвату таковых, или по созданию опасности для национальных ресурсов, международных объектов, или по созданию угрозы для стабильности, территориальной целостности, политического единства и суверенитета независимых государств»¹⁶.

При всем многообразии дефиниций феномена терроризм, в основном его главную цель можно определить, как стремление к получению политических, экономических и конфессиональных уступок. Террористы претендуют на получение влияния на процессы принятия государственных решений, и поэтому они почти всегда берут ответственность за свои злодеяния. Эта особенность отличает их от актов насилия со стороны правительства, партизан и деятельности организованных криминальных группировок.

Некоторые исследователи современного терроризма при объяснении событий на международной арене, связанных с этим феноменом, выделяют следующие особенности:

- Во-первых, современный терроризм – это трансграничное явление;
- Во-вторых, он тесно связан с религиозным экстремизмом;
- В-третьих, у современных террористов есть доступ к оружию массового по-

ражения (химические бомбы, бактериологические бомбы и т.д.). Здесь нужно отметить ограниченное использование террористами ОМУ в XX веке и его незначительный ущерб¹⁷, однако технические возможности современных террористов возросли в разы. Деятельность ИГИЛ, захватившего на подконтрольных ему территориях склады химического оружия и его применение против курдских ополченцев показало, что современные террористы способны не только эффективно использовать ОМУ, но и с помощью захваченных научно-технических и кадровых ресурсов (ученые-заложенники, наемные специалисты из-за рубежа, государственные лаборатории, институты и научные центры), могут создавать их¹⁸.

– В-четвертых, во многом сегодняшние террористы выбирают свои жертвы по неизбирательному принципу (главная цель здесь сеять страх в обществе)¹⁹.

Касательно методов борьбы с терроризмом отмечаем их многообразие и вариативности в зависимости от вида, формы терроризма, от особенности конкретных регионов, где активны террористы; от религиозных, этнических и других факторов. Своевременными и потенциально эффективными могут оказаться меры, предлагаемые профессором МГИМО МИД России, доктором политических наук М.М. Лебедевой. Выделяя три элемента борьбы с международным терроризмом (военно-экономический, политико-дипломатический и психолого-идеологический), она отмечает, что противодействие террористической угрозе, помимо военного и политико-дипломатического компонентов, требует психологического и идеологического воздействия на насе-

¹⁶ Конвенция организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом от 1 июля 1999 года. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902038140>

¹⁷ Männik, Erik. Terrorism: Its Past, Present and Future Prospects / In: Saumets, Andres; Kilp, Alar (Ed.). Religion and Politics in Multicultural Europe. Perspectives and Challenges Tartu: 2009, Tartu University Press, pp. 151-171.

¹⁸ Shoham, Dany. Does ISIS Pose a WMD Threat? / BESA Center Perspectives, 2015. Mode of access: <http://besacenter.org/wp-content/uploads/2015/12/Shoham-Dany-ISIS-as-WMD-threat-PP-322-13-Dec-2015.pdf>

¹⁹ Duyvesteyn, Isabelle. How New Is The New Terrorism? // *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol.27, March 2007, pp.439-440.

ление. Однако третий элемент – «борьба за умы и сердца тех, кто оказался среди сочувствующих террористам или может ещё начать симпатизировать им», остается в тени²⁰. Конечно, недооценка этого компонента антитеррористической стратегии не может способствовать успешной борьбе с международным терроризмом.

Теоретические основы: терроризм с точки зрения теории нового институционализма

Термин *институт* в современной политической науке, как и понятие *терроризм*, не имеет единого понимания и определения. Известный американский экономист, сторонник институциональной теории Дж. Коммонс определяет институт как «любое коллективное действие, контролирующее поведение отдельных индивидуумов», согласно другой дефиниции, *институт* – это «любой общепризнанный склад мышления, привычек/обычаев или общих ценностей»²¹. В разных интерпретациях *институт* описывается как «установившаяся система социальных взаимодействий, основанных на ценности и общепризнанных правилах поведения, которая отвечает конкретным потребностям общества». *Институтом* также называются «процессы, которые определяют основные формальные и неформальные формы взаимодействия в обществе и влияют на мысли и поведения взаимодействующих сторон»²². Таким образом, институты создают площадки взаимодействия для людей в конкретный исторический период для установления некоего порядка и уменьшения нестабильности.

В рамках теории нового институционализма на современном этапе существуют различные направления²³, однако, в упрощенно, что вполне нас устраивает в рамках настоящей статьи, институты можно делить на формальные и неформальные. Первые представляют собой закрепленные юридические нормы и законы, которыми руководствуются государственный аппарат, власти и принципы действия для разных областей социального взаимодействия, например, торговля. Неформальные же институты включают в себя правила поведения, систему ценностей, идеологию и традиции, которые являются определяющим фактором социального поведения человека.

В данной работе проблема борьбы с международным терроризмом рассматривается в контексте религии ислам, как института неформального типа и деятельности Организации Исламского Сотрудничества – как института формального характера, базирующегося на неформальных исламских нормах и процедурах. Отметим, что Российская Федерация, подчеркивая, что «в условиях возрастания террористических рисков, в частности, на межконфессиональной и межэтнической почве, участившихся случаев диффамации той или иной религии – в этой сфере требуются особенно энергичные усилия»²⁴, в качестве наблюдателя тоже участвует в деятельности ОИС.

Феномен *институт* вновь оказался в фокусе исследовательского дискурса с 1980-х годов прошлого века, когда Дж. Марч и Й. Ольсен стали первыми, кто выступил за возрождение институционального подхода, опубликовав в 1984 году статью под названием «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» и в 1989

²⁰ Лебедева М.М. Три элемента борьбы с терроризмом / Портал МГИМО. Режим доступа: <http://mgimo.ru/about/news/experts/tri-elementa-borby-s-terrorizmom/> [Lebedeva, M.M. Tri jelementy bor'by s terrorizmom (Three Elements of War on Terror) / Portal MGIMO. Mode of access: <http://mgimo.ru/about/news/experts/tri-elementa-borby-s-terrorizmom/>]

²¹ Modema, G; Steren, Mercuo, Nicholas. History Institutional law Economics, Encyclopedia. Law & Economics, pp. 418-453.

²² Campbeii, J. Mechanism of Evolutionary Change In Economic Governance. London: Edward Elgar, 1997.

²³ Иванищев В.О. Применение неoinституционального подхода к изучению проблемы экстремизма // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1018-1021. [Ivanishhev, V.O. Primenenie neoinstitucional'nogo podhoda k izucheniju problemy jekstremizma (New Institutionalism and The Study of Extremism) // *Molodoj uchenyj*, 2015, No.10, pp. 1018-1021.]

²⁴ Россия развивает партнерские связи с государствами ОИС. Режим доступа: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/151901/>

году статью «Вновь открывая институты»²⁵. Эти работы вызвали широкие дискуссии в академических кругах относительно их применимости в отношении разных социальных институтов и политических реалий²⁶, тем не менее, вслед за ними П. Эванс, Д. Руэшмейер и Т. Скокпол призвали к использованию в политологии анализа, в центре которого находятся институты. Они назвали современное состояние политической науки «институциональным бумом», когда наблюдается большой интерес к институту, который сопровождается переосмыслением содержания этой категории, и ее роли в решении многих насущных проблем современности²⁷.

Одной из таких проблем является международный терроризм, особенно исламистский вариант этого феномена, ставшим доминирующим на современном этапе, и использующим для достижения своих целей неформальные институты религии ислам в особом их толковании. Такие группы, как Аль-Каида, ИГИЛ, прибегающие к террору и масштабным актам насилия, довольно искусно оперируют ложными толкованиями исламских учений, завоевывая этим все больше адептов. Деятельность террористов создает крайне агрессивную среду и аналогичные воинственные настроения у людей, т.е. происходит переосмысление неформальных институтов и сдвиги в структуре их приоритетов в пользу экстремистских форм, что, естественно, повлияет на поведение таких людей, как сегодня, так и в будущем. Новые институционалисты писали, как раз и о влиянии поведения отдельного индивида или группы людей на социальные институты²⁸, и о регулирующей роли ограничительных рамок,

которые создают институты во взаимоотношениях между людьми²⁹.

Формальные институты, к которым относятся международные организации, региональные и глобальные негосударственные организации сегодня являются активными игроками на международной арене. Те из них, осуществляющие свою деятельность в области прав человека, борьбы с терроризмом, исследования проблем мира, имеют наибольшее влияние на изменения и поддержание равновесия архитектуры международной безопасности³⁰.

Новые институционалисты отмечают важнейшую роль международных институтов в развитии международного сотрудничества и установлении мира. Они утверждают, что, имея карательные возможности в отношении террористов и агрессоров, международные институты формального характера способны к упрочению стабильности, мира и снижению рисков возникновения конфликтов и роста террористической деятельности³¹.

Одним из таких институтов формального характера является Организация Исламского сотрудничества (ОИС), которая может сыграть позитивную роль в деле борьбы с международным терроризмом, в частности, с его исламистским течением. Государства-члены ОИС понимают, что без борьбы с терроризмом, использующим для своих целей исламские учения, деструктивная идеология террористов может стать реальным неформальным *институтом*, то есть в понимании неoinституционалистов – «превалирующим

²⁹ Douglas, C. North. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* // Cambridge University Press; October 26, 1990. Pp. 36-46.

30 Sarmast, B. Актеры, оружие и источником новых угроз международной безопасности, (*на фарси*) // Zhurnal politicheskoy nauki, Tegeran, 2009, No. 8, p. 206. [«ارگزياب» مارا ب، تبس برس] تبس زم تا ديدت ديدج ياه ممش چرس و امارزا گنج س. ايس ايس مولع ي صص صخ دمان لصف، دي ملل نيب (206ص، 1388 تبسره مهراش نيارم]

31 Иванищев В.О. Применение неoinституционального подхода к изучению проблемы экстремизма // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1018–1021. [Ivanishhev, V.O. Primenenie neoinstitucional'nogo podhoda k izucheniju problemy jekstremizma (New Institutionalism and The Study of Extremism) // *Molodoy uchenyj*, 2015, No.10, pp. 1018-1021.]

²⁵ March, James G.; Olsen, Johan P. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics // *Journal of Public Policy*, Vol. 10, Iss. 3, pp 349-351.

²⁶ Gunar Sjöblom. Some Critical Remarks on March and Olsen's Rediscovering Institutions // *Journal of Theoretical Politics*, No. 5(3), 1993, pp. 397-407.

²⁷ Evans, P.B.; Rueschemeyer, D.; Skocpol, T. (eds.) *Bringing the State Back in*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

²⁸ Peter A. Hall and Rosemary C.R. Taylor. Political Science and Three New Institutionalism / Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung, Discussion Paper 96/6, June 1996.

и прочным способом мысли или действия, который внедрен в привычки какой-либо группы или традиции народа»³².

ОИС, являясь самой крупной и наиболее влиятельной официальной правительственной мусульманской международной организацией, в настоящее время объединяет 57 стран с населением около 1,5 млрд человек. Организация внесла значительный вклад в разрешении сирийско-турецкого кризиса, кризисов в Косово, в Палестине, в Ливии, в Афганистане и Ираке³³. Большой потенциал ОИС может быть использован в будущем при решении важных вопросов на международной арене³⁴. Организация является площадкой для выражения официальной позиции мусульманских стран, и наблюдателей при Организации объединенных наций³⁵, и с этой точки зрения, исследование ее позиции в области борьбы с терро-

ризмом, а также видение данного феномена в рамках исламского права и политической мысли является очень актуальным вопросом современного научного дискурса.

Проблема терроризма в исламском праве и политической мысли

Терроризм сегодня считается одним из основных вызовов современного общества, находящегося в процессе трансформаций, тесно переплетаясь с элементами конфессиональных противоречий. Учитывая масштаб, методы насилия и географическое распространение, *зеленый* терроризм сегодня вытеснил светский терроризм с социально-политической арены современных международных отношений, хотя это не говорит об исчезновении нерелигиозного терроризма. Основывающийся на религиозных принципах, своими масштабами и деструктивными действиями в отношении безопасности, в широком смысле этого слова, терроризм стал главной угрозой нового столетия³⁶.

Исследователи отмечают, что терроризм всегда находил идеи в религии³⁷, однако никогда это опасное явление еще не представляло столь серьезную угрозу человечеству, как оно представляет сегодня на фоне зарождения и распространения джихадистского терроризма в лица Аль-Каиды и ИГИЛ³⁸. Используя искаженные толкования исламских учений, эти группировки прибегают к масштабным актам насилия для достижения своих идеологических, политических и конфессиональных целей. Своей конечной целью эти фундаменталистские группировки называют создание всемирного *халифата* — исламского государства, а турбулентная обстановка и социально-политический хаос

³² Lane, Jan-Erik; Ersson, Svante. The New, Politics: Performance and Outcomes. London; New York: Routledge, 2000. Pp. 23-24.

³³ Rahmani, M. Роль Ирана в повышении международного авторитета ОИС (на фарси) // *Pegahi Hoze*, 2011, p. 2. [دوعسم،ينامحر]. 1390. سنارفنك ين اهج تي عقوم ياق ترا رد ن اري ا شقن. «ديالسا» 1390: 2]

³⁴ Косач Г. Организация исламского сотрудничества: приоритеты и политический курс. 15.01.2015 / Сайт РСМД. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5079#top-content [Kosach, G. Organizatsiia islamskogo sotrudnichestva: priority i politicheskii kurs (OIS: Priorities and Policy). 15.01.2015 / RSMD. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5079#top-content]; Муфлиханова Д.Р. Особенности Организации исламского сотрудничества как межправительственной международной организации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2012. — Выпуск № 4[77]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-islamskogo-sotrudnichestva-kak-mezhpravitelstvennoy-mezhdunarodnoy-organizatsii> [Muflihanova, D.R.. Osobennosti Organizatsii islamskogo sotrudnichestva kak mezhpriatel'stvennoj mezhhdunarodnoj organizatsii. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva*, 2012, No. 4[77]. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-islamskogo-sotrudnichestva-kak-mezhpravitelstvennoy-mezhdunarodnoy-organizatsii>]

³⁵ ОИС (тогда еще ОИК) является наблюдателем при ООН с 1975 года.

³⁶ Dzhallali, M. Terrorism s tochki zreniya mezhhdunarodnogo prava, s akcentom na 11 sentjabre, Iran (Farsi). *zhurnal: namie mofid*, 2005, No. 52, pp. 54-53. [مسیروت، دوعسم، یالاج]. 11 شهذاح رب دیکات اب للما نیب قوق هاگدی زا 54-53 صص 1384، 52 ش، دیفم دمان، ربماتپس

³⁷ Hoppman, Bruce. Inside Terrorism. New York: Columbia University Press, 1999. P.58.

³⁸ Appleby, R.S. The Ambivalence of Sacred: Religion, Violence and Recommendation. Lahman MD: Rowman & Little Friend, 2000. P. 1250.

в Ближневосточном регионе, названном М.М. Лебедевой «слабым звеном политической организации современного мира»³⁹ дает террористам определенные преимущества в деле реализации их деструктивных начинаний.

Согласно священной книге мусульман – Корану, Аллах наделил любого человека неотъемлемым достоинством⁴⁰. В контексте такого дарованного *достоинства* имеется в виду материальная и духовная безопасность человека, его защищенность от конфликтов и насилия⁴¹. Мусульмане на Земле должны отвечать за безопасность всего человечества, и никто не может незаконным путем ставить под угрозу его безопасность. Даже в период войн ислам запрещал убийство женщин, детей, пожилых людей и разрушение религиозных святынь⁴².

В исламском праве понятие «терроризм» не существует, так как этот термин относительно новый. Однако исламские учения категорически выступают против любого вида насилия, соответственно, и терроризм как наиболее кровавый и безжалостный вид насилия запрещается безоговорочно. В Коране можно найти основополагающий принцип международного права – *pacta sunt servanda* – международные обязательства должны соблюдаться. Священная книга гласит «О верующие, будьте обязательны в выполнении договорных отношений [исполняйте обеты, обязательства, установленные между вами и Всевышним, а также между

вами и другими людьми]⁴³. Понятно, что это предписание Корана применимо, обязательно и для договоров и обязательств в области борьбы с терроризмом, взятым на себе исламскими странами.

Касательно терминологического аппарата феномена *насилия* против человека в исламском праве существует своя классификация: *мухарибе, фатак, игтияль, гадар, багий и ирхаб*. Сразу отметим, что все вышеперечисленные формы насилия категорически запрещаются.

1. *Фатак* – в переводе с арабского языка означает *убийство, нанесение травмы* путем внезапного, предательского нападения⁴⁴ с целью достижения политических, социальных и материальных дивидендов. Этот вид насилия, независимо от религиозной принадлежности его объекта, запрещается и даже считается за действие против веры и религии⁴⁵. Согласно одному хадису, Пророк Мухаммад выражает свое неприятие в отношении *фатак*⁴⁶.

2. *Игтияль* (другими словами: *гейле*) – тайное убийство⁴⁷. *Игтияль* от *фатак* отличается тем, что, если при *фатаке* убийства происходит открыто, то при *игтияль* оно носит тайный характер⁴⁸. Согласно халифу Абубакр, *игтияль* – это совершение убийства таким образом, что его жертвы не поймут, почему и как они стали жертвой та-

⁴³ Коран, Сура аль-Маида : 1

⁴⁴ Ibn-Al'-Asir, al'-nihaja fi garib al-hadis, Kum, adab al-hoza, 1984, 2, p. 409. [هذه النجاة في غريب الحديث، كرم، آداب الحوزة، 1405، مروجع البداية: رقم 1 و 2 في حديث البقرة 409 ص 2 ج 2]

⁴⁵ Ābu Bakr, Abdullah Ibn-e-Mohammad, Almonsef (Arab). Beirut: Dar-al- Kibla, 2006, 5, p. 299. قيس يبا مي هارب! نب دحم نب ملل دب [ع، قليب! راد: توريب، فصن مل! ركب وب! يسب ع، 299ن، 5ج، 2006ع]

⁴⁶ Alam al'-Hoda M, Tanzih-ol-Anbija. Tegeran: Publikacija vyshe shkoly Shahid Motahri, 2002, p. 176. *يذهل انزل ع فيض رمل فيرير يسلا* 1381، *يرمطم ديهش يل اع سررم* نارهت، *ءايبنال* ص 176

⁴⁷ Ibn Manzur, *Lisan al-Arab* (Arab). Kum: Adab al-hoza, 1993, 10, p. 473. [برعنا ناسل، روظنم (نبا)، (473ص، 10 ج، 1414، مزو حلا بدا: توريب]

48 Al-Zemahshari Dzh. Al-faig fi garib al-hadis (Arab). Bejrut: Dar al-marifa, 2010, 3, p. 6.
ثی، دحل بیرغ یف ی قی افلا، لال اراج، یرش خمزل
[ص 6، ج 3، 2010، ففر عمل اراد: بتور یب]

³⁹ Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 125–133. [Lebedeva, M.M. Sistema politicheskoy organizacii mira: Ideal'nyj shtorm] (World Political System: Ideal Storm) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, No. 2 (47), pp. 125–133.]

⁴⁰ Коран, сура Аль-Исра: 70

⁴¹ Abd-ol-Mahdi, Abd-ol-Gader, Al-erhab-al-Alami (Arab). Beirut: Alarabi-el- Hadisa, 2000, p. 165.
يملأ العال باهرا لى، يدا مل ابداع، ردا قلا ابداع يدمل ابداع
تقير عل قس سوس، تويرب عمن نم و عمن نم
[165ص، 2000، تقيدل ص]

⁴² Mohageg Damad Sejed Mustafa. Gumanitarnoe pravo i islamskaja koncepcija (Farsi) // *Zhurnal pravovyh issledovanij*, 1996, No.18, p. 190. [ديس) من اتسودر شرب قوقق ز يودت، اداماد قوقم فسطرم مزانل صرف، ناراي، نايمل اسروم و ليلللا اريب (1901) / 1375، ن اتسابت اسر ش يوقق ش تاياق حيت

кого насилия⁴⁹. Исламская правовая школа, определяя *игтияль* как акты насилия против мусульман и не мусульман⁵⁰, категорически его запрещает⁵¹.

3. *Мухарибе* – применение оружия против людей для устрашения и создания атмосферы страха⁵². Может осуществляться на земле, в воде и воздухе (захват заложников, самолетов и т.д.)⁵³. В исламе *мухариб* (совершитель *мухарибы*) объявляется «врагом человечества»⁵⁴ и наказание его одобряется для предотвращения подобных действий в будущем и искоренения зла на земле⁵⁵.

В шиитской политико-правовой школе *мухарибе* запрещается не только на родине – в мусульманской стране, но и за пределами этой территории⁵⁶. Террористические акты, попадающие под *мухарибе*, сегодня совершаются в виде похищения и захвата людей в заложники, грабежей, взрывов бомб и «поясов шахидов», киберпреступности и т.д. Коран тех, кто совершил акты насилия и убийства (терракты), считает достойными смертной казни, так как такие люди не заслуживают

жизни и представляют угрозу для общества⁵⁷. Однако в некоторых случаях, если преступник искренне раскаялся и доказал *это* своим поведением, то за некоторые преступления его можно простить и вернуть в общество⁵⁸.

4. Гадар – в переводе с арабского означает *вероломство, нарушение какого-либо обещания*⁵⁹. Политическое право ислама данный термин определяет, как прощение чужих, тех, кто ищет покровительство, даже политических врагов с последующим нарушением этого обещания, то есть их арест или убийство⁶⁰. Нарушение обещаний и договоров в исламе считается грехом, так как такие действия недопустимы в человеческих отношениях вообще, а в отношениях мусульман в частности⁶¹. Террористическая деятельность мусульман в отношении представителей других религий, с которыми у первых имеются определенные договоренности или обещания о предоставлении убежища, категорически запрещается. В Коране мусульмане, у которых имеются обещания в отношении других, считаются ответственными за их выполнение⁶², а хадисы определяют *гадар* как самое большое вероломство⁶³, и как один из непрощительных грехов⁶⁴. На современном этапе данным

⁴⁹ Ibn Manzur, Lisan al-Arab (Arab). Kum: Adab al-hoza, 1993, 10, p. 513. [برعلا ناسل، روظنم (نبا)، 473ص، 10 ج، 1414، هزوحلا بدا، بتورىب]

⁵⁰ قس سؤم، مق اوقفل مرکذت، یلح فسوي نبئسح (Хасан ибн юсуф хелли, тазкират ал-фогаха, кум, институт ал альбита, 1993, 1, стр. 415.) [تیبلاا، 1414، ج 1، 415 ص، 1414، تیبلاا]

⁵¹ Kolejini, M. Al-kafi (Arab). Tegeran, dar-al' kotob al-islamie, 1985, 7, p.261. [نبذمجم، بتکلاراد، نارمت یفاکلا، ینیلک بوقعی، 261 ص، 7 ج، 1985، هیمالسال]

⁵² Al-hosari, A. Al'-sijasat al-dzhazaija (Arab). Bejrut: Dar al-dzhabal, 1993, p. 627. [یرصحل، 1993، لبعلاراد، بتورىب، هیمازجال هسایسل، دمحا، 627ص]

⁵³ Imam Homejni R. Tahrir al'-vasila (Arab). Publikacija urudzh, 2000, p. 889. [ینیمخ امام، 889، جورع رشن، نارمت ملیسول ریرحت، 889ص، 1379، جورع رشن، نارمت ملیسول ریرحت]

⁵⁴ Коран, сура Аль-маида: 33

⁵⁵ Rashid, Reza M. Tafsir al-Koran (Al-minar) (Arab). Bejrut: dar al-marifa, 1993, 7, p. 352. [رانملا، میرکلان ارقلا ریسفت، دمحم، اضردیشر، 7 ج، هیماثل، هعطل، 1993، هفرعملاراد، بتورىب، 352ص]

⁵⁶ درجم یف هیامنلا، نسح نب دمحم، یسوطخیش (1365، هیمالسال بتکلاراد، مق، یواتفل اوقفل، 720 ص) Мухаммад ибн Хасан Шейх Туси, Ал-нахаиа фи моджарад ал-фигих ва ал-фатави, кум, дар ал-Исламия, 1986, стр. 720.)

⁵⁷ Коран,сура Анфал: 61

⁵⁸ Hor Ameli, M. Vasail al- shija (Arab). Kum, Al al'-bejt, 1993, 28, p. 310. [نسح نب دمحم، یلماع رح، لئاسم لیصحت یلا هغیشلا لئاسو لیصفت، 310 ص، 28 ج، 1414، تیبلاا: مق، نارای، هغیشلا]

⁵⁹ Torejhi, F. Madzhma al'-bahrejn (Arab). Tegeran: Mortazavi, 1996, maddat al-gadar. [یحیط، نارمت، نیرینلا غلطم و نیرحبلا عجم، یدلارخف، 1375/1996 مدام، یردغ، یوضترم]

⁶⁰ Al'-Nadzhafi, H. dzhavahir al'-kalam (Arab). Bejrut: Dar al'-toras, 1983, t. 21, stAl'-arabi, 1983, 21, p.78. [مالکلاره اوج، نسح دمحم یفجنلا، 1983، 21، 78 ص، 21 ج، 1983، یبرعلا، شارتل ایح راد، بتورىب، مالسال اعیارش حرش یف]

⁶¹ Ibn Hadzhar al-asgalani, Fath al-Bari fi sharh sahih al-bohari (Arab). Bejrut: dar al-marifa, 2010, 1, p. 89. [یرابل حشف، ینالقسل راج نب، 2010، 1، 89 ص، مفرعملاراد، بتورىب، یراخل جیح حرش، 89 ص، 1 ج]

⁶² قس سؤم، مق اوقفل مرکذت، یلح فسوي نبئسح (Хасан ибн юсуф хелли, тазкират ал-фогаха, кум, институт ал альбита, 1993, 1, с. 487.) [تیبلاا، 1414، ج 1، 487 ص، 1414، تیبلاا]

⁶³ Коран, сура Аль-исра: 48

⁶⁴ Ibn Battal Abul'-Hasan Ali ibn Halaf ibn Abd al'-Malik, sharha hadis Al'-Buhari, (Arab). Al'-

Таблица 1

Формы насилия, которыми оперирует исламская правовая школа

№	Форма Насилия	Значение понятий	Формы проявления	Позиция Ислама
1	<i>Фатак</i>	Убийство, нанесение травм	Внезапное нападение, предательское убийство. Цель – политические, социальные; материальная выгода	Независимо от религиозной принадлежности объекта такого теракта, он категорически запрещается в Исламе
2	<i>Игътияль</i>	Убийство	Тайное убийство	Позиция Ислама остается неизменной
3	<i>Мухарибе</i>	Применение оружия	Публичное убийство с целью создания атмосферы страха. Может осуществляться на земле, в воде и воздухе (захват заложников, самолетов и т.д.)	Террористы называются «врагами человечества»*
4	<i>Гадар</i>	Предательство и невыполнение обещаний	Обещать гарантии безопасности и нарушить его предательским убийством (вне зависимости от религиозной принадлежности потенциальной жертвы).	Ислам называет <i>гадар</i> самым большим предательством и непростительным грехом**
5	<i>Ирхаб</i>	Устрашать, запугивать	Этот термин на современном этапе в арабском языке используется применительно к террористическим актам	В исламском праве нет такого термина в значении терроризма. В Коране это слово используется в значении « <i>богобоязненность</i> »***
6	<i>Багий</i>	<i>Злоупотреблять, превышать и нарушать с целью достижения чего-либо</i>	Террористические акты, направленные на низвержение законно избранного правительства с целью захвата власти	Люди, организовывающие бунты, беспорядки и кровавые теракты против законных властей, совершают страшный грех и для них предназначены суровые наказания

* Коран, сура Аль-Анфаль, аят 60

** Ibn Battal Abul'-Hasan Ali ibn Halaf ibn Abd al'-Malik, sharha hadis Al'-Buhari, (Arab). Al'-Rijaz, publikacija al-roshd, 2003, 6, p. 349. [يلع نسحل وبأ لاطب نبأ] (349ص ج 6، 2003 نشرال هبتكم: ضايرال، يرارخلال شىء حرش، لاللل دبغ نب فلخ نب]

*** Коран, сура Анбия: 90.

Table 1. The Forms of Violence in Muslim Law

понятием определяется перечень преступлений – от единичного случая теракта до покушения на жизнь и убийства иностранных политических, культурных деятелей, которые находятся в отдельной взятой мусульманской стране по дипломатическим и международным договоренностям.

5. Багий – в переводе с арабского означает *злоупотреблять, превышать и нарушать* с целью достижения чего-то⁶⁵. Насильственные акты такого характера

направлены на низвержение законно избранного правительства с целью захвата власти⁶⁶. Согласно политическому праву ислама, люди, организовывающие бунты, социальные беспорядки и кровавые террористические акты против законных властей, совершают страшный грех и должны понести суровые наказания⁶⁷. В списке террористических актов *багий* считается тем актом террора, целью которого является политическая власть, но и некоторые акты насилия против общественной безопасности также можно рассматривать в рамках

Rijaz, publikacija al-roshd, 2003, 6, p. 349. [نبأ] حرش، لاللل دبغ نب فلخ نب يلع نسحل وبأ لاطب ج 6، 2003 نشرال هبتكم: ضايرال، يرارخلال شىء حرش، لاللل دبغ نب فلخ نب] (349ص ج 6، 2003 نشرال هبتكم: ضايرال، يرارخلال شىء حرش، لاللل دبغ نب فلخ نب]

⁶⁵ Al'-Nadzhafi, H. dzhavahir al'-kalam (Arab). Beirut: Dar al'-toras, 1983, t. 21, stAl'-arabi, 1983, 21, p. 322. [الكللارهاو ج، نسح دمحم ففجلال] 322ص ج 21، 1983، يرارخلال شىء حرش فف شارتل اىح راد: تئورف، مالسال اعىارش حرش فف 322ص ج 21، 1983، يرارخلال

درجم فف هاهنال، نسح نب دمحم، فف سوط ففش) 1365، همالسال بئكلاراد: مق، فوافلل افقلال (مхамماد فبن فاسان، شفف فوس، الفناها فف مئءاراد الفففف فف الففافي، ففم، دار الففلامفا، 1986، س. 296.)

⁶⁷ Коран, сура Аль-ходжорат: 9.

данного термина, так как они тоже направлены против законных властей.

6. Ирхаб – в древнеарабской литературе это слово означало *устрашать, запугивать*⁶⁸, в Коране же оно определяется как страх перед Богом⁶⁹, устрашение врагов Аллаха⁷⁰, то есть как один из факторов их сдерживания. Термин сегодня используется в определении насилия и терроризма, и таким образом, его сегодняшнее значение и суть не имеет связи с тем, данным в Коране.

На основе вышесказанного можно сказать, что в исламе нет такого понятия, как *терроризм*, однако в этой религии при определении разных видов актов насилия, для каждого из них дается наказания административного и уголовного характера. Только в двух случаях признается применение силы (насилие): против преступников и при защите Отечества и самообороне.

Как видим из *таблицы 1* в Исламе термин «*терроризм*» не используется, однако анализ форм насилия, которые составляют основу идеологии современного терроризма, говорит о том, что религия Ислам отвергает и запрещает эти преступные деяния во всех их проявлениях.

Организация исламского сотрудничества в борьбе с международным терроризмом

Как было отмечено, значение роль институтов в развитии международного сотрудничества новыми институционалистами оценивается положительно. Здесь мы посмотрим на этот вопрос в контексте борьбы с современным терроризмом на примере формального мусульманского института – Организации исламского сотрудничества (ОИС).

Феномен *терроризм*, формы и методы борьбы с ним закреплены в резолюциях, декларациях и различных документах ОИС. Ниже, в составленной нами таблице, представлены основные документы, принятые

в рамках ОИС по борьбе с международным терроризмом.

Среди вышеприведенных документов в таблице *Конвенция ОИС по борьбе с международным терроризмом 1999 года* занимает особое место и на сегодняшний день остается самым комплексным документом ОИС в этой области⁷¹. После ее ратификации парламентами необходимого для этого числа государств-членов в 2002 году, эта конвенция приобрела юридически обязывающую силу⁷². В соответствии с «догмами терпимости исламского шариата, отвергающего все формы насилия и терроризма, в особенности, основанные на экстремизме»⁷³, документ призывает государств-участников признать 12 конвенции по борьбе с международным терроризмом, принятым в рамках ООН⁷⁴.

Первый раздел Конвенции, где даются определения и описываются общие положения, «терроризм» определяется как «любой акт насилия или угроза применения насилия независимо от мотивов или намерений, который совершается единолично или коллективно с целью посеять панику среди людей, нанести вред здоровью или жизни людей, их чести, достоинству, свободам, безопасности или правам; подвергнуть опасности, занять или захватить окружающую среду, учреждения, общественное или частное имущество, государственные ресурсы, международные учреждения; создать угрозу стабильности, территориальной целостности, политическому единству или суверенитету независимых государств»⁷⁵.

⁷¹ Конвенция состоит из: введение, 4 частей и 42 статей.

⁷² Speech of H.E. Professor Ekmeleddin Ihsanoglu, The Secretary-General of the OIC. At the International Conference on Combating Terrorism. Riyadh. The Kingdom of Saudi Arabia, 5-8 February 2005.

⁷³ Конвенция ОИК по борьбе с международным терроризмом. Двадцать шестая сессия Исламской конференции министров иностранных дел. Июль 1999 года.

⁷⁴ Конвенции и соглашения ООН. Официальный сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml

⁷⁵ Конвенция ОИК по борьбе с международным терроризмом. Двадцать шестая сессия Исламской конференции министров иностранных дел. Июль 1999 года.

⁶⁸ Luiis, maluf. Al'-mondzhid fi Al'-ogat (Arab). Beirut: Al'-kasulikija, 2010, p. 282. [سول عم – يكي ل و ث الك ل ا ع ب ط م ل ، غ ل ا ي ف د ج ن م ل ، ف و ل ع م (ب ر ف ز ا و ث ح ت 282 ص ، 2010 ، ت و ر ي ب)]

⁶⁹ Коран, сура Аль-анбия: 90.

⁷⁰ Коран, сура Анфал: 60.

Таблица 2

Деятельность ОИС по борьбе с терроризмом

Название	Область деятельности
Резолюция СМВД ОИС, Карачи, 1992	– предложение по созданию антитеррористического комитета – предложение по созыву антитеррористической конференции под эгидой ООН – выработка плана резолюции по борьбе с терроризмом для следующего заседания
Руководство для стран ОИС по борьбе с терроризмом, 1994	– решительное осуждение терроризма во всех его проявлениях – незаконность любых финансовых операций с террористами – развитие обмена информацией в борьбе с терроризмом и с пропагандой – использования Ислама в оправдании терактов – обеспечение безопасности дипломатических корпусов от терактов
Конвенция ОИС по борьбе с международным терроризмом. Буркина-Фасо, 1999	– определение понятия «террорист» и «террористический акт» согласно – принятым конвенциям в рамках ООН – меры исламского сотрудничества по борьбе с международным терроризмом – механизмы осуществления сотрудничества, касающихся выдачи, мер в отношении следственных поручений, по защите свидетелей и экспертов
Куала-Лумпурская Декларация по международному терроризму 2002 года	– отрицание любой связи между терроризмом и Исламом – предложение по проведению международной конференции под эгидой ООН для выработки совместной стратегии борьбы с международным сообществом с терроризмом во всех его проявлениях – создание Комитета по терроризму ОИК из 13 стран, который будет заниматься вопросами укрепления сотрудничества и координации ОИК в борьбе с международным терроризмом, укреплением диалога и понимания среди различных цивилизаций, культур и верований
Бакинская резолюция 2006 года	– предложение по созыву конференции под эгидой ООН для определения терроризма – обращение к странам ОИС относительно ускорения процедуры ратификации Конвенции 1999 года
6-ое Заседание Комиссии по правам человека ОИС («Бескомпромиссная борьба с экстремизмом»). Джебда, 4 ноября 2014 года	– была отмечена неправильность признания связи Ислама с экстремизмом и насилием, умеренность и толерантность как основные принципы Ислама. – корни экстремизма находятся в религиозной неграмотности, политико-социальной несправедливости и никак в Исламе. – призыв к мировым СМИ объективно и непредвзято освещать события в исламском мире, необоснованность привязки с религией Ислам современного экстремизма.

Table 2. OIS in Combating Terror

Источник: официальный сайт ОИС. Режим доступа: http://www.oic-oci.org/oicv2/page/?p_id=40&p_ref=16&lan=en

Понятие «террористическое преступление» понимается как «совершение, начало совершения или участие в преступлении для реализации террористической цели в любом из государств-участников, против граждан указанных государств, их средств, интересов, иностранных учреждений и граждан, проживающих на их территории, которое

преследуется в соответствии с внутренним законодательством этих государств»⁷⁶.

Важно отметить, и это является особенностью мусульманских стран и одной из причин вариативности определения феномена терроризм, что названная конвенция ОИС

⁷⁶ Ibid.

не рассматривает борьбу народов, «включая вооружённую борьбу против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и гегемонии, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами международного права»⁷⁷, как террористическое преступление. Во многом это объясняется нерешённой палестино-израильской проблемой: акты насилия палестинцев в отношении Израиля в основном рассматриваются как освободительные или антиоккупационные действия, тогда как еврейское государство и многие западные страны классифицируют эти акты как терроризм.

Вторая часть Конвенции (статьи 3–21) включает вопросы безопасности и судебные вопросы, третья посвящена описанию основополагающих принципов сотрудничества исламских государств в борьбе с терроризмом (статьи 21–28) – порядок экстрадиции преступников, порядок передачи права судебного преследования и меры по защите свидетелей и экспертов. Статьи 29–33 охватывают вопросы порядка передачи права судебного преследования, а статьи 34–38 закрепляют меры по защите свидетелей и экспертов. Заключительная часть, включающая статьи 39 по 42, определяет процессы ратификации и присоединения государств к названной Конвенции, а также порядок выхода из нее.

Как мы видим, *Конвенция ОИС по борьбе с международным терроризмом 1999 года* является объемным международно-признанным документом, детально освещающим вопросы терроризма. Наряду с 12 конвенциями ООН, она может стать международной нормативно-институциональной основой борьбы с современным терроризмом.

ОИС всегда решительно осуждает террористические акты против мирного населения. Бывший генсек Организации Ияд бин Амин Мадани реагировал на все террористические акты, например, он выступал с резким осуждением терактов в Париже в 2016, ранее он осуждал подобные злодеяния в Нигерии (январь 2015), Джибути (июнь 2014) и в Тунисе (июль 2014 года)⁷⁸. Сме-

нивший его на этом посту Юсеф Бен Ахмед аль-Усаймин тоже решительно осудил теракты в Стамбуле, Багдаде, Берлине и других местах, ответственность за совершение которых взяли на себя боевики ИГИЛ.

Государства-члены ОИС сегодня испытывают на себе значительную угрозу терроризма, а на территории некоторых из них наблюдается беспрецедентная активность террористических групп, которая угрожает не только их безопасности, но и существованию государственности. Поэтому многие из них являются активными игроками в борьбе с терроризмом. Учитывая чрезвычайную активность террористических групп киберпространстве и распространение их экстремистской идеологии, в рамках ОИС создан Центр по диалогу, миру и согласию (*Center for Dialogue, Peace and Understanding*). Центр был создан в ответ на растущее желание стран-членов ОИС и более широкого международного сообщества для решения проблем, связанных с феноменом насильственного экстремизма и терроризма через Интернет и социальные сети, для делегитимации и деконструирования экстремистских нарративов и продвижения позитивных альтернатив⁷⁹.

Однако, несмотря на осознание угрозы терроризма и необходимости борьбы с ним, проблема единства взглядов и позиций в ОИС стоит довольно остро⁸⁰. Из-за геополитических амбиций и даже конфессиональных особенности государств-членов Организация пока не может считаться эффективным коллективным центром влияния и принятия важных международных решений. Например, инициативы и попытки

циальный сайт ОИК. Mode of access: http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=10642&t_ref=4194&lan=en

⁷⁹ Официальный сайт Центра: <http://www.oic-cdpu.org/en/home/>

⁸⁰ Косач Г. Организация исламского сотрудничества: приоритеты и политический курс. 15.01.2015 / Сайт РСМД. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5079#top-content [Kosach, G. Organizatsiia islamskogo sotrudnichestva: priority i politicheskii kurs (OIS: Priorities and Policy). 15.01.2015 / RSMD. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5079#top-content]

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ OIC Secretary General Strongly Condemns the terrorist attacks in Paris. Источники: офи-

Ирана использовать форматы ОИС в борьбе с международным терроризмом не всегда находят поддержки. Во время 13-го саммита ОИС в Турции в апреле 2016 года иранский президент представил мусульманскому миру план единства и серьезной борьбы против терроризма⁸¹. Он не был воспринят всерьез, а Иран даже подвергся критике за вмешательство в дела соседних стран – фактически за борьбу с террористами в Сирии и Ираке⁸².

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящей статье с точки зрения теории нового институционализма была рассмотрена проблема борьбы с международным терроризмом в контексте ислама как института неформального типа и деятельности Организации Исламского Сотрудничества как института формального характера, базирующегося на неформальных исламских процедурах.

Ислам в соответствии с принципом неотъемлемости достоинства и жизни человека, определяя виды насилия (мухарибе, фатак, игътияль, гадар, багй и ирхаб) против жизни и достоинства людей, строжайшим образом запрещает любые акты насилия. Исламское право наряду с другими правовыми системами одобряет насилие только против преступников, в случае самообороны и защиты своего отечества. Использование террористами ложных толкований исламских учений для достижения политических и других целей, распространенное сегодня, с исламским шариатом ничего общего не имеет. Согласно священной книге мусульман – Корану, защита всех людей от насилия является обязательной. Любое действие против жизни и достоинства человека является тягчайшим грехом, за который придется ответить в обоих мирах.

⁸¹ Иран представил мусульманскому миру план единства и серьезной борьбы против терроризма. Режим доступа: <http://www3.irna.ir/ru/News/3064953/>

⁸² Final Communique of the 13th Islamic Summit Conference (Unity and Solidarity for Justice and Peace). Istanbul, Republic of Turkey, 14-15 April 2016. Mode of access: http://www.oic-oci.org/oicv3/upload/conferences/is/13/en/13_is_final_com_en.pdf

Так называемый *зеленый терроризм*, который ассоциируется некоторыми державами со всем мусульманским миром и мусульманами – это один из видов терроризма, идеология которого базируется на искаженном представлении об исламе, на конфессиональных особенностях данной религии. На практике же *исламский терроризм* или *зеленый терроризм* – это смесь идеологий, разных стереотипов в отношении мусульман, часто поддерживаемых ведущими акторами на международной арене, говорит, как о целесообразности признания существования такого феномена, так и об его отрицании.

Организация Исламского Сотрудничества, являясь крупнейшей и наиболее влиятельной официальной правительственной международной организацией мусульманских стран, старается вести активную борьбу с любым видом насилия, в том числе с международным терроризмом. ОИС принятием собственной Конвенции по борьбе с международным терроризмом в 1999 году определила феномен терроризма и рамки борьбы с этим крайне опасным явлением нашего столетия, демонстрируя приверженность принципам ООН в этой сфере и поддержку принятым в ее рамках конвенций по борьбе с международным терроризмом. Организация также определила формы сотрудничества стран-участниц в сфере права и безопасности применительно к борьбе с международным терроризмом в широком смысле этого слова. Хотя различные инициативы ОИС на антитеррористическом поприще можно считать позитивным фактором, тем не менее, ее внутренние противоречия, связанные с геополитикой, борьбой за региональное лидерство, а также с этноконфессиональной спецификой некоторых членов Организации препятствуют эффективности реализации принятых в ее рамках решений.

Литература:

- Антонян И.И. Преступления международного характера. – М., 1998.
Жаринов К.В. Терроризм и террористы: истор. Справочник, Москва: Харвест, 1999.
Иванищев В.О. Применение неинституционального подхода к изучению проблемы экстремизма // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1018–1021.

Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов / М.М.Лебедева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 197–202.

Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 125–133.

Лебедева М.М. Три элемента борьбы с терроризмом / Портал МГИМО. Режим доступа: <http://mgimo.ru/about/news/experts/tri-elementa-borby-s-terrorizmom/>

Муфлиханова Д.Р. Особенности Организации исламского сотрудничества как межправительственной международной организации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – Выпуск № 4[77]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-islamskogo-sotrudnichestva-kak-mezhpravitelstvennoy-mezhdunarodnoy-organizatsii>

Abd-ol-Mahdi, Abd-ol-Gader, Al-erhab-al-Alami
(Arab). Bejrut: Alarabi-el- Hadisa, 2000. [يهدم ادب
عنهم في م و عن صي ن: مل الع ا باه ال، يدا دل ادب، رداق ادب
عنه م في م و، قش ل دح ا قس س م، 2000، ص 165]

Abu Bakr, Abdullah Ibn-e-MohammAd, Almonsef (Arab). Bejrut: Dar-al'- Kibla, 2006, 5. [دمحم نب هلا دبع] :تورب ،فصنملا،ركب وبأ يسبعل قبش يأ ميهاربا نب :299 ص5 ج، 2006 ، قلبل راد

Alam al'-Hoda M., Tanzih-ol-Anbija. Tegeran: Publikacja vyshe shkoly Shahid Motahri, 2002. [فهرش دسلا] الال دزنن، اابن الا نارهت، لال سدرم : نارهت، ادمل اقلل بضترلما
[176 ص، 1381، رطم دی دش]

Al-hosari, A. Al'-sijasat al-dzhazaija (Arab). Bejrut: Dar al-dzhabal, 1993. [دهی و ازجملہ سیاسی، دم و حایر صرحال، 1993، ص 627]

Aliipur, H. Otnositel'nost' ponjatije terrorizma s točki
figh (Farsi) // *zhurnal motaliati-i rahbordi*, 2010, No. 50.
دقیف هاگن زا بیس رورت ی مؤهفم تاییسن ، روپ ی لاء نسح
[123ص 1389 ناتسزم ، 50، هرامش ی دربار تاعلاطم دمان لصف

Al'-Nadzhafi, H. dzhavahir al'-kalam (Arab). Bejrut: Dar al'-toras, 1983, t. 21, stAl'-arabi, 1983, 21. [يفجحل
راد :تورب ،مالسالاعىارش حرش يفمالكلارداوج :نسح دمحم
78] ص 21 ج 2، 1983، يبرعلا ثارتلا اى

Andrew, Sinclair. *An Anatomy of Terror: a History of Terrorism*. London: Macmillan, 2003.

Appleby, R.S. The Ambivalence of Sacred: Religion, Violence and Recommendation. Lahman MD: Rowman & Little Friend, 2000.

Bergesen, Albert J; Yi, Han. New Directions for Terrorism Research // *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 46, 2005.

Campbell, J. Mechanism of Evolutionary Change In Economic Governance. London: Edward Elgar, 1997.

Crenshaw, Martha (ed). *Terrorism in Context*. Penn St. University Press, 1995.

Douglas, C. North. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* // Cambridge University Press; October 26, 1990. Pp. 36-46.

Duyvesteyn, Isabelle. How New Is The New Terrorism? // *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol. 27, March 2007, pp.439-440.

Dzhafari, M. *Terrorizm s točki zrenija mezhdunarodnogo prava, s akcentom na 11 sentjabre, Iran (Farsi). zhurnal: namie mofid*, 2005, No. 52. <http://www.mofid.ir/1384/52/524531.htm>

Evans, P.B.; Rueschemeyer, D.; Skocpol, T. (eds.) *Bringing the State Back in*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Gaucher, Ronald. The Terrorists: From Tsarist Russia to the O.A.S. Paula Spurlin. Trans, London: Secher & Warbury, 1968.

Gunar Sjoblom. Some Critical Remarks on March and Olsen's Rediscovering Institutions // *Journal of Theoretical Politics*, No. 5(3), 1993, pp. 397-407.

Helli, H. Tazkirat al-fogaha (Arab). Kum: Institut al al'bita, 1993, 1.

Hoppman, Bruce. *Inside Terrorism*. New York: Columbia University Press, 1999.

Hor Ameli, M. Vasail al- shija (Arab), Kum, Al al'-
bejt, 1993, 28. [علماء رح، نسح نب دمحم، لى اسول لى صفت،
شعيلال: مق، ناريا، عىر شلال لى اسم لى صحت لى عى شلال
1414، ص 310]

Ibn Battal Abul'-Hasan Ali ibn Halaf ibn Abd al'-Malik, sharha hadis Al'-Buhari, (Arab). Al'-Rijaz, publikacija al-roshd, 2003, 6. دبع نب فلخ نب یلع نسل و بالظ نب [دع نب فلخ نب یلع نسل و بالظ نب], 2003, دشرال مہتکم: ضاریرال, یراخیلا شیدح حرش [دع نب فلخ نب یلع نسل و بالظ نب], 2003, دشرال مہتکم: ضاریرال, یراخیلا شیدح حرش [دع نب فلخ نب یلع نسل و بالظ نب]

Ibn Hadzhar al-asgalani, Fath al-Bari fi sharh sahih al-bohari (Arab). Beirut: dar al-marifa, 2010, 1. [رجح نب: شورىب، یراخبلا حی حص حرش یرابلا حتف، ینالقس عل: ص 89ج 1، 2010، ففر عمل اراد

Ibn Manzur, Lisan al-Arab (Arab). Kum: Adab al-hoza, 1993, 10. [هزوحلا بدا :توریب ،برعلا ناسل ،روظنم (نبا) ، 1414، 473ص ، 10 ج ، 1414،

Ibn-Al'-Asir, al'-nihaja fi garib al-hadis, Kum, adab al-hoza, 1984, 2. [رىثا نبا و ثىءءل بىرغ ف هىامنل، رىثا نبا (409ص 2ء 1405، هزوءل بءا بق، رثالا]

Imam Homejni R. Tahrir al'-vasila (Arab). Publikacija urudzh, 2000. [رشن: نارمت هلېسولا ري رح، نينيمخ ام]. جوع [889ص، 1379، جوع]

Kolejni, M. Al-kafi (Arab). Tegeran, dar-al' kotob al-islamie, 1985, 7. [من ارادت يفاكل، ينيلك بوق عي نبدم حم، 261 ص، 7 ج، 1985/، هم السال بتكل اراد]

Lane, Jan-Erik; Ersson, Svante. *The New, Politics: Performance and Outcomes*. London; New York: Routledge, 2000.

Luiis, maluf. Al'-mondzhid fi Al'-ogat (Arab). Beirut: Al'-kasulikija, 2010. [عقبطل، عغلل ايف دجن مل، فصول عم س يول. عجبطل، 2010، ص 282 تحت] [بهر مژاو تحت 282 ص، 2010، توريب - عيكيلى و ثاكلا]

Männik, Erik. Terrorism: Its Past, Present and Future Prospects / In: Saumets, Andres; Kilp, Alar (Ed.). Religion and Politics in Multicultural Europe. Perspectives and Challenges Tartu: 2009, Tartu University Press, pp. 151-171.

March, J.G.; Olsen, J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*, 1984, Vol. 78, pp. 734-749.

March, James G.; Olsen, Johan P. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics // *Journal of Public Policy*, Vol. 10, Iss. 3, pp 349-351.

Modema, G; Steren, Mercuo, Nicholas. History Institutional law Economics, Encyclopedia. Law & Economics, pp. 418-453.

Mohageg Damad Sejed Mustafa. Gumanitarne pravo i islamskaja koncepcija (Farsi) // *Zhurnal pravovyh issledovanij*, 1996, No.18. [قووق ح نوبوت ، داماد ق ق ح م فطصم ديس)] همان لصف ، ن ا و ا ، ن ا يم لاسا موهفم و ل ل ل ا ل ا ب ن ا ت س و ر ب (190 ق 1375 / ت س ب س ت 18 ح ق ق و ق ح ن ا ق ی ح ت

Mohammadi Rjeishahri M, *Mizan al-hemat'* (Arab). Kum, Dar al'-Hadis, 9, 2005. [نازى مىرەش ىرىدىمىم، ۹-جىلد، 1377، تەبىئىيەت پەنلىرى ئىنستىتۇتى، كۇمۇل].

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59>

ISLAMIC INSTITUTIONS APPROACH TOWARD COMBATING INTERNATIONAL TERRORISM

Hasan Jabbari Nasir

*Iranian Socio-Cultural Research Center, Islamic Republic of Iran;
MGIMO University, Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 7 February 2017 <i>Accepted:</i> 1 November 2017	Abstract: According to the neoinstitutionalism theory, institutions are divided into two groups: formal and informal. Formal institutions are the enshrined legal provisions, laws by which government are guided and institutionalized norms. Informal institutions include rules of conduct, system of values, ideology and traditions which are the defining factor of social behavior of a person. The article deals with the problem of fighting against international terrorism in the context of Islam as an informal institution and activity of the Organization of Islamic Cooperation (OIC) as formal an institution. In Islam terrorism in all its forms is rejected. In Islamic tradition acts of violence are classified under different names – a muhariba, fatah, ighiyah, ghadar, baghiy and irhab and are absolutely rejected. The present terrorist activities which terrorists carry out by justifying them with distorted provisions and interpretations of Islamic doctrines has nothing to do with laws of Sharia. Terrorism as goal pursuing method also rejected by the Organization of Islamic cooperation – the largest formal Islamic institution. The official position of the OIC member-states on this matter is enshrined in conventions, resolutions and different declarations, and also in the constant stance of the secretary general of the Organization that demonstrates the serious concern and commitment of this institute to fight against international terrorism.
About the author: Member of Iranian Socio-Cultural Research Center, Iran; Postgraduate Student, MGIMO University, Russia e-mail: hjabbarinasir@gmail.com	
Key words: new institutionalism; formal and informal institutions; Organization of Islamic cooperation; Islamic law and political thought; terrorism in Islam; international terrorism	

Для цитирования: Джаббари Насир Х. Отношение исламских институтов к борьбе с международным терроризмом // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 42-59.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59

For citation: Jabbari Nasir, H. Otnoshenie islamskikh institutov k bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom (Islamic Institutions Approach toward Combating International Terrorism) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 42-59.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59

READING THE AF-PAK NARRATIVE, FROM THE US DISENGAGEMENT TO RUSSIAN RE-ENGAGEMENT

Ambrish Dhaka

Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India

Article history: <i>Received:</i> 28 April 2017 <i>Accepted:</i> 4 November 2017	Abstract: The US has prolonged its stay in Afghanistan with the security situation remaining far from improving. The indefatigable demand for resources to maintain counter-insurgency operations was a major debate in 2016 US Presidential elections with a demand for an earlier withdrawal from America's trillion dollars plus war effort. Russians having sensed the weakening of the US influence warmed up to the idea of new Afghan situation involving Taliban and their masters, the Pakistan army. Russia had experienced vulnerabilities of Islamisation in Central Asia and Caucasus, and the ISIS brand radicalisation added to the fear of political destabilisation of Central Asian states. The Islamic State showed up in Afghanistan and Pakistan as ISIS-Khorasan branch. Russia needed Pakistan as an ally to fight Daesh's presence on its southern periphery. However, there remained many intertwined security challenges that complicate the South Asian geopolitics, especially, the Af-Pak region. Russia's Taliban policy might be the hitherto unused leverage that it might be using in order to strike balance all along the shatter belt.
About the author: Associate Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University e-mail: ambijat@mail.ru	
Key words: Russia; Taliban; Geopolitics; Middle East; Daesh; Syria	

Introduction

The trilateral summit held in December 2016 in Moscow dwelling upon the security situation in Afghanistan expressed heightened concern from the stake holders working with the Kabul government. The US got riled over the perfervid camaraderie shown by Islamabad and Beijing to Moscow's overture. The initiative was in consonance with the Russia's stated policy to counter ISIS in Levante and prohibit its choleric rise all along its periphery. This CIS-Eurasian periphery also delineated as 'shatterbelt' by political geographers represents a vast expanse of Turko-Arab Muslim tribes.¹ The major threat from the Islamic State (ISIS) to Afghanistan was recognized when the organization signalled new franchise, Velayat Khorasan (Khorasan province, or ISIS-KP) focussing on Afghanistan. The consequences of Syrian conflict affected the prospects of peace and stability in Afghanistan. It was the same set

of state interests that fought against each other in the Cold war found themselves now pitted against one another in Syria. Saudi Arabia, Qatar, UAE, the Euro-Atlantic West have been supporting wide range of rebels in Syria ranging from Free Syrian Army to the ISIS-Al-Qaeda infested Al-Nusra front. Cold war witnessed the same side supporting Mujahideens led by Haft-e Shura, the resistance council based in Peshawar that included Hizb-I Islami (notably, Hekmatyar) factions and Jamat-I Islami (Rabbani-led) among the prominent ones.

The US remained brazenly exposed in Syria where the Obama administration and the EU fully backed Turkey and Saudi Arabia for material support to the ISIS and other anti-Syrian government militia in hope of getting Assad regime removed. Turkey provided them offer of citizenship in lieu of their recruitment in Daesh for fighting in Syria and Iraq.² Russia remained defiant to these designs and provided logistics to Syrian government and the necessary

¹ Cohen, S.B. Geopolitics: The Geography of International Relations. Rowman & Littlefield Publishers, 2014.

² Azad, S. Iran and China: A New Approach to Their Bilateral Relations. Lexington Books, 2017.

air power for destroying the oil economy of these anti-Syrian government groups. The US-led West and the Russian interests clashed in Syria that led to a stalemate in the Syrian situation. The Trump administration seemed to step aside Obama's Middle East policies lent hope for a cooperative solution made a shocking U-turn with raining down 59 cruise missiles on Sharyat Airbase operated by Syrian Government.³ The US wheeling around with the obsession of regime change has led to unending spiral of conflict in Levante and that has affected its long-term engagements, such as, in Afghanistan. Afghanistan compared to Syria represented a stark contrast where Russia had actually approved of the US's effort to eliminate Al-Qaeda-Taliban regime in the aftermath of the 9/11. In fact, Afghanistan was the only place where the US and Russia agreed more than anywhere else. The NATO forces relied heavily on the Russian controlled Northern Distribution Network (NDN) to connect with Afghan deployments for major source of supplies and later as a returning route for the 2014 drawdown. The change of regime in the US after the Democrats lost the Presidential race raised speculation for a total withdrawal from Afghanistan. But, then Trump administration made another U-turn by using the MOAB non-nuclear bomb on IS-location in Nangerhar in April 2017. Former Afghan President, Hamid Karzai criticized the use of such weapons and shamed the US for using Afghan soil as testing ground of its weapons inventory.⁴ This raised the speculation whether the US President Trump intended to bring home the troops that were sent abroad under the major macro-securitization paradigm. The US hadn't abandoned its priorities in Afghanistan post-2014 with the necessary air support provided to Afghan forces staging ground operations. However, the interest kept diminishing due to intransigent situation where Taliban raised battle costs with ever rising wave of violence in the north and the south. This coupled with

the marked deterioration of the US-Pakistan relations made the US presence in Afghanistan a dimensionless affair. Amid these doldrums, Russian overtures to Pakistan with reference to Afghan situation raised a few eyebrows among the stake holders.

The Russians had a long history of distrust and apathy towards Pakistan since the Cold war period, when Pakistan became a member of CENTO, a Cold war military block. South Asian geopolitics had Indo-Soviet friendship as a big determining factor for India had been purchasing Russian arms since the Soviet times and the legacy of strategic ties were the widest of frameworks between the two countries ranging from joint production of advance weapons to military exchanges. Russia's engagement in South Asia largely marked with the Indo-Soviet friendship that served as beacon to Nehruvian era of Non-Aligned Movement. The Soviets valued India's support against the perennial hostility of the West and reciprocally, India was the benefactor of Soviet permanent membership at the UN, where any attempt to internationalize the Kashmir issue was vetoed by the Soviet Union on numerous occasions. The Russians have valued Indian factor in Afghan geopolitics as the latter has a great goodwill among common Afghans, who saw India as their second home. Russia worked with India and Iran in thwarting Taliban in 1990s when there was serious threat to the minorities in northern Afghanistan and their further incursions into the neighbouring Central Asian republics. Russia has been particularly wary of narco-terrorism that could potentially destabilize the CIS states. The jihadist elements used opium cultivation for garnering resources to fund terror training camps in Pakistan and Afghanistan. Both, Russia and India saw narco-terror and militant Islam as threat to regional stability and shared great deal of common understanding about the future of Afghanistan. Iran's concerns for Shia Hazaras persecuted by Taliban made it a common cause with the two. The US-led West supported the rise of Taliban after the fall of Rabbani government that soon turned into a phenomenon of Sunni religious extremism and narco-terrorism later termed as the Talibanization of the Af-Pak region.⁵

³ Mercouris, A. BREAKING: Bombed Syrian Sharyat Air Base «Back in Operation» // *The Duran*, 2017.

⁴ Ex-President Karzai «Vehemently» Condemns US Dropping MOAB Bomb in Afghanistan // *Sputniknews.com*, 2017.

⁵ Rashid, A. The Taliban: Exporting Extremism // *Foreign Affairs*, 1999, Vol. 78, No. 6, pp. 22-35.

The efforts to recognize Taliban as a legitimate force in political participation that could outmanoeuvre ISIS appeared a new thinking by Russia, China and Pakistan exploring a common ground vis-à-vis the US. Taliban without Talibanization remained an important caveat to such an alliance that hadn't so far explained the Russian policy overtures. India and Iran haven't abandoned their concerns on Talibanization as their interests remain unchanged. The new narrative didn't distract from the manifold complexities of Taliban movement, which had been a multi-headed and multi-interest amorphous coalition of fighters. Taliban hadn't been proved to be another pawn in the US-Russian war along the Eurasian periphery. The Russians came out open about their contacts with Taliban only to brief their intention of inclusivity of the process. Taliban had been operating through their Doha, Qatar office since 2013 and depended on their patrons in the Middle East, who coincidentally happened to be the primary funders of ISIS in Levante. The US maintained liaison with the Taliban leaders released from Guantanamo Bay prison and pushed for amicable solution between the Karzai government and the ranks of Taliban. But, Taliban who befooled the Americans by sending the fake interlocutors appeared to be very slimy stuff who could even now walk out at any stage negotiation jeopardizing the Moscow initiative.⁶ Negotiations with Taliban could possibly work out as Pakistan sought to weaken the threat from Tehrik-i Taliban Pakistan (TTP); a group that operated across Durand line after being pushed by military Operations of Pak army. The sympathizers of TTP, the Deobandi cleric of Pakistan openly declared allegiance to Abu-Bakr Al-Baghdadi, the Caliph of ISIS.⁷ Russia might have to undertake a lot of hair-splitting decisions on Taliban groups as Pakistan regularly shifted the red lines between the 'good' and the 'bad' Taliban, based on transformation of conflict in the Af-Pak buffer around Durand line.

The duality of macro- and micro-management of conflict in Afghanistan could strain Russia beyond its economic capability and

geopolitical willingness. The April 2017 attack by Taliban on 209 Shaheen corps headquarters in Balkh costed lives of almost 160 troops out of which nearly 100 were from Takhar and Badakhshan alone, which indicated that mostly they were Tajiks.⁸ The growing suspicion about an insider attack could potentially lead to mistrust and ethnic discontent in armed forces that would be catastrophic for Afghanistan; as sensing the unhappiness both the Army chief and Defence Minister promptly resigned. Russia had Tajiks and Uzbeks from northern Alliance as traditional partners in post-Najibullah Afghanistan. Russia would be risking apathy and anger of its erstwhile protagonists, notably, the Tajiks and Uzbeks, who would see these attacks as threat to their political existence. Ismail Khan, one of the most seasoned leader and former mujahedeen commander hailing from Herat cautioned as early as of January 2017 that if Moscow conferences meant the re-empowerment of Taliban, then it would be used as a pawn between the Great Power rivalries turning Afghanistan into another battlefield like Aleppo, in Syria. The Russians would be inclined to use Taliban as a deterrent force against the US military presence that countered the Russian security interest in the Middle East.⁹

The paper set out with the aim of making an assessment of Russian pragmatism in Afghan situation and the possible implications for the South Asian geopolitics. Russian presence in South Asia allowed balance of great power interest in the region. Russia's quest for strategic objectives in Afghanistan could be a unilateral approach partially shared by Pakistan, who would use it as an opportunity for seeking bargains vis-à-vis India. The paper looks into comparative situations of Russian engagement during cold war period and now in a different matrix. Russia and the US both have major realignments towards India and Pakistan, which has transformed South Asian security complex. The paper in the end argues that Russia has difficult choices in supporting Taliban and pitting South Asia against Middle East crisis could turn out to be a faux pas for Russia.

⁶ Gul, A. Afghan Taliban Declines to Support Moscow-Backed Peace Talks // *VOA News*, 2017.

⁷ Syed, J. and oth. Faith-Based Violence and Deobandi Militancy in Pakistan. Palgrave Macmillan UK, 2016.

⁸ Ahmadi, N. Almost 100 Fallen Soldiers Are from Badakhshan and Takhar Alone // *Tolo News*, 2017.

⁹ Ibid.

The US goals post-2014

The US had announced withdrawal of forces from Afghanistan by 2014, but not before securing at least a handful of operational bases that could still sustain formidable military presence in the country. The surge and a drawdown were announced by Obama administration in 2009 as a part of stabilizing the situation. However, the expectations were belied due to continued low-intensity conflict in the south and the east of Afghanistan. The US got dismayed with the fact that the EU under NATO framework had not been forthcoming enough as combat force and this largely was responsible for the military fatalities being largely American.¹⁰ Before demitting the White House, Obama administration decided to maintain troop level at around 9.000 as a pause to steady reduction that would have seen only 5.000 US troops by 2017. The figures of 2015-16 indicated the troop combat mortality reduced substantially with the reduction in deployment but the extra-ordinary rise in civilian casualties indicated the threat to governance. The years of 2015 and 2016 could be considered worse in terms of loss of Afghan lives as nearly 3500 civilian lives were lost in each year with the children being one third of them. Almost 60.000 civilians have died in Afghanistan since the 2009 surge.¹¹ This signified the lack of any improvement in security situation given the persistent resistance by Taliban and sparsely distributed security framework contributed to more casualties of Afghan forces. The NATO allies committed to Afghan cause operate under a framework defined by Operation Resolute Support.¹² The goals remained elusive as the ground situation worsened steadily since drawdown. But, the Afghan conflict appeared to be an extra-territorial affair given the fact that cross-border operations gained focus in the aftermath of withdrawal. The US presence carried geopolitical significance that restrained Taliban to re-arm and re-group on a massive scale just like in 1990's for major assault.

The triadic arrangement of US-Afghanistan-Pakistan initiative failed due to lack of trust between Afghanistan and Pakistan on the one hand between Pakistan and the US on the other. The latter set of relations nose-dived to nadir in 2011 when nearly 25 Pakistani troops were killed by the US airstrike on Durand line.¹³ The rise of Daesh proved that the avowed goal of disrupting, dismantling and defeating Al-Qaeda remained elusive as ever in 2017 as well. The new strategy unveiled in 2009 clearly articulated that the "future of Afghanistan is inextricably linked to the future of its neighbour, Pakistan" and the toponymal identity of Af-Pak emerged.¹⁴ The US-Pak relations have been nettled by the US's changing priorities in South Asia. The cost of staying in Afghanistan was the key consideration as Pakistan remained supportive of Taliban (Quetta Shura) and the Haqqani network as its strategic assets. The problem further complicated with growing uncertainties over funding and training of Afghan security forces as the European Union found itself pre-occupied with Brexit, Ukraine crisis and the influx of Middle East refugees. The US needed Pakistan's goodwill at all cost to survive post-2014 security scenario. But, the US prorogued Pakistan's geopolitical goals on Kashmir issue and hastened latter's bandwagon with China to make up for the loss of strategic advantage. The US, India and the Afghan government made a common cause against Pakistan's support of terror groups detrimental to their security interests. The lack of strategy for larger regional solution to deal with Afghan crisis had been the missing element in the Obama administration and the newly arrived Trump administration as well. The US has been more fascinated with one-on-one dealing with the adversary. And, so long Al-Qaeda and Taliban remained a visible threat it suited the design of scaling up the assault. But, the political solution kept evading due to inadequate thinking about several coaxial bilateral issues that impeded any progress. The dealings with Iran on nuclear issue and the larger crisis in

¹⁰ Afghanistan On Obama's Agenda At NATO Summit // *All Things Considered*, 2010.

¹¹ Jazeera Al. Afghan Civilian Casualties at Record High in 2016: UN, 2017.

¹² Carati, A. No Easy Way Out: Origins of NATO's Difficulties in Afghanistan // *Contemp. Secur. Policy*, 2015, Vol. 36, No. 2, pp. 200-218.

¹³ Schaffer, T.C. Pakistan and the United States: A More Turbulent Ride? // *Asia Policy*, 2017, No. 23, pp. 49-56.

¹⁴ Office of the Press Secretary. Remarks by the President on a New Strategy for Afghanistan and Pakistan / The White House, 2009.

the Middle East has prohibited the formation of any fruitful venture against the resistance forces despite having common interest. The objective of integrating the moderate Taliban planned with the Middle East countries, esp., Qatar didn't work out. And, the Central Asian countries valued only for the logistical support for most of the part in the Operation Enduring Freedom reneged with no economic opportunity visible with the US presence in Afghanistan. The preoccupation of NATO-Russia relations with Ukraine crisis impacted negatively on any long term cooperation for stabilizing Afghanistan.

The US decision to hold out olive branch to Taliban in 2011 received setback with the untimely demise of Richard Holbrooke, the first Special Representative for Afghanistan and Pakistan (SRAP). The SRAP framework had integrated experts and diplomats from NATO countries, who were also engaged in Afghanistan under the UN mandate. Talks with Taliban had minimalist outcome for both sides as Taliban were able to open political office in Doha in June 2013, whereas the US were able to secure Sergeant Bergdahl from Taliban captivity in May 2014.¹⁵ President Karzai grew impatient with the US over the possible compromise of Afghan national interest while talking to the Taliban that further vitiated conditions for peace talks. Civilian deaths in airstrikes became point of acute criticism of the US presence in Afghanistan and it led to significant difficulty of signing the strategic pact as drawdown deadline approached. The Security and Defence Cooperation Agreement between Afghanistan and the US was signed in September 2014 that provided 9 bases in Afghanistan and entry-exit points for the US troops for Afghanistan. The US's frustration with Taliban brought new stages to War on Terror and one significant change was the Drone Warfare. The strategy of holing out the leadership so as to decapitate the resistance movement had a degree of success amid flurry of assault that Taliban regularly launched every year as summer offensive. According to one estimate the US drones killed almost 50 top leaders of Al Qaeda and Taliban in Af-Pak

region, but it took lives of no less than 500 civilians as collateral damage.¹⁶ The strategic objective of keeping the leadership issue alive and harass them from strategizing is one of the important goals of drone strikes. But, drone strikes one such that killed Mullah Mansur in May 2016 led to further deterioration of the US-Pak relations as these strategic assets were used by Pakistan against the Indian presence in Afghanistan.¹⁷

The US held the premise that once Al-Qaeda is defeated then Afghanistan's mineral wealth and its location for energy transit routes could be exploited for offloading the financial burden due to prolonged war. The mineral resources wealth was chanted by western media as some asteroidean discovery that awaited 21st century gold rush would turn the course of war-funding.¹⁸ The mining and mineral activity demanded security in countryside, where Taliban threatened any investment. The US welcomed Chinese and Indian initiative to invest in Afghan economy. The work on Ainak copper (China) and Hajigak iron mines (India) has been albeit slow, demonstrated possibilities of regional solution to Afghan situation. But, the Chinese investments in Afghanistan area based on arterial extension to its investments in Central Asia and Pakistan, whereas the Indian investments could be seen as the US-Afghan government preference to balance the Sino-Pak influence. The problem of connectivity is linked to security that renders Durand line as a failed border with increasing clash between Afghan and Pak security forces.

Engaging Pakistan and the Indian question

Russia inherited Afghan neighbourhood since the formation of USSR. The interaction between the two states was referred to as the Great Game during 19th-20th centuries. The present context of engagement could be traced back to the times when the Basmachi

¹⁵ Grossman, M. Talking to the Taliban 2010-2011: A Reflection // *Prism a J. Cent. Complex Oper.*, 2013, Vol. 4, No. 4, p. 21.

¹⁶ Byman, D. Why Drones Work: The Case for Washington's Weapon of Choice // *Foreign Affairs*, 2013, Vol. 92, No. 4, pp. 32-43.

¹⁷ Boone, J.; Rasmussen, S.E. US Drone Strike in Pakistan Kills Taliban Leader Mullah Mansoor / *Guard*, 2016.

¹⁸ Simpson, S. Afghanistan's Buried Riches // *Sci. Am.*, 2011, Vol. 305, No. 4, pp. 58-64.

revolt in Central Asian Republics had strong connection with the Afghan ethnoscape. The Russian experience in nation building during Soviet times played a great part in strategizing involvement in Afghanistan. The khans, maliks and the clergy were alienated due to the attraction of Soviet power among the poor peasants. The economic dimension was important in weaning away support from Basmachi leaders in early 1920s and 30s. The warlords (Basmachi leaders) were denied resources to reemploy the jigits (surrendered soldiers).¹⁹ This approach couldn't be followed in the 1978 Afghan case, where the nationalist forces themselves were the beneficiary of Soviet aid and assistance and the common Afghans easily slipped into the hands of cross-border clergy-politicians, who gave a call for holy war. The West's aid to mujahidin proved decisive in the failure of Soviet approach towards Afghan crisis. And, it was for long an established conclusion that in order to isolate the insurgency, economic sops were to be strongly embedded in any counter-insurgency move. The post-9/11 intervention in Afghanistan also adhered to the similar path as the Provincial Reconstruction Teams (PRTs) in Afghanistan worked in tandem with ISAF in order to gain trust of the commoners and weaken the support base of Al-Qaeda and Taliban. There has been very little economic component of Russian assistance, which could be partly explained with the fact that Russia has a long legacy of Soviet aid to Afghanistan in 1950s and 60s and perhaps the debacle of 1980s has weighed heavy on the policy formulators restricting and candid overture to Afghanistan.

One of the fundamental differences from the previous involvement is the collective approach of Russia with China on post-9/11 Afghanistan and its neighbouring region. This was not the case in 1980s when China was actually opposing Soviet involvement in Afghanistan. The Chinese were giving training to mujahideen in handling automatic weapons in Miramshah, Pakistan during the cold war period. Pakistan served as the "beachhead of subversion" that hurt the Soviets in 80s, and the training of terrorists and material

support remained the same during the days of Saur revolution.²⁰ Russian foreign minister Shevardnadze had approached the US Secretary of State George Schultz for an inclusive Afghan Interim Government, which was promptly rejected. The US rejected any attempt of withdrawal from Afghanistan with the issue of interim government.²¹ He then approached Pakistan and met Benazir Bhutto, who was helpless against the hubris of ISI and the army witnessing imminent Soviet withdrawal.²² The Soviets found internationally isolated took a sudden plunge into micro-management of the conflict with various warlords and the Najibullah government. Its success was visible when the shock landed upon Pakistan's ISI and army after the failed Jalalabad attack. The West too soon realized their underestimation of the Soviet neighbourhood across Afghanistan.²³ The failure of mujahideen to present an alternative provided an opportunity for the Russians to exploit insecurity of warlords and soon some of them were coveting the Russian arms just in case the mistrust grew to a sudden extent. The Pashtun dominance at the behest of Pakistan made Tajiks, Uzbeks and Hazaras wary of possible sharing of power. The commanders were influenced by the dictates of external power that was willing to support them militarily. Russians chose the payback time with support to Northern Alliance partners, who effectively prevented any consolidation of power by Pakistan-based Sunni Pashtun parties. This upped the ante with the advent of full-fledged militia supported by Pakistan and the West, namely, the Taliban. Russians succeeded in the mission once tipped by then Foreign Minister, George Shevardnadze, the 'Afghanisation of the conflict' in Afghanistan.²⁴

Russia secured solid footstep in

¹⁹ Haugen, A. *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. Palgrave Macmillan UK, 2003.

²⁰ Ilyinskii, M.M. *Afghanistan: Onward March of the Revolution*. Sterling Publishers, 1982.

²¹ Khalilzad, Z. *Prospects for the Afghan Interim Government*. Rand, 1991.

²² Kux, D. *The United States and Pakistan, 1947-2000: Disenchanted Allies*. Johns Hopkins University Press, 2001.

²³ Khalilzad, Z. *Prospects for the Afghan Interim Government*. Rand, 1991.

²⁴ Relations, S. for H. of A.F. *SHAFR Newsletter*. Society for Historian of American Foreign Relations, 2002.

Afghanistan, when the West came forward with a request for armament supplies and manpower support apart from the logistics for supply routes. The 2010 NATO summit paved for Russia supplying MI-17 helicopters to not only Afghan forces but also for NATO operations. There was also proposal for training of anti-narcotic troops that guard Tajik-Afghan border.²⁵ Russia permitted the use of Northern Distribution Network (NDN) as part of understanding reached between NATO and Russia in the aftermath of blockade by Pakistan in 2011. The transportation and evacuation largely remained dependent on Central Asian Republics, which then later went through the Russian territories. Russia's NDN framework has a rich legacy of its past experience of maintaining military supplies to Afghanistan during 80's. Russia views Afghanistan as a source of religious terrorism and narco-terrorism. The Uzbek and Kyrgyz bases of Karshi Khanabad and Manas were the precursor to the NDN route that came later in 2011 as strong alternative. Russia's NDN offer to US-led NATO was essentially an important instrument of improving ties with the Obama administration. The main purpose of Russia was to enable NATO accomplish its task and then wind up its presence in the region. Russia never aimed to feed NDN towards the consolidation of the US position in Central Asia.²⁶ Russia has been looking to consolidate the Afghan-Central Asia border through organizational framework of CSTO and SCO. The same framework is shared by the NDN approach. But, China has been very specific in denying logistics to NATO in this regard. Russia is motivated to negotiate with the US realising the difficulties of NATO and the perpetual risks of failure in Afghanistan.²⁷ The Central Asian States have been the vital link for NDN infrastructure. The Tajik border crossing

at Nizhny Panj-Sher Khan has been used by the US for bringing in supplies from Kazakhstan-Kyrgyzstan-Tajikistan route. China has been building 5,253 meter long tunnel on Dushanbe-Khujand-Chanok Highway, which makes it an all-weather road for logistics.²⁸

Russia considered the Afghan security forces incapable of handling Taliban on their own. This might prolong the US stay in Afghanistan and at the same required attention from Russia that ensured stability in Afghanistan and Central Asia. Russian ambassador to Afghanistan, Zamir Kabulov, himself an Afghan war veteran, said that the failure of the West to improve the political climate of Afghanistan might prompt Russia to act unilaterally in the interest of Central Asian Republics, who were threatened by Taliban offensive in the north, esp., Kunduz, Mazar-I Sharif region.²⁹ The foremost fear was the use of ISIS in staging coup or a regime change in Central Asian republics. The ISIS felt encouraged when the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) declared allegiance to Abu-Bakr Baghdadi, the self-prophesised Amir of the Islamic State. The Central Asian republics has large out migrating population that works in Turkey and Middle East, where radicalisation is rampant.³⁰ These migration routes were exploited by Islamic State for channelizing of the funds and the jihaadis. Kyrgyzstan has witnessed maximum instances of Daesh network activities among all the Central Asian republics. The ISIS released its first video footage in July 2015 in Kyrgyzstan quoting Quran and Kyrgyz proverbs.³¹ The Daesh has been very particular in exploiting the ethnic cleavages to create mistrust among communities within Central Asian republics that shook the state authorities from slumber. The Tajik authorities took special

²⁵ Smith, G. Russian Troops to Return to Afghanistan as Gorbachev Warns NATO Victory Impossible // *Mailonline*, 2010.

²⁶ Kuchins, A.C.; Sanderson, T.M. Russia's Conflicting Security, Political, and Economic Interests in Afghanistan and the NDN // *North. Distrib. Netw. Afghanistan Geopolit. Challenges Oppor.*, 2010. Pp. 2-7.

²⁷ Laruelle, M. Beyond the Afghan Trauma: Russia's Return to Afghanistan. Jamestown Foundation, 2009.

²⁸ Vinson, M. Chinese-Built Tunnel Projects in Tajikistan Could Bolster KKT Route of NATO's NDN // *Eurasia Dly. Monit.*, 2012, Vol. 9, No. 142, pp. 6-9.

²⁹ Carbonnel, A. de. NATO 2014 Afghan Pullout Premature: Russian Envoy // *Reuters*, 2011.

³⁰ Dynner, A.M.; Legieć, A.; Rękawek, K. Ready to Go? ISIS and Its Presumed Expansion into Central Asia, 2015.

³¹ Clark, L. Islamic State Activities in Central Asia: Developments and Implications / ExPatt Patterson Sch. Mag. Foreign Aff, 2015.

note those returning jihadis, who maintained cross-border links with dissidents in northern Afghanistan, viz., the Islamic Renaissance Party of Tajikistan.³² The Islamic State not only threatened Central Asian countries but also the Chinese province of Xinjiang, where some 300 Uyghurs joined ISIS war in Syria and Iraq.³³ There has been long standing concern about Uyghur separatists finding safe havens in Kyrgyzstan and Tajikistan, who might find support from Daesh for control over Greater Central Asia.³⁴

The rise of ISIL (Khorasan Branch) gave alarm for immediate action against the possible spread of Daesh Taqfiri operatives into Central Asian republics, who had already witnessed the sporadic rise of religious militancy at the dawn of 20th century. Russia's Orthodox Church underlined Putin's war against the Taqfiri militants as the holy war that not only saves the Christian minorities of Levante but also salvages the miserable Muslim minorities suffering at the hands of ISIS (Daesh). The October 2015 Russian offensive on behalf of Syrian government almost coincided with the American failure to maintain support for Afghan forces that were battling in Kunduz. This symbolized the Russian capability to replace the Western agenda of GWOT with more inclusive approach towards the Islamic State's terror and devastation in the Muslim world. The West remained until 2017 defiant in allowing space to the Russian strategy. And, the refugee crisis, lone wolf attacks in European capitals finally made them realize the mess they had created for themselves in the hubris of isolating Russia with ever deepening urge of procrastinate the need for comprehensive action in Levante. Russian administration working with Iran, China and Turkey finally proved to be the nemesis for Taqfiri militants. There was firm acknowledgement of Putin's leadership skills in turning the tide against Islamic State

so far as the Middle East is concerned. But, the West behaved in an unsure manner on cooperation with Russia in areas of similar concern; Afghanistan being the next important one.

Russia's Afghanistan policy considered Taliban as a party to peace-building in Afghanistan, but it remained inadequate for sequestering Taliban's support to separatist movements in Central Asia. The Uyghur militancy against increasing control of their economy, culture and polity by Chinese government found support from Taliban. The risks in these chance occurrences emanated from the fact that Taliban has been providing shelter to Uyghur separatists, just as many terror groups found safe heavens in Afghanistan.³⁵ Russia's soft pedaling towards Taliban might create a complex situation if Taliban were ever come to power in Afghanistan. This became cynosure of even Sino-Pak relations as over 200 Taliban and Uyghur militants were arrested near border in prior to 9/11, which indicated the potency of this factor.³⁶

Engaging Pakistan and the Indian question

The Russian military delegation arrived at Miran Shah in March 2017 at the invitation of Pakistan army for first-hand information about various operations and measures undertaken to salvage the North and the South Waziristan from Taliban insurgency. This was a hitherto unknown gesture by Pakistan towards Russia in handling the Af-Pak narrative. Russian naval warship Severmorsk participated in the International Naval exercise 'Aman', hosted by Pakistan in February 2017. Pakistan has also received Mi-35 ground attack helicopters from Russian in 2015 and in 2016 there was joint special-forces coordination exercise named 'Druzba 2016'.³⁷ A new chapter in Pakistan-Russia relations began, and the Russians condescendingly acknowledged the 'good' Taliban as legitimate

³² Lemon, E.J. Daesh and Tajikistan: The Regime's (In) Security Policy // *RUSI J*, 2015, Vol. 160, No. 5, pp. 68-76.

³³ Propper, E. The Islamic State: The Danger that China Would Rather not Name / Yoram, S. Einav, O. Islam. State How Viable Is It, 2016.

³⁴ Mukhamedov, R. Uyghurs in Kyrgyzstan under Careful Government Supervision // *Cent. Asia-Caucasus Anal*, 2004, Vol. 28.

³⁵ Khamraev, F. "The Xinjiang Factor" and Central Asian Security // *Cent. Asia Caucasus*, 2003, Vol. 23, No. 5, p. 115.

³⁶ Wie, Davis E; Van, Azizian R. Islam, Oil, and Geopolitics: Central Asia after September 11. Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

³⁷ Russian Military Delegation Visits North, South Waziristan - Pakistan // Dawn, 2017.

political force in Afghan solution. The 'redlines' enshrined in the Afghanistan Constitution and endorsed by India and the US plus the Afghan government were rejected by Taliban. The Afghan Constitution is pivot to the fundamental principle of inclusiveness for ethnic, sectarian Islamic and gender groups. It would be a challenge for Russia and Pakistan to bring Taliban around these principles towards lasting peace in the region.

Russia found goals amenable with Pakistan after it disclosed relations with Taliban in December 2016. Both were sharing intelligence over counter-offensive against the ISIS (Daesh-Khorasan).³⁸ Russia didn't clarify how it would handle the Daesh presence in Pakistan as Daesh formed an important linkage between Arab Sunni Wahabi seminaries entrenched in tribal areas and their role in Afghanistan remained important counter-insurgency tool for Pakistan army. The Russian understanding about Daesh appeared partial with more concern towards prevention of its spread in Central Asia. But, it needed to factor in the fact that the spread of extremism and radicalism remains channelled through south Afghanistan. The Daesh successfully recruited Uyghurs supporters of Turkestan party and East Turkestan Independence Movement (ETIM) moving through Turkish territory into Syria and Iraq, who also maintained close links with Taliban and Al-Aqeda.³⁹ The ISIS was welcomed in Pakistan by Tehrik-e-Khalifa Wa Jihad pledged allegiance to ISIS and declared South Asia as goal for Daesh-Khorasan. The ISIS spread pamphlets in Khyber Pakhtunkhwa. The first recruit for ISIS came from Tehrik i Taliban Pakistan (TTP). The Jundullah army was another group that sought allegiance to ISIS. The Central Asian recruits to ISIS had mainly come from Hizb ul Tahrir, who were lodged in North Waziristan and later moved to Achin district of Nagerhar.⁴⁰ The Islamic State has found patrons deep in the Punjab province of Pakistan. Organisations such as

Lashkar-e-Tehrik, Jamat ul Ahrar and other splinter groups, who are actively engaged in cross-border operations in Kashmir also remain in contact with the Islamic State operatives in Pakistan.⁴¹ The arrest of female IS-affiliate in April 2017 from Lahore exposed the gravity of situation as she was a medical student among dozens other female students who went missing.⁴² The educated youth getting attracted to Daesh's ideology in Lahore confirmed that it was no longer a peripheral phenomenon confined to Tribal agencies. The Home Department of Pakistani province of Punjab sent a report on "Recruitment of Pakistani boys and Afghan refugees by Daesh", a fact repeatedly denied by Federal Home Ministry of Pakistan.⁴³ Pakistan would be reluctant to cooperate with Russia against Islamic State amid the state of denial. Russia would have to really scourge hard for a justification in turning blind eye towards the strategic assets of ISI and Pak army, while working for an inclusive solution for Afghanistan. Pakistan's obsession with Kashmir issue was a major obstacle in reaching out to the Russians during the cold war period. In the aftermath of Uri attack Russia supported India's right to retaliate through surgical strike. The Russian ambassador to India Kadakin even welcomed the move.⁴⁴ Pakistan often tried hard-selling to the international stakeholders in Afghanistan, but Russia avoided the temptation of linking the Afghan solution with the Kashmir situation. The present engagement with Pakistan could be seen as pragmatic approach both sensed by Russia and Pakistan, who have found the US detrimental to their geopolitical interests; China remained pivotal to this facilitation.

India's concern with Afghanistan is mainly harboured upon cutting the strategic depth for Pakistani terror groups, who maintain jihadi interests in Kashmir. This was timely encashed

³⁸ Sharifi, N. Russia's New Game in Afghanistan // *Al Jazeera*, 2017.

³⁹ Mohammad, J. European Intelligence Services in the Face of «Islamic State» Cells, 2017.

⁴⁰ Azami, D. The Islamic State in South and Central Asia // *Survival*, 2016, Vol. 58, No. 4, pp. 131-158.

⁴¹ Mann, Z.N. The Rise of Islamic State (IS): A Threat to Pakistan.

⁴² Tanveer, R. Female Militant Arrested in Lahore found to be IS-affiliate Who Went Missing // *Express Tribune*, 2017.

⁴³ Hussain, A.; Fazl, S. Punjab Government Claims ISIS Recruiting Youngsters // *Aaj News*, 2016.

⁴⁴ TNN. Russia Backs Surgical Strikes, Says India Has the Right to Defend Itself // *The Times of India*, 2016.

with 9/11 providing an opportunity for India to align its cross-border terror concerns with the Global War on Terror (GWOT). India found ample support from the US and reciprocated with soft power diplomacy for sequestering Taliban from mainstream Afghan politics. The 'red lines' marked by Hillary Clinton and espoused by Indian establishment clearly forbade liquidation of Afghanistan Constitution and the Universal Human Rights that remain unacceptable for Taliban fighters.⁴⁵ India has been shirking from inducing any armed presence in Afghanistan save when security is needed by Indian diplomatic missions or personnel engaged in development and reconstruction work at sites. Besides, India has been providing logistics, hardware and training to Afghanistan Security Forces in its Military Training Academy.

India has had good relations with Afghan monarchy since the days of Amanullah Khan. In the aftermath of the Third Anglo-Afghan war, there was great empathy for India's struggle for independence. The Indian revolutionaries were welcomed by Habibullah Khan and later his successor Amanullah Khan witnessed the First Provisional Government of India established at Kabul in December 1915 with Raja Mahendra Pratap as President and Barkatullah as Prime Minister.⁴⁶ India had good relations with Daoud as Prime Minister and later as President of Afghanistan. This has been mainly due to his nationalistic agenda of Pashtunistan that had moral support from India on historic and strategic grounds. He said in an interview given to Indian journalist Kuldip Nayyar in April 1974 that self-determination is the only way for NWFP (now, KP) Pashtuns and Balochis. And, expected India to side with Afghanistan on this issue.⁴⁷ The post-Saur revolution Afghan government maintained smooth ties with

India. The 1988 visit of President Najibullah established firm footing for the support to PDPA regime, when the Indian Prime Minister Rajiv Gandhi cautioned on the victory of extremist forces of fundamentalist nature.⁴⁸ The Afghan nobility who sided with the PDPA regime sensed the days of Najibullah regime are numbered and therefore chose India to be a destination for safe stay. Thus, Afghan has been home to many Afghans who escaped the harsh regime of Taliban in the aftermath of the fall of PDPA regime.⁴⁹ The Indian role in rebuilding Afghan airlines Ariana and providing radar logistics to anti-Taliban regime at Kabul proved sustained interest in the region. In fact, together with India and Iran, Russia had gained sizeable credibility to its action in Afghanistan. This was significant as Pakistan-backed Taliban remained a potent threat to Rabbani regime, whom Russia, India and Iran abhorred.⁵⁰ India found Taliban as facilitator to Pakistan's military objectives in the South Asian region. The Taliban guaranteed the swapping of Harkat-ul Mujahidin militants in exchange of the safe return of the Indian Airlines passengers in 1999.⁵¹ The presence of militant training camps in eastern Afghanistan coupled with the presence of Al-Qaeda led multi-national jihadi force raised the threat potential for Indian security.⁵² These training areas were located in Kunar and Nangerhar province of Afghanistan, but they also had cross-border continuum places such as, Quetta, Mansehra, Shamshattu, Parachinar and other areas in the FATA territories of Pakistan.⁵³

India saw Pakistan as vital connect to its security challenges and the situation of conflict in Afghanistan. Therefore, India putatively became the first country to sign the strategic

⁴⁵ Hudson, V.M.; Leidl, P.; Hunt, S. The Hillary Doctrine: Sex and American Foreign Policy. Columbia University Press, 2015.

⁴⁶ Stolte, C. 'Enough of the Great Napoleons!' Raja Mahendra Pratap's Pan-Asian projects (1929-1939) // *Mod. Asian Stud*, 2012, Vol. 46, No. 2, pp. 403-423.

⁴⁷ Daoud, M. President and Prime Minister Mohammad Daoud's Interview with a Correspondent of the Daily Statesman of New Delhi, India / *Afghan Digit. Libr.*, 1974.

⁴⁸ Cronin, R.P. Afghanistan in 1988: Year of Decision // *Asian Surv*, 1989, Vol. 29, No. 2, pp. 207-215.

⁴⁹ Bentz, A.S. Afghan Refugees in Indo-Afghan Relations // *Cambridge Rev. Int. Aff*, 2013, Vol. 26, No. 2, pp. 374-391.

⁵⁰ Rashid, A. The Taliban: Exporting Extremism // *Foreign Affairs*, 1999, Vol. 78, No. 6, pp. 22-35.

⁵¹ Madsen, W. Afghanistan, the Taliban and the Bush Oil Team, 2002.

⁵² Rashid, A. Afghanistan: Ending the Policy Quagmire // *J. Int. Aff.*, 54, 2001, No. 2, pp. 395.

⁵³ Jones, S.G. Pakistan's Dangerous Game // *Survival*, 2007, Vol. 49, No. 1, pp. 15-32.

partnership agreement with the post-9/11 government of Afghanistan in October 2011. Afghanistan has been repeatedly pummelled by the Haqqani network and Quetta Shura terrorists, who serve Pakistan's military interest by raising the costs of securing peace in Afghanistan. India has tried to fill the gap by financially assisting Afghan government in training and funding of Afghan National Security Forces (ANSF).⁵⁴ India has been looking at Afghanistan from not only strategic point of view, but also from the perspective of state institutions that covalent to the ethos of Indian state too. India decided to support the construction of new Parliament for Wolesi and Meshrano Jirga, the apex bodies of the Afghan government. It has provided logistics for Finance and External Affairs Ministry and training of personnel. These have induced strong inter-governmental bond between the Parliamentary institutions of the two states. Russia has had an understanding with the Indian establishment over the need to preserve these institutions as they act as buffer to fissiparous tendencies across Central Asian republics. The predicament lies in the growing unease with the US at other points of conflagration, notably, the Levante. This has put Afghanistan in juxtaposition to the Middle East crisis. India as such does not act into the Middle East situation, but Indian diaspora in Gulf countries is the largest presence abroad. Their presence in Saudi Arabia, Qatar and UAE make a complex situation, where these countries have in fact supported and funded the DAESH against the Assad regime. Thus, Russia and India have a few unknown variables that have crept into their relationship. However, India and Russia are on same page so far as confronting the DAESH is concerned because of their possible use as proxies by the hostile states for subversion; India is wary of Pakistan, just as Russia is wary of the US-led camp.

Conclusion

Taliban as a legitimate political movement could not be dissociated from its ontology. The movement was raised of migrant Afghans, who were for larger part of their life remained in

Khyber Pakhtunwa and Tribal agencies; lived and educated in the madrasas run mostly by the Jamat-I Islami of Pakistan. Therefore, the cross-border legitimacy of Taliban movement lent entirely a different framework than what could have been an indigenous resistance movement. If Taliban's claim of power sharing could be acceded to the formation of government in Afghanistan, then their right to political interference in Pakistan had even more solid basis. As the moment, originated in Pakistan and still remained fed and fostered on Pakistani soil. It acquired support from the local Pashtuns living in Tribal agencies and Khyber Pakhtunkhwa. Based on this premise, it would too presumptuous to believe if Taliban would ever recognize the Durand line; a line that would cut them off from their strategic support base. Taliban would hardly be amenable to most of the Afghan political groups. Their Pathun identity polarized the non-Pashtun due to atrocious behaviour in 90s against Hazaras and other minorities. The most putative shared interest of Russia, China and Pakistan in the South Asian region since 9/11 was the withdrawal of US forces from Afghanistan soon the Taliban and Al-Qaeda threat was over. Although, Russia often underscored the incomplete work left by the West leaving a strategic void, which needed be filled through collective security arrangement unlike the US's unilateral approach. The current National Unity Government of Afghanistan (NUGA) hardly found wisdom in Russia's approach having already declared that any peace talks could only be on Afghan soil. The Afghan owned process could only be the legitimate source of any initiative irrespective of the initiator whether the talks were held at Moscow or Doha (the Taliban Headquarters) or in Islamabad.

Russia might not be having a preference for Taliban style of politics, but then it might just be the case of situation where Taliban's strategic goal of pushing the US out of Afghanistan gained prime importance for the Russian strategy of handling the US hegemony. Russia would not like to play partisan role at a time when haven't had preference for any faction or ruling group in Afghanistan. This was certainly a case when it tried hard to bargain with the US and Pakistan for saving the then

⁵⁴ Hanauer, L.; Chalk, P. India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan. RAND Corporation, 2012.

Najibullah government before leaving in 1979 and even later as it supported Northern Alliance against Taliban, who threatened security of the Central Asian states. The US has been miffed by the new rapprochement as it had consistently been in denial mode for roundtable talks initiated by Moscow. The latest round proposed by Moscow on April 14, 2017 was another instance where all Afghan neighbours were been invited and the US has rejected this initiative. One of the bigger challenges for Russia was been to seek a regional integrated framework for Afghanistan security and to avoid bipartisan dealings amongst the largely influential powers. This allowed Russia to co-opt Iran, Turkey, Pakistan, China and India for an over-arching dialogue. Russia had also engaged European powers, especially Germany for its Afghanistan mission.

The former Afghanistan president Mr. Hamid Karzai had criticised the US presence in Afghanistan having delivered no goods and the Afghan soil being used as testing ground for the US arms industry. The National Unity government would be vulnerable to defections and internal break-down if Karzai's view ever gained currency among Afghan policymakers. Already, the Ghani government had been criticized of not performing in a decisive manner against the corrupt officials in the countryside. The ineffective governance might be the immediate issue around which dissatisfaction among common Afghans might grow allowing the willing-to-break-away elements opening upto Taliban's growing presence. The spring offensive of 2017 declared by Taliban indicated their replenished cadres and military inventory. The High Peace Council who couldn't ever achieve any significant whilst its effort to negotiate with Taliban only paved way for strengthening of the Quetta Shura. An important strategy deployed by the US in consonance with the Ghani government had been the drone strikes against the leadership of Taliban. The killing of Taliban leader Mullah Mansoor in 2016 had setback for Taliban offensive against the Afghan govt forces. The Af-Pak region could be construed as another theatre of Great Power politics, where the US and Russia might reach the deadend just as in Levante. The support to Taliban and the US constantly weaning out their

leadership might become a never ending spiral leading to deterioration of security situation in Af-Pak region as whole.

References:

- Ahmadi, N. Almost 100 Fallen Soldiers Are from Badakhshan and Takhar Alone // *Tolo News*, 2017.
- Azad, S. Iran and China: A New Approach to Their Bilateral Relations. Lexington Books, 2017.
- Azami, D. The Islamic State in South and Central Asia // *Survival*, 2016, Vol. 58, No. 4, pp. 131-158.
- Bentz, A.S. Afghan Refugees in Indo-Afghan Relations // *Cambridge Rev. Int. Aff.*, 2013, Vol. 26, No. 2, pp. 374-391.
- Boone, J.; Rasmussen, S.E. US Drone Strike in Pakistan Kills Taliban Leader Mullah Mansoor // *Guard*, 2016.
- Byman, D. Why Drones Work: The Case for Washington's Weapon of Choice // *Foreign Affairs*, 2013, Vol. 92, No. 4, pp. 32-43.
- Carati, A. No Easy Way Out: Origins of NATO's Difficulties in Afghanistan // *Contemp. Secur. Policy*, 2015, Vol. 36, No. 2, pp. 200-218.
- Carbannel, A. de. NATO 2014 Afghan Pullout Premature: Russian Envoy // *Reuters*, 2011.
- Clark, L. Islamic State Activities in Central Asia: Developments and Implications / ExPatt Patterson Sch. Mag. Foreign Aff, 2015.
- Cohen, S.B. Geopolitics: The Geography of International Relations. Rowman & Littlefield Publishers, 2014.
- Cronin, R.P. Afghanistan in 1988: Year of Decision // *Asian Surv.*, 1989, Vol. 29, No. 2, pp. 207-215.
- Daoud, M. President and Prime Minister Mohammad Daoud's Interview with a Correspondent of the Daily Statesman of New Delhi, India / *Afghan Digit. Libr.*, 1974.
- Dyner, A.M.; Legieć, A.; Rękawek, K. Ready to Go? ISIS and Its Presumed Expansion into Central Asia, 2015.
- Grossman, M. Talking to the Taliban 2010-2011: A Reflection // *Prism a J. Cent. Complex Oper.*, 2013, Vol. 4, No. 4, p. 21.
- Gul, A. Afghan Taliban Declines to Support Moscow-Backed Peace Talks // *VOA News*, 2017.
- Hanauer, L.; Chalk, P. India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan. RAND Corporation, 2012.
- Haugen, A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Palgrave Macmillan UK, 2003.
- Hudson, V.M.; Leidl, P.; Hunt, S. The Hillary Doctrine: Sex and American Foreign Policy. Columbia University Press, 2015.
- Hussain, A.; Fazl, S. Punjab Government Claims ISIS Recruiting Youngsters // *Aaj News*, 2016.
- Ilyinskii, M.M. Afghanistan: Onward March of the Revolution. Sterling Publishers, 1982.
- Jones, S.G. Pakistan's Dangerous Game // *Survival*, 2007, Vol. 49, No. 1, pp. 15-32.
- Khalilzad, Z. Prospects for the Afghan Interim Government. Rand, 1991.
- Khamraev, F. "The Xinjiang Factor" and Central Asian Security // *Cent. Asia Caucasus*, 2003, Vol. 23, No. 5, p. 115.
- Kuchins, A.C.; Sanderson, T.M. Russia's Conflicting Security, Political, and Economic Interests in Afghanistan and the NDN // *North. Distrib. Netw. Afghanistan Geopolit. Challenges Oppor.*, 2010. Pp. 2-7.
- Kux, D. The United States and Pakistan, 1947-2000: Disenchanted Allies. Johns Hopkins University Press, 2001.

Laruelle, M. Beyond the Afghan Trauma: Russia's Return to Afghanistan. Jamestown Foundation, 2009.

Lemon, E.J. Daesh and Tajikistan: The Regime's (In) Security Policy // *RUSI J.* 2015, Vol. 160, No. 5, pp. 68-76.

Madsen, W. Afghanistan, the Taliban and the Bush Oil Team, 2002.

Mann, Z.N. The Rise of Islamic State (IS): A Threat to Pakistan.

Mercouris, A. BREAKING: Bombed Syrian Sharyat Air Base «Back in Operation» // *The Duran*, 2017.

Mohammad, J. European Intelligence Services in the Face of «Islamic State» Cells, 2017.

Mukhamedov, R. Uyghurs in Kyrgyzstan under Careful Government Supervision // *Cent. Asia-Caucasus Anal.*, 2004, Vol. 28.

Propper, E. The Islamic State: The Danger that China Would Rather not Name / Yoram, S. Einav, O. Islam. State How Viable Is It, 2016.

Rashid, A. Afghanistan: Ending the Policy Quagmire // *J. Int. Aff.*, 54, 2001, No. 2, pp. 395.

Rashid, A. Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. Tauris, 2002.

Rashid, A. The Taliban: Exporting Extremism // *Foreign Affairs*, 1999, Vol. 78, No. 6, pp. 22-35.

Relations, S. for H. of A.F. SHAFR Newsletter. Society for Historian of American Foreign Relations, 2002.

Schaffer, T.C. Pakistan and the United States: A More Turbulent Ride? // *Asia Policy*, 2017, No. 23, pp. 49-56.

Sharifi, N. Russia's New Game in Afghanistan // *Al Jazeera*, 2017.

Simpson, S. Afghanistan's Buried Riches // *Sci. Am.*, 2011, Vol. 305, No. 4, pp. 58-64.

Smith, G. Russian Troops to Return to Afghanistan as Gorbachev Warns NATO Victory Impossible // *Mailonline*, 2010.

Stolte, C. 'Enough of the Great Napoleons!' Raja Mahendra Pratap's Pan-Asian projects (1929-1939) // *Mod. Asian Stud.*, 2012, Vol. 46, No. 2, pp. 403-423.

Syed, J. and oth. Faith-Based Violence and Deobandi Militancy in Pakistan. Palgrave Macmillan UK, 2016.

Tanveer, R. Female Militant Arrested in Lahore found to be IS-affiliate Who Went Missing // *Express Tribune*, 2017.

Vinson, M. Chinese-Built Tunnel Projects in Tajikistan Could Bolster KKT Route of NATO's NDN // *Eurasia Dly. Monit.*, 2012, Vol. 9, No. 142, pp. 6-9.

Wie, Davis E; Van, Azizian R. Islam, Oil, and Geopolitics: Central Asia after September 11. Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-60-72>

АНАЛИЗИРУЯ СИТУАЦИЮ ВОКРУГ «АФПАК»: ОТ СНИЖЕНИЯ АКТИВНОСТИ США К РОСТУ ВКЛЮЧЕННОСТИ РОССИИ

Амбриш Дака

Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 28 апреля 2017 <i>Принята к печати:</i> 4 ноября 2017	Аннотация: США приняли решение о продлении срока пребывания своего контингента в Афганистане, в то время как ситуация в сфере безопасности в стране не улучшается. Нескончаемый спрос на ресурсы, необходимые для поддержания военных операций против повстанцев, стал главным предметом дискуссий во время предвыборной гонки США в 2016 году, когда звучали призывы ко скорейшему выводу контингента США из Афганистана, чтобы сохранить более трех триллионов долларов. В России, в связи с осознанием ослабления роли США в регионе, возросли опасения относительно ситуации в Афганистане после вывода войск США, учитывая активность движения Талибан и его спонсоров в Пакистане. Россия уже ощутила на себе все тяжелые последствия исламизации в Центральной Азии и на Кавказе, деятельности ИГИЛ, всего, что ведет к дестабилизации ситуации в государствах центральноазиатского региона. Находящиеся в Афганистане и Пакистане боевики ИГИЛ относятся к ответственности ИГИЛ на южных рубежах страны. Однако геополитическая ситуация в регионе осложняется целым рядом взаимосвязанных проблем безопасности, одним из которых является так называемый «АфПак». До настоящего времени политика России в отношении движения Талибан могла представлять собой некий неиспользованный инструмент для установления баланса сил на протяжении всего «пояса нестабильности».
Об авторе: доцент, Школа международных исследований, Университет Джавахарлала Неру e-mail: ambijat@mail.ru	
Ключевые слова: Россия; Талибан, геополитика, Ближний Восток; ИГИЛ; Сирия	

Для цитирования: Dhaka, Ambrish. Reading the Af-Pak Narrative, from the US Disengagement to Russian Re-Engagement // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 60-72.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-60-72

For citation: Dhaka, Ambrish. Reading the Af-Pak Narrative, from the US Disengagement to Russian Re-Engagement // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 60-72.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-60-72

ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ: НОВЫЕ УГРОЗЫ МИРУ И ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Сурайё Махкамовна Адилходжаева

Ташкентский государственный юридический университет,
Ташкент, Узбекистан

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 ноября 2017	Аннотация: Афганистан – многострадальная страна, в которой нет мира и стабильности на протяжении вот уже нескольких десятков лет. В настоящее время ситуация в Афганистане является неопределенной и непредсказуемой, остается опасность эскалации терроризма, религиозного экстремизма и распространение наркотиков. Статья посвящена анализу политической, социально-экономической и гуманитарной ситуации, а также предотвращению новых угроз, возникших в этой стране.
Об авторе: д.ю.н., профессор, Ташкентский государственный юридический университет e-mail: a.surayyo.law@mail.ru	
Ключевые слова: Афганистан; безопасность; установление мира и стабильности; ИГИЛ; Талибан; угроза религиозного экстремизма; терроризм	

Афганистан остается одной из стран мира, где ситуация вялотекущей войны с периодическими обострениями продолжается вот уже на протяжении многих десятилетий. Положение усугубляется тем, что на фоне не определенности и непредсказуемости в стране религиозный экстремизм и терроризм может дислоцировать в любую точку мира, как это уже было в сентябре 2001 года. Более того, ситуация в Афганистане продолжает резко ухудшаться и вызывает большую тревогу. Террористические группировки так называемого «Исламского государства» (ИГ) в Сирии, потерпев сокрушительное поражение при непосредственной помощи вооруженных сил Российской Федерации правительственным силам, вынуждены отступить. Боевики ИГ пребывают в Афганистан из Сирии объе-

диняться с набирающими силу и пока разрозненными отрядами бандформирований. На юге Афганистана «Исламское государство» выходит на авансцену террористической деятельности, отодвигая в тень радикальное исламское движение «Талибан». Самая большая опасность – это если боевики, сражающихся под черными флагами ИГ, дислоцируются из Сирии, Ирака в Афганистан, и обоснуются там, где имеется благоприятная среда для создания нового еще более радикального очага религиозного экстремизма и терроризма. Это несет угрозу безопасности не только Центральной Азии и Евразии, но и всему миру, т.к. резко возрастает опасность новых террористических актов, вербовки новой генерации, отравления ее идеями религиозного экстремизма и героизмом.

Другим значительным фактором ухудшения военно-политической ситуации выступает непрекращающийся рост производства и распространения наркотических средств в Афганистане, на который приходится более 90% мирового производства опиума. Наркобизнес, превратившийся в важнейшее средство жизнеобеспечения и занятости афганского населения, стал одним из основных источников финансирования боевиков, дестабилизации обстановки в самом Афганистане и в соседних с ним государствах. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, талибы зарабатывают на наркобизнесе около 470–480 млн долл. Примерно 380 тонн героина и морфина в мире производятся исключительно из афганского опия. Около 5 тонн потребляется и изымается в Афганистане, большая же часть – оставшиеся 375 тонн – развозится по всему миру по маршрутам, проходящим через соседние с Афганистаном страны¹. В случае непринятия адекватных мер со стороны международного сообщества такая тенденция приведет к дальнейшему росту наркотрафика через территорию стран Центральной Азии. Это, в свою очередь, обусловит сохранение за наркотрафиком и связанной с этим явлением организованной преступностью роли дестабилизирующего фактора для других близлежащих государств и регионов.

Афганистан – уникальная, полиэтническая страна. Не существует в мире аналогов урегулирования проблемы Афганистана, исторические, этнические и культурные корни афганского народа имеют много общего с народами соседних стран, а это непременно следует использовать для урегулирования афганской проблемы. Эти народы исторически связаны. Великим предком Бабуром, который похоронен в Кабуле, в XVI веке на территории современного Афганистана и

Индии было создано централизованное государство. Это было одним из удачных попыток в истории модернизировать и консолидировать Афганистан. В Герате похоронен другой Великий предок – гуманист, поэт, государственный деятель Алишер Навои, которого чтут народы всей Центральной Азии и за ее пределами за талант, прогрессивные идеи своего времени. Это свидетельствует, что история наших народов имеет общие корни.

Приоритетным направлением внешней политики Узбекистана является обеспечение мира и стабильности в Центральной Азии, решение ключевых проблем региональной безопасности, включая содействие урегулированию ситуации в Афганистане, и это не раз в своих выступлениях подчеркивал президент Шавкат Мирзиёев². Узбекистан является одной из немногих стран на международной арене, для кого мир и стабильность в Афганистане представляет действительно значительную ценность. Это было отмечено в Совместном заявлении Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева и Президента Туркменистана Г.М. Бердымухамедова. В частности, в Заявлении отмечается, что оба государства будут продолжать оказывать содействие достижению мира и стабильности в Афганистане, его превращению в мирную, процветающую страну, уважая при этом избранный афганским народом путь политического и социально-экономического развития своей страны³. Узбекистан очень заинтересован

¹ Незаконный оборот наркотиков / Всемирный доклад о наркотиках УНП ООН 2010. Режим доступа: <http://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.htm> [Незаконnyi oborot narkotikov (Illegal Drug Trafficking) / Vsemirnyi doklad o narkotikakh UNP OON 2010. Mode of access: <http://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.htm>]

² Мирзиёев Ш.М. Выступление на совместном заседании Сената и Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Режим доступа: <http://prezident.uz/ru/news/5325/> [Mirzиеv, Sh.M. Vystuplenie na sovmestnom zasedanii Senata i Zakonodatel'noi palaty Oliy Mazhlisa Respubliki Uzbekistan (Speech at Joint Session of Senate and Legislative Chamber of Uzbekistan). Mode of access: <http://prezident.uz/ru/news/5325/>]

³ Совместное Заявление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева и Президента Туркменистана Г.М. Бердымухамедова // Народное слово, 10 марта 2017, № 49 (6713). [Joint Communiqué of President of Uzbekistan Sh.M. Mirzиеv and President of Turkmenistan G.M. Berdymuhamedov // *Narodnoe Slovo*, 10 March 2017, No. 49 (6713).]

в скорейшей стабилизации ситуации в Афганистане и последовательно выступает за действенное послевоенное обустройство этой страны. Узбекистан активно выступает за мирное урегулирование афганского конфликта, выдвигает на международной арене конкретные предложения, направленные на достижение мира и стабильности в этой стране и регионе в целом. Так, в Ташкенте в июле 1999 года была принята декларация «Об основных принципах урегулирования конфликта в Афганистане», выработанная в рамках известного переговорного формата «6+2». На базе Ташкентской декларации было принято соответствующее решение Совета Безопасности ООН, признавшего итоги Ташкентской встречи важным шагом на пути политического решения афганской проблемы⁴.

Узбекистан строит свои отношения с Афганистаном на двухсторонней основе, на основе принципов взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела. Узбекистан оказывал, и будет оказывать помощь в качестве доброго соседа в восстановлении экономики, социальной инфраструктуры Афганистана. По мосту «Хайратон» на узбекско-афганской границе вот уже много лет бесперебойно поступает гуманитарная помощь, со стороны узбекских специалистов было сооружено 11 мостов на участке Мазари – Шариф – Кабул, которые обеспечили транспортное сообщение между севером и югом страны. С начала 2002 года осуществляется подача электричества в Афганистан, объем которого за эти годы увеличился в более чем раз 6 раз. Узбекские провайдеры обеспечивают бесперебойную работу сети Интернет на севере страны. В настоящее время почти 90% грузов в Афганистан, идущий через погра-

ничный железнодорожно-автомобильный переход Термез, приходится на долю железнодорожного транспорта. Вот уже несколько лет функционирует железная дорога Термез – Хайратон – Мазари-Шариф, построенная также узбекскими специалистами⁵. Узбекистан всегда руководствовался принципом, который складывался в течение многих веков: «Сосед спокоен – ты спокоен». Узбекистан в развитии отношений с Афганистаном придерживается организации связей и сотрудничества только на двухсторонней основе, неучастия в различных военно-политических блоках, направленного против Афганистана, поддержки выбранного афганским народом правительства. Установление долгосрочного мира в Афганистане является для Узбекистана стратегически важным для обеспечения региональной безопасности. В начале 2017 г. на двухсторонних переговорах между правительствами Узбекистана и Афганистана был подписан ряд важнейших документов для развития сотрудничества между странами, среди них двусторонняя торгово-экономическая «Дорожная карта», реализация которой позволит в кратчайшие сроки довести показатели товарооборота до \$1,5 млрд, протокол о намерениях по дальнейшему развитию взаимодействия в сфере транспортной инфраструктуры, предусматривающий участие узбекской стороны в совместных железнодорожных и автодорожных проектах, протокол о намерениях по созданию Совместной комиссии по вопросам безопасности, Соглашение между министерствами внутренних дел о сотруд-

⁴ Тошев А. Принципы и подходы узбекистана к решению афганской проблемы // Материалы международной конференции «Афганистан: проблемы стабилизации и перспективы реконструкции», Ташкент, 2009. [Toshev, A. Printsipy i podkhody uzbekistana k resheniiu afganskoi problem (Principles and Approaches of Uzbekistan towards Afghan Problem) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Afganistan: problemy stabilizatsii i perspektivy rekonstruktsii», Tashkent, 2009.]

⁵ Адилходжаева С.М. Обострение ситуации в Афганистане – основная угроза стабильности и безопасности в Центральной Азии // Материалы научно-практической конференции «XXI asrda jahon siёsati va Uzbekiston tajribasi: siёсий, huquqiy va ijtimoiy jihatlar», Toshkent, 2016 – С. 16-22. [Adilkhodzhaeva, S.M. Obostrenie situatsii v Afganistane – osnovnaia ugroza stabil'nosti i bezopasnosti v Tsentral'noi Azii (Escalating Situation on Afghanistan: Key Threat to Stability and Security in Central Asia) // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «XXI asrda zhakhon siesati va Uzbekiston tajhribasi: siesii, huqukii va izhtimoi jixatlari», Toshkent, 2016. Pp. 16-22.]

ничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Также состоялась официальная церемония открытия торгового дома АО «Узпромэкспорта» в Кабуле⁶.

В новейшей истории, по крайней мере, было две попытки управлять ситуацией в Афганистане, когда был осуществлен ввод войск со стороны СССР в 1979 году и ввод сил АЙСАФ после терактов в Нью-Йорке в 2001 году. Оба раза не было понимания, что нельзя решать проблемы только военным путем. В результате изматывающей войны советские войска покинули Афганистан в 1989 г., эта война с большими финансовыми затратами послужила косвенной причиной вхождения экономики в тупик и распада СССР. Большинство стран-участников НАТО, увязнув в проблемах, хотели поскорее выйти из Афганистана. После вывода войск АЙСАФ страны альянса постарались, поскорее откеститься от проблем в этой многострадальной стране. Но до каких пор? В настоящее время ситуация в Афганистане вызывает большую тревогу. Каковы же основные тенденции, наметившие в Афганистане?

В Афганистане насчитывается более 50 тыс. террористов – это весьма взрывоопасная ситуация. Командующий американскими войсками в Афганистане генерал Джон Николсон попросил подкрепления, чтобы выйти из тупика, в который за 15 лет зашла война с талибами. Он, в частности, призвал направить в Афганистан еще несколько тысяч военнослужащих на помощь 8400 военным международной коалиции, дислоцированным в этой стране⁷.

Силовые структуры ИРА все еще не достаточно боеспособны в рядах афганской армии были обнаружено наличие 30 тыс.

«мертвых душ» – это показала проверка Пентагона, проведенная в рамках борьбы против коррупции. Они были вычеркнуты из американских платежных ведомостей. Такая мера, по словам генерал-майора ВС США Ричарда Кейзера, позволит ежемесячно экономить около \$13 млн из средств американских налогоплательщиков, выделяемых на поддержание афганских армии и сил безопасности⁸.

Афганский политолог Азиз Арианфар, руководящий Центром исследования Афганистана во Франкфурте-на-Майне, считает, что не исключены перспективы переноса деятельности «Исламского государства» в Афганистан и даже Пакистан. Есть опасность, что число боевиков ИГ в ИРА может увеличиться в разы. А с таким количеством боевиков ИГ сможет планировать достаточно крупные операции, причем не только в Афганистане⁹.

Ключевой момент: как сложатся взаимоотношения талибов и ИГ. Талибан не интересуют идеи халифата, они хотят установить свою власть только на территории Афганистана. То есть у ИГ и Талибана разные идеологические установки, что делает их непримиримыми. Да, с одной стороны, – они непримиримые соперники, но с другой, – если ситуация для той и другой стороны ухудшится, то не следует исключать возможность заключения временного союза между Талибан и ИГ. Такой пусть кратковременный союз может быть серьезной реальной угрозой и не только для Центральной Азии, но и для всего мира. Поэтому начало противоборства между этими силами, препятствующих их объединению,

⁶ Узбекистан и Афганистан подписали торговую экономическую «Дорожную карту». Режим доступа: <http://afghanistantoday.ru/hovosti/uzbekistan-afganistan-podpisal> [Uzbekistan i Afganistan podpisali torgovo-ekonomicheskuiu «Dorozhnuu kartu» (Uzbekistan and Afghanistan Signed a Trade and Economic «Road Map»). Mode of access: <http://afghanistantoday.ru/hovosti/uzbekistan-afganistan-podpisal>]

⁷ Defense One. Gen. John Nicholson Told in Washington. Mode of access: <http://buff.ly/2kXrXuG> 22:01 - 9 Févr 2017

⁸ Пентагон заподозрил наличие 30 тысяч «мертвых душ» в рядах афганской армии. Режим доступа: <http://afghanistantoday.ru/h> [Pentagon zapodozril nalichie 30 tysyach «mertvykh dush» v riadakh afganskoi armii (The Pentagon Suspected the Presence of 30,000 «Dead Souls» in the Afghan Army). Mode of access: <http://afghanistantoday.ru/h>]

⁹ Арианфар А. Пути выхода из Афганского тупика. Режим доступа: <http://www.gumilev-center.af/archives/4028> [Arianfar, A. Puti vykhoda iz Afganskogo tupika (Ways out of the Afghan Impasse). Mode of access: <http://www.gumilev-center.af/archives/4028>]

может явиться частью успешной стратегии против этих боевиков¹⁰.

Население Афганистана четко поделено на этнические группы, которые живут практически территориально изолировано друг от друга. Так, юг и юго-восток Афганистана населен преимущественно пуштунами, а на севере и северо-востоке страны проживают таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены и другие народности. Пуштуны и таджики составляют 60% населения Афганистана. В Афганистане до сих пор нет политической силы, которая могла бы консолидировать общество, взять на себя ответственность за будущее страны, выстроить вертикаль государственной власти, обеспечить безопасность всех граждан, начать политический диалог. Из более, чем 70 действующих партий в Афганистане, пока не удалось консолидировать афганское общество ни одной из них. В то же время, влияние Талибана на афганское общество значительно. Талибан сформирован, главным образом, из пуштунов; существует проблема взаимоотношения пуштунов – самой многочисленной этнической группы с другими народами. В рядах «Талибана» по разным оценкам насчитывается от 35 до 50 тысяч активных бойцов. По мнению экспертов, сам Талибан не однороден. «Черные талибы» являются наемниками-профессионалами из других стран, которым платят деньги за дестабилизацию ситуации. «Серые талибы» являются коренными жителями Афганистана и воюют, потому что большую часть своей жизни ничего кроме войны не видели, они просто не приспособ-

лены к мирной жизни. «Белые талибы» вынуждены периодически принимать участие в военных действиях, но предпочли бы вести мирную жизнь. В этих условиях необходимо вести тактику раскола в рядах Талибан, привлекая к переговорам лояльно настроенных, которые хотят мира и выдавливая из страны наемников. За более чем 30 лет военных действий у боевиков выработалась тактика на изматывание противника, которая заключается в истощении военных, финансовых, людских ресурсах. Такая тактика в сочетании с горным афганским ландшафтом и активностью боевиков Талибан, которые живут практически среди мирного населения, дает свои плоды – в итоге противник покидает территорию Афганистана, не добившись успеха: так, например, было с советскими войсками и с силами АЙСАФ при координирующей роли США. Движение «Талибан» после вывода войск международной коалиции снова взяло под контроль значительную часть Афганистана. Талибы полностью вытеснили правительственные силы из южных провинций Гильменд и Кандагар, кроме того, они захватили большие территории в северных провинциях Кундуз и Бадахшан.

Социально-экономическая ситуация вызывает не меньшую тревогу. Большинство населения Афганистана (53%) живет за чертой бедности, уровень грамотности не превышает 20%, более 40% населения не имеет постоянной работы. Социальная инфраструктура требует скорейшего восстановления. В афганских семьях рождаются в среднем по 7–9 детей. По прогнозам численность населения в этой стране к 2060 году может увеличиться до 90 миллионов человек. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН – ФАО, Афганистан относится к числу стран, в которой проблема голода и недоедания стоит наиболее остро. Всемирная продовольственная программа ООН вместе с партнерскими организациями опубликовали совместное исследование, согласно которому число жителей Исламской Республики Афганистан (ИРА), страдающих от серьезного недостатка продовольствия, за последний год возросло с 4,7 до 5,9% населения страны, это более 1,5 млн человек. Ещё 7,3 млн афганцев

¹⁰ Адилходжаева С.М. Обострение ситуации в Афганистане – основная угроза стабильности и безопасности в Центральной Азии // Материалы научно-практической конференции «XXI асрда жахон сиёсати ва Ўзбекистон тажрибаси: сиёсий, ҳуқуқий ва ижтимоий жиҳатлари», Тошкент, 2016 С. 16–22. [Adilkhodzhaeva, S.M. Obostrenie situatsii v Afganistane – osnovnaia ugroza stabil'nosti i bezopasnosti v Tsentral'noi Azii (Escalating Situation on Afghanistan: Key Threat to Stability and Security in Central Asia) // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «XXI asrda zhakhon siesati va Uzbekiston tazhribasi: siesii, huquqii va izhtimoi zhixatlari», Toshkent, 2016. Pp.16-22.]

находятся на грани голода¹¹. То есть в этой стране наблюдается постоянный продовольственный кризис, и она нуждается в особом внимании со стороны мирового сообщества. Сельское хозяйство, которое ввиду несложных агроприемов, высокой доходности ориентировано на выращивании наркосодержащих культур. Год от года количество производимого в Афганистане героина увеличивается. Поставкой героина заняты по разным данным от полумиллиона до двух миллионов афганцев. В последнее время годовой оборот героинового рынка в Афганистане составляет астрономическую для отсталой страны цифру в 25 млрд долларов. Провинция Гильменд производит больше наркотиков, чем вся Колумбия. По разным данным, от наркобизнеса зависит от 65 до 85% афганской экономики, производство наркотиков опийной группы составляет ее основу и является, чуть ли единственной конкурентоспособной статьёй экспорта. Сформировался порочный круг: доходы от наркотиков идут на вооружение и финансовую подпитку терроризма и религиозного экстремизма, а вооруженные отряды мешают восстановлению экономики и мирной жизни.

Афганский геополитический клубок, в котором переплелись интересы различных порой противодействующих политических сил за влияние на регион, является реальной угрозой не только региональной, но и глобальной безопасности и нельзя этого недооценивать. В борьбе крупных держав за влияние серьезную деятельность развернули США, Россия и Китай, к ним нужно добавить и некоторые исламские государства Ближнего Востока – в результате ситуация достаточно сложная. К сожалению, в силу своего географического положения Афганистан вовлекался в геополитические проекты, зачастую не отвечающим его национальным

интересам. Афганистан в качестве геополитического полигона использовался для выхода к Индии или к Центральной Азии, и эти попытки использования ИРА различными силами не прекращаются в XXI веке, что отнюдь не способствуют стабилизации ситуации.

На протяжении многих лет Пакистан связывают с Афганистаном сложные политические отношения, обусловленные территориальными претензиями Кабула. Объектом спора является так называемая «линия Дюранда», проведенная англичанами между их владениями в Индии и Афганистаном, установленная по итогам британо-афганских войн в 1893 году. Пакистан с 1947 года рассматривает линию Дюранда в качестве государственной границы, а ИРА не признает ее. Главным образом, пуштуны, которые составляют большинство населения Афганистана и живут по обе стороны границы, не признают линию Дюранда в качестве государственной границы. В результате влияние Исламабада и Кабула почти не распространяется на полосу шириной около 150 километров вдоль афгано-пакистанской границы, что оказывает серьезное дестабилизирующее воздействие на Афганистан и Пакистан. Там сложился своеобразный «эмират» – это военно-политическое образование талибов и «Аль-Каиды» превратилось в центр исламистского терроризма, угрожающий не только двум соседним государствам и всему региону, но и представляющий серьезную угрозу для мира в целом. Большинство экспертов полагают, что долговечность движения «Талибан» объясняется как раз тем, что оно является единственным эффективным рычагом влияния на афганскую политику со стороны Исламабада. По мнению экспертов, основной причиной дестабилизации ситуации в Афганистане является поддержка Пакистаном талибов. Такая политика Исламабада в свою очередь поддерживается Вашингтоном¹².

¹¹ Бобкин Н. От Сирии до Афганистана у США одно лекало // fondsk.ru. Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2015/09/21/ot-sirii-do-afganistana-u-ssha-odno-lekalo-35530.htm> [Bobkin, N. Ot Sirii do Afganistana u SShA odno lekalo (From Syria to Afghanistan, the United States Has One Recipe // fondsk.ru). Mode of access: <http://www.fondsk.ru/news/2015/09/21/ot-sirii-do-afganistana-u-ssha-odno-lekalo-35530.htm>]

¹² Khalid Rahman. General Institute of Policy Studies, Islamabad: Current Trends and Development Prospects of the Military-Political Situation in Afghanistan // Afghanistan: Problem of Stabilization and Prospects for Reconstruction Materials of Conferment, Tashkent, 2009.

Один год присутствия военного контингента обходится США 8 млрд долларов, один воин обходится американскому бюджету 1 млн долларов США в год. После вывода международных сил в Афганистане остаются 5 военных баз Соединенных Штатов и специальные войска численностью 30–35 тыс. человек. Интерес США в Афганистане объясняется, во-первых, упрочением своего присутствия в Центральноазиатском регионе, в этом стратегически важнейшем регионе мира. Во-вторых, энергетическим интересом. По оценкам специалистов в Афганистане нашли богатые залежи энергоресурсов – 4,5 млрд баррелей нефти и 140 млрд кубометра газа. Однако президент США Дональд Трамп, обладая финансово рациональным мышлением, может сократить расходы на Афганистан. Россия заинтересована в недопущении эскалации террористических группировок ИГ к своим южным границам, а также повышению влияния США и Китая в странах Центральной Азии, которые вынуждены будут искать поддержки при резком ухудшении ситуации, угрожающим их стабильности и безопасности.

Быстро развивающийся Китай также имеет энергетический интерес в Афганистане и уже начал разработку нефти на севере Афганистана. КНР также участвует в добыче меди и заинтересована в дальнейшем расширении инвестирования, направленную на разработку природных богатств Афганистана. Западные политические структуры опасаются Китая, особенно альянса Китай – Россия. Они также понимают, что при необходимости Китай может проявить настойчивость, поэтому опасается доминирования Китая в Центральной Азии. Индия направляет и готова расширить инвестиции в Афганистан. Однако противоречие между Пакистаном и Индией препятствуют расширению участия Индии в восстановлении афганской экономики и ведению совместного бизнеса. В то время как Индия заинтересована в расширении инвестиций и реализации больших проектов с участием индийских специалистов¹³, Иран имеет свои интересы в

Афганистане и заинтересован в мирном развитии этой страны. Афганские хазарейцы, населяющие запад страны поддерживают развитие отношений между Ираном и Афганистаном, однако сдерживающим фактором развития этих отношений является США. В свою очередь Иран не доволен укреплением США в регионе.

Движение «Талибан» финансируется некоторыми политическими силами Саудовской Аравии. А группировка ИГ финансируется представителями газового бизнеса Катара, которые выступают против газопровода из Туркменистана в сторону Восточной и Юго-восточной Азии, так как сами являются главным поставщиком сжиженного газа в Пакистан, Индию и Китай. Они не заинтересованы в реализации газопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), так как опасается, что может лишиться монополии на экспорт газа в вышеуказанные страны. Такие геополитические противоречия – путь к тупику.

До сих пор нет эффективной стратегии по выходу Афганистана из кризиса. Многочисленные конференции и совещания не дали конкретных результатов по причине несоответствия принятых решений с реальной ситуацией в Афганистане. Мировым сообществом рассматриваются отдельно проблемы Сирии, ИГ и Афганистана, тогда как боевики и террористы ИГ по принципу «сообщающихся сосудов» уходят из Сирии в Афганистан и могут вернуться обратно. Поэтому эти две проблемы нужно рассматривать в комплексе и найти усилиями мирового сообщества конкретное решение. Анализируя ситуацию в Афганистане, можно вновь убедиться в том, что альтернативы политическому и социально-экономическому решению афганской проблемы не существует. В Узбекистане утвердилось понимание того, что пути достижения мира и стабильности в Афганистане следует искать не столько в дальнейшем расширении масштабов применения силы, сколько в новых подходах к политическому урегулированию, а также в решении социально-экономических проблем при более эффективной поддержке ми-

¹³ Nirmala Joshi. India's Involvement in the Reconstruction of Afghanistan // Afghanistan: Problem of Stabilization and Prospects for

Reconstruction Materials of Conferment in Tashkent, 2009.

рового сообщества¹⁴. Афганистан – страна больших возможностей, т.к. обладает значительными природными богатствами – обнаружены залежи нефти, газа, золота, цветных металлов, драгоценных камней. Однако, чтобы экономика страны восстановилась, необходимы большие вложения. Международная помощь, которая не так давно составляла более 1 млрд долларов сократилась до менее чем 250 млн.

Таким образом, налицо резкое обострение ситуации в Афганистане, рост численности боевиков, самым опасным является установление связи и коалиции Талибана с ИГ, тогда ситуация может выйти из-под контроля. История, в том числе и новейшая, является лучшим учителем в международной политике, ее нужно знать, чтобы извлекать уроки и не допускать ошибок впредь. Мирные инициативы и твердая позиция Республики Узбекистан по установлению стабильности в Афганистане неоднократно руководством страны была отмечена с различных международных трибун. Уместно вспомнить, что в 2000 году на Саммите тысячелетия ООН, глава Узбекистана с трибуны Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций отметил, что те, кто стремятся создать некий замкнутый пояс безопасности, пытаясь оградить себя от якобы «чужих» проблем (касается это Европы, Америки или других) далеки от реального положения дел – мир сегодня тесно взаимосвязан и неделим. Афганистан превратился сегодня в полигон и опорную базу международного терроризма и экстремизма, стал основным источником – фабрикой мирового производства наркотиков, который приносит миллиардные доходы и подпиты-

вает международный терроризм¹⁵. И уже в сентябре 2001 года, после терактов в Нью-Йорке, стало ясно, что эти слова, сказанные за год с трибуны ООН звучали пророчески, предостерегая международное сообщество об угрозе международного терроризма, исходящей из Афганистана.

Архитектура безопасности в современном мире носит многогранный характер, включает многие аспекты, что, несомненно, требует консолидированного участия государств международного сообщества. Нельзя допускать относиться к этим проблемам как к региональным, далеким от международной безопасности. Они уже давно переросли в глобальные проблемы – угрожающие мировой безопасности, доказательствами этого являются многочисленные теракты по всему миру, которые организует ИГ или связанные с ним террористические структуры. В нынешней ситуации абсолютно очевидно, что нужен конкретный механизм для эффективных и координированных действий с активным участием соседних Афганистану государств, потому что именно они жизненно заинтересованы в установлении мира, стабильности и безопасности в регионе. С такой позицией согласны и российские эксперты¹⁶. Необходимо усилить созидательный вектор в этой многострадальной стране, пробудить интерес простых афганцев к мирной жизни, увеличить социальную и гуманитарную направленность международной помощи. Несомненно, для стабилизации ситуации и восстановления экономики Афганистан нуждается в международной помощи, без чего нельзя говорить о возрождении

¹⁴ Курбанов Д. О современных тенденциях и перспективах развития военно-политической обстановки в Афганистане // Материалы международной конференции «Афганистан: проблемы стабилизации и перспективы реконструкции», Ташкент, 2009. [Kurbanov, D. O sovremennykh tendentsiiakh i perspektivakh razvitiia voenno-politicheskoi obstanovki v Afganistane (On Current Trends and Prospects for the Development of the Military-Political Situation in Afghanistan) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Afganistan: problemy stabilizatsii i perspektivy rekonstruktsii», Tashkent, 2009.]

¹⁵ Каримов И.А. Выступление на Генеральной Ассамблеи ООН. Сентябрь 2000 г. / Собр соч. Т.9. Ташкент: «Узбекстон». – С. 35-38. [Karimov, I.A. Vystuplenie na General'noi Assamblei OON (Address to the UN General Assembly). September 2000 / Sobr soch. t.9. T.: «Uzbekston». Pp. 35-38.]

¹⁶ Войко Е.В. Чем Россия может помочь восстановлению Афганистана // Материалы международной конференции «Афганистан: проблемы стабилизации и перспективы реконструкции», Ташкент, 2009. [Voiko, E.V. Chem Rossiia mozhet pomoch' vosstanovleniiu Afganistana (How Russia Can Help Rebuild Afghanistan) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Afganistan: problemy stabilizatsii i perspektivy rekonstruktsii», Tashkent, 2009.]

этой страны, восстановлении государством своих социальных функций.

Следует отметить, что при указном геополитическом раскладе одним из главных факторов стабильности Афганистана является экономический фактор. Присутствие бизнеса различных стран обеспечит заинтересованность в его сохранении, а значит в стабильности и безопасности. Учитывая это, было бы целесообразно проведение международного совещания с участием всех заинтересованных стран для выработки стратегии по ликвидации ИГ в Сирии, Ираке и Афганистане, мирного развития Афганистана под эгидой ООН.

Стабилизация ситуации в Афганистане и уничтожение всех террористических – сегодня это одна из важных задач международного сообщества и является хорошей площадкой для продуктивного сотрудничества между Россией и США. В этот миротворческий процесс необходимо привлечь все соседние страны, которые весьма заинтересованы в политической стабильности и в экономическом сотрудничестве с Афганистаном, с которым имеются исторические связи и давние доверительные отношения. С другой стороны, некоторые политологи-эксперты по Афганистану говорят о необходимости проведения государственно-административных реформ и укрепления государственной власти. Возможно, справедливо мнение о формировании федеративной формы государственно-административного устройства ИРА, учитывая обособленное и автономное сосуществование этнических сообществ в рамках этой страны. Это помогло и эффективному экономическому сотрудничеству со стороны стран, которые хотят инвестировать в различные сферы Афганистана. Социально-экономический фактор развития является весьма эффективным рычагом для установления мира и стабильности в этой многострадальной стране. Ситуация требует срочных, безотлагательных мер реагирования всего мирового сообщества. В этих условиях необходимо международное решение для достижения стабильности при участии всех соседних Афганистану стран, а также России, США и под эгидой ООН.

Литература:

Khalid Rahman. General Institute of Policy Studies, Islamabad: Current Trends and Development Prospects of the Military-Political Situation in Afghanistan // Afghanistan: Problem of Stabilization and Prospects for Reconstruction Materials of Conferment, Tashkent, 2009.

Адилходжаева С.М. Обострение ситуации в Афганистане – основная угроза стабильности и безопасности в Центральной Азии // Материалы научно-практической конференции «XXI асрада жахон сиёсати ва Ўзбекистон тажрибаси: сиёсий, ҳуқуқий ва ижтимоий жиҳатлари», Тошкент, 2016 С. 16-22.

Ариуффар А. Пути выхода из Афганского тупика. Режим доступа: <http://www.gumilev-center.af/archives/4028>

Войко Е.В. Чем Россия может помочь восстановлению Афганистана // Материалы международной конференции «Афганистан: проблемы стабилизации и перспективы реконструкции», Ташкент, 2009.

Каримов И.А. Выступление на Генеральной Ассамблеи ООН. Сентябрь 2000 г. / Собр соч. Т. 9. Ташкент: «Ўзбекстон». – С. 35-38.

Курбанов Д. О современных тенденциях и перспективах развития военно-политической обстановки в Афганистане // Материалы международной конференции «Афганистан: проблемы стабилизации и перспективы реконструкции», Ташкент, 2009.

Мирзиёев Ш.М. Выступление на совместном заседании Сената и Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Режим доступа: <http://prezident.uz/ru/news/5325/>

Незаконный оборот наркотиков / Всемирный доклад о наркотиках УНП ООН 2010. Режим доступа: <http://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.htm>

Совместное Заявление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева и Президента Туркменистана Г.М. Бердымухамедова // Народное слово, 10 марта 2017, № 49 (6713).

Тошев А. Принципы и подходы узбекистана к решению афганской проблемы // Материалы международной конференции «Афганистан: проблемы стабилизации и перспективы реконструкции», Ташкент, 2009.

Defense One. Gen. John Nicholson Told in Washington. Mode of access: <http://buff.ly/2kXrXuG> 22:01 - 9 Févr 2017

References:

Nezakonnyi oborot narkotikov (Illegal Drug Trafficking) / Vsemirnyi doklad o narkotikakh UNP OON 2010. Mode of access: <http://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.htm>

Mirzиеv, Sh.M. Vystuplenie na sovmestnom zasedanii Senata i Zakonodatel'noi palaty Oliy Mazhlisa Respubliki Uzbekistan (Speech at Joint Session of Senate and Legislative Chamber of Uzbekistan). Mode of access: <http://prezident.uz/ru/news/5325/>

Joint Communiqué of President of Uzbekistan Sh.M. Mirzиеv and President of Turkmenistan G.M. Berdimuhamedov // Narodnoe Slovo, 10 March 2017, No. 49 (6713).

Karimov, I.A. Vystuplenie na General'noi Assamblei OON (Address to the UN General Assembly). September 2000 / Sobr soch. t.9..T.: «Ўзбекстон». Pp. 35-38.

Toshev, A. Printsipy i podkhody uzbekistana k resheniiu afganskoi problem (Principles and Approaches

of Uzbekistan towards Afghan Problem) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Afganistan: problemy stabilizatsii i perspektivy rekonstruktsii», Tashkent, 2009.

Adilkhodzhaeva, S.M. Obostrenie situatsii v Afganistane – osnovnaia ugroza stabil'nosti i bezopasnosti v Tsentral'noi Azii (Escalating Situation on Afghanistan: Key Threat to Stability and Security in Central Asia) // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «XXI asrda zhakhon siesati va Uzbekiston tazhibasi: siesii, hukukii va izhtimoi xizmatlari», Toshkent, 2016. Pp.16-22.

Arianfar, A. Puti vykhoda iz Afganskogo tupika (Ways out of the Afghan Impasse). Mode of access: <http://www.gumilev-center.af/archives/4028>

Khalid Rahman. General Institute of Policy Studies, Islamabad: Current Trends and Development Prospects of the Military-Political Situation in Afghanistan //

Afghanistan: Problem of Stabilization and Prospects for Reconstruction Materials of Conferment, Tashkent, 2009.

Kurbanov, D. O sovremennykh tendentsiiakh i perspektivakh razvitiia voenno-politicheskoi obstanovki v Afganistane (On Current Trends and Prospects for the Development of the Military-Political Situation in Afghanistan) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Afganistan: problemy stabilizatsii i perspektivy rekonstruktsii», Tashkent, 2009.

Defense One. Gen. John Nicholson Told in Washington. Mode of access: <http://buff.ly/2kXrXuG> 22:01 - 9 Févr 2017

Voiko, E.V. Chem Rossiia mozhet pomoch' vosstanovleniiu Afganistana (How Russia Can Help Rebuild Afghanistan) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Afganistan: problemy stabilizatsii i perspektivy rekonstruktsii», Tashkent, 2009.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-73-82>

THE AGGRAVATION OF THE SITUATION IN AFGHANISTAN: NEW THREATS TO PEACE AND THE WAYS OF THEIR PREVENTION

Surayyo M. Adilkhodzhaeva

Tashkent State University of Law,
Tashkent, Uzbekistan

Article history:

Received:

20 March 2017

Accepted:

11 November 2017

About the author:

Dr. of Law, Professor,
Tashkent State University of Law

e-mail: a.surayyo.law@mail.ru

Key words:

Afghanistan; security; peace and stability; ISIS;
Taliban, threat of religious extremism and terrorism

Abstract: Afghanistan is a long-suffering country in which there is no peace and stability for several decades now. At present, the situation in Afghanistan is uncertain and unpredictable. In this country, there is a danger of escalation of terrorism, religious extremism and the spread of drugs. The article is devoted to the analysis of political, social, economic and humanitarian situation in Afghanistan. It also provides an analysis of the prevention of new threats that have arisen in this country.

Для цитирования: Адилходжаева С.М. Обострение ситуации в Афганистане: новые угрозы миру и пути их предотвращения // Сравнительная политика. – 2017. – № 4. – С. 73-82.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-73-82

For citation: Adilkhodzhaeva, Surayyo M. Obostrenie situatsii v Afganistane: novye ugrozy miru i puti ikh predotvrashcheniia (The Aggravation of the Situation in Afghanistan: New Threats to Peace and the Ways of their Prevention) // Comparative Politics Russia, 2017, No. 4, pp. 73-82.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-73-82

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-83-94>

ИНТЕГРАЦИЯ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ: «ЦЕНА» ВОПРОСА

Ирина Вячеславовна Михеева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия*

Анастасия Сергеевна Логинова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия*

Александр Владимирович Скиперских

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермь, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 февраля 2017 <i>Принята к печати:</i> 15 октября 2017	Аннотация: Статья посвящена вопросам вхождения территории Крыма и г. Севастополя в Российскую Федерацию. Дается оценка экономических эффектов политических шагов российского правительства по продвижению Крыма в экономическое и правовое пространство РФ. Предполагается, что связанное со значительными инвестициями вхождение Крыма в состав Российской Федерации между тем стоит гораздо меньше перспектив Крыма оказаться в сюжетном экономическом и политическом развитии современной Украины. В статье рассмотрены политические последствия интеграции Крыма в состав России. С точки зрения авторов, данная интеграция стала важным событием в мировой политике, существенно изменившим поле международных отношений и «правила игры». Показано, как крымские события изменили вектор развития российской политики в контексте внутригосударственной жизни и в рамках международного сообщества. Показано что интеграция Крыма становится важной фигурой в российском политическом дискурсе, связывая между собой внешнюю и внутреннюю политику современной России. Это подчеркивает серьезность крымской повестки в общественном сознании. Присоединение Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации позволило правящей элите современной России умело использовать открывшиеся возможности в интересах собственной легитимации.
Об авторах: <i>Михеева И.В.</i>, д.ю.н., заведующая Кафедрой конституционного и административного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород e-mail: imikheeva@hse.ru <i>Логинова А.С.</i>, магистр экономики, к.ю.н., доцент, Кафедра конституционного и административного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород e-mail: aloginova@hse.ru <i>Скиперских А.В.</i>, д.полит.н., профессор, Кафедра гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь e-mail: avskiperskikh@hse.ru	
Ключевые слова: власть; внешняя политика; внутренняя политика; дискурс; интеграция; Крым; легитимация	

Введение

События, связанные с присоединением Крыма к России, вплоть до настоящего времени являются предметом острых споров политологов, юристов, экономистов и

всего международного экспертного сообщества. Данные события являются достаточно популярной темой для обсуждения и в неэкспертных кругах. Тема Крыма и России присутствовала в общественном сознании российских граждан на протяжении многих

лет после приобретения Украиной статуса независимости¹. Это подтверждается данными многочисленных социологических исследований. Так еще в 2009 г. 44% россиян считали необходимым обсуждать с Украиной вопрос о том, кому должен принадлежать Крым. Опросы, проводившиеся среди россиян в 2009–2014 гг., неуклонно отмечают увеличение количества респондентов, считающих, что Россия должна отстаивать свои интересы в Крыму (с 73% до 91%). По результатам опроса ВЦИОМ в марте 2014 г. на вопрос «Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к РФ в качестве субъекта РФ?» 91% ответили: «Согласны»². Кроме того опросы показали, что российские граждане допускают возможность политического конфликта с Украиной по поводу Крыма³.

В политическом дискурсе вхождение Крыма в состав России концептуализируется в зависимости от одобрения/неодобрения данного события. Что касается российской политической повестки, то данное событие стало ее ключевым сюжетом, начиная с весны 2014 г., постепенно утрачивая свою актуальность к 2017 г. Крымские события имели серьезные политические, экономические и правовые последствия, которые, наверняка еще придется оценить. Тем не менее, некоторые эффекты уже дают о себе знать. Наиболее значимые результаты вхождения Крыма в состав России носят политический харак-

тер, потому что именно с 2014 г. произошла серьезная коррекция векторов внешней и внутренней политики современной России.

Фактор Крыма и внешнеполитическая повестка России

Вхождение Крыма в состав России в 2014 г. определенным образом поляризовало зарубежный политический дискурс. Экспертное сообщество разделилось на две группы, которые можно с определенной долей условности назвать группами «критиков» и «сторонников». Одна из них подвергает категорическому сомнению оправданность вхождения Крыма в состав России. Другая группа, наоборот, склонна оправдывать это, видя в этом политику России по отстаиванию собственных национальных интересов.

Для исследователей, принадлежащих к группе «критиков», характерно видеть в крымском случае категорическое нарушение всех международных правовых стандартов, понимая данное событие как «срезисированное Россией вопреки украинскому суверенитету и нормам международного права»⁴. Проводимую Президентом России В. Путиным политику нередко подвергают жесткой критике⁵. Международное экспертное сообщество подчас высказывает мнение, что присоединение полуострова Крым в состав России способствовало окончательному политическому провалу Президента России В.В. Путина и окончательной утрате доверия во взаимоотношениях с западными лидерами. Отсюда, некоторые исследователи предпочитают понимать вхождение Крыма в состав России как аннексию⁶.

¹ Проказина Н.В. Общественное мнение о присоединении Крыма к России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 65–71. [Prokazina, N.V. Obshchestvennoe mnenie o prisoedinenii Kryma k Rossii (Public Opinion on the Accession of Crimea to Russia) // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2015, No 4, pp. 65–71.]

² Россия и ситуация в Донбассе: мониторинг / ВЦИОМ. (Russian and the Situation in Donbass / VCIOM). Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115834>

³ Мамедов О.Ю. В поисках «внеэкономического» производства // *Terra economicus*. Южный федеральный университет. – 2016. – №1. – С. 6–17. [Mamedov, O.Yu. V poiskakh «vneekonomicheskogo» proizvodstva (Searching “Non-economic” Manufacture) // *Terra economicus*, 2016, No. 1, pp. 6–17.]

⁴ Svyatets, E. Energy Security and Cooperation in Eurasia: Power, Profits and Politics. New York, 2016. P. 62.

⁵ Соловьев Э.Г. Украинская рулетка в трансформации российско-американских отношений // Россия и новые государства Евразии. – М., 2014. – № 4(25). – С. 34–35. [Solov'ev, E.G. Ukrainskaya ruletki v transformatsii rossiysko-amerikanskikh otnosheniy (Ukrainian Roulette in the Transformation of Russian-American Relations) // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. Moscow, 2014. No. 4(25), pp. 34–35.]

⁶ Grigas, A. Beyond Crimea: The New Russian Empire. Hardcover, 2016. P. 204.

Наряду с явно критическими комментариями эксперты могут отмечаться и весьма сдержанными оценками. Причем довольно осторожные комментарии могли следовать от тех, кто имеет репутацию явных симпатизантов политики В.В. Путина. В частности, немецкий политолог Александр Рар был убежден в невозможности разрешения российско-украинского конфликта в ближайшем будущем, считая, что «Запад не отпустит Крым в Россию. Я думаю, что это нереально»⁷.

Ряд экспертов, которых условно можно отнести к группе «сторонников», склонен полагать, что крымский случай представляет собой предохранительную меру, что по своему объясняет действия России. В частности, профессор Чикагского университета Д. Миршеймер видит причины украинского кризиса и противостояния России и Запада не в действиях российского президента, а в попытке расширить влияние НАТО и ЕС на граничащие с Россией страны. Безусловно, данная фигура, объясняющая действия России, является одной из самых популярных в информационном пространстве самой России. По мнению Д. Миршеймера, действия западных политиков в отношении Украины стали крупным просчетом, но «еще большей ошибкой будет продолжение такой политики»⁸.

Весьма лояльное восприятие ситуации с Крымом отмечается и со стороны близких к российскому политическому истеблишменту европейских интеллектуалов. Они спешат разрушить мистификации, связанные с тягостным положением крымчан. Неоднократно посещавший Крым и имеющий репутацию пророссийского общественного деятеля и журналиста бывший депутат Европарламента итальянец Д. Кьеза в одном

из своих интервью отмечает, что в Крыму «люди нормально живут, нет напряжения, нет «танков на дорогах». Даже милиции на улицах не видно. Все нормально! Это первое впечатление. Потом были встречи – очень положительные – с (местными) руководителями. А потом на улицах говорили с людьми, было несколько моментов очень впечатляющих»⁹.

Тем не менее, критической рефлексии по поводу крымских событий было достаточно для того, чтобы инициировать санкции в отношении России, в итоге обернувшиеся контрсанкциями – симметричными ответами российской власти. Последовавший после событий 2014 года обмен этими санкциями между западными странами и Россией приобрел характер экономической войны. Правительство США открыто заявляет, что санкции были приняты для нанесения ущерба российской экономике и стимулирование недовольства «путинским режимом»¹⁰.

В российском политическом дискурсе достаточно популярной является мысль о том, что не все государства Евросоюза реально заинтересованы в сохранении санкций в отношении России. Тем самым, как будто лишний раз делается намек на мозаичный характер самого Евросоюза, внутри которого конфликтуют интересы национальных государств. На наш взгляд, данная мысль не является сколько-нибудь убедительной, поскольку европейская идентичность все равно является для ключевых государств Евросоюза более важной ценностью, нежели перманентные интересы отдельных бизнес-групп. Возможно, крымская проблема явилась серьезным раздражителем для

⁷ Рар, А. Европа никогда не примет отделение Крыма // Аргументы недели, 2014. Режим доступа: <http://an-crimea.ru/page/articles/58127> [Rar, A. Evropa nikogda ne primet otdelenie Kryma (Europe Will never Accept the Secession of Crimea) / *Argumenty nedeli*, 2014. Mode of access: <http://an-crimea.ru/page/articles/58127>]

⁸ Mearsheimer, J. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*. September/October 2014. P. 77.

⁹ Кьеза Д. Первое впечатление от Крыма – немного смешное // РИА Новости, МИА «Россия сегодня», 2016. Режим доступа: https://ria.ru/radio_brief/20160518/1435904050.html [K'ezza, D. Pervoe vpechatlenie ot Kryma – nemnogo smeshnoe (First Impression of the Crimea – a Bit Funny) / *RIA Novosti, MIA «Rossiya segodnya»*, 2016. Mode of access: https://ria.ru/radio_brief/20160518/1435904050.html]

¹⁰ Plekhanov, S.M. Assisted Suicide Internal and External Causes of the Ukrainian Crisis / *The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia* / ed. by J. L. Black, Michael Johns. New York, 2016. P. 3.

государств Евросоюза. «Крымский вопрос» в глазах европейского истеблишмента выглядит куда более взрывоопасной, нежели вооруженный конфликт в 2008 года между Грузией, с одной стороны, и самопровозглашенными республиками Южной Осетией и Абхазией, а также Россией, с другой.

Еще одной достаточно популярной фигурой по поводу санкций, часто использующейся российскими политиками, является мысль о том, что санкции приняты во благо самой России, потому как позволяют обратить внимание на проблемы собственного производства, что со временем до предела минимизирует товарную зависимость от отдельных государств – поставщиков. Уже сейчас ограничение импорта из стран Евросоюза компенсируется при помощи поставщиков из Бразилии, Аргентины, Израйля, Узбекистана, Азербайджана, Белоруссии и Ирана. В о же время Российской дипломатии порой сложно предвосхитить, как будут развиваться политические события в зарубежных странах – экономических партнерах. В этом смысле показательна ситуация с Турцией, торговые отношения с которой последнее время отличались нестабильностью. Важным партнером по поставкам продовольствия становятся и страны Латинской Америки, которые из-за запрета на поставки продукции из ЕС, США, Канады получили шанс выйти на продовольственный рынок России.

Проблема Крыма для Евросоюза является более чувствительной с точки зрения попытки правовой легитимации действий самой России. Как отмечает итальянский эксперт по проблемам европейской политики Рикардо Алькаро, Европейская безопасность испытала довольно серьезный вызов после того, как Россия «насиленно изменила государственные границы в Крыму и разожгла гражданскую войну на юго-востоке Украины, продемонстрировав полное презрение к гарантиям безопасности»¹¹. Подобная точка зрения, к сожалению, может быть

вполне распространенной среди международного экспертного сообщества.

Нужно отметить, что официальная позиция Евросоюза и США относительно Крыма во многом является определяющей для многих государств. На Генеральной ассамблее ООН 27 марта 2014 г. по вопросу о признании незаконности крымского референдума из 193 государств – членов ООН однозначно «за» принятие резолюции проголосовало 100 государств. Голоса почти такого же количества остальных государств распределились так: «против» – 11, воздержалось – 58, не голосовало – 24. Текст резолюции призвал не признавать вступление Крыма в состав России. Против этой резолюции выступили Армения, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Куба, КНДР, Зимбабве, Никарагуа, Россия, Сирия и Судан¹².

Вхождение Крыма в состав России признали незаконным и нарушающим нормы международного права такие организации, как Венецианская комиссия, Организация Североатлантического договора (НАТО), Парламентская ассамблея Совета Европы и Парламентская ассамблея ОБСЕ.

В целом, международное сообщество, в большинстве своем, критически восприняло присоединение Крыма к России, что, безусловно, сказывается на внешнеполитической повестке России, испытывающей постоянные коррекции. Вплоть до сегодняшнего времени трудно оценить, как долго будет продолжаться существующая конфронтация. Крайне сложными остаются и отношения с Украиной из-за «замороженного» конфликта на Юго-Востоке Украины. Возможно, в какой-то момент времени для российской стороны стало понятно, что признание ДНР и ЛНР будет означать новую эскалацию внешнеполитической напряженности, что постепенно табуировало тему данных квазиобразований в российском информационном пространстве.

¹¹ Alcaro, R. West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis. Report of the Transatlantic Security Symposium 2014 / West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis / ed. by R. Alcaro. Rome, 2015. Pp. 65-71.

¹² Прокофьев С.Е., Титова А.И., Елесина М.В. SWOT-анализ присоединения территории Крыма к России // Муниципальная академия. – 2014. – № 3. – С. 23–33. [Prokof'ev, S.E.; Titova, A.I.; Elesina, M.V. SWOT – Analiz prisoedineniya territorii Kryma k Rossii (SWOT-Analysis of the Accession of Crimea to Russia) // *Munitsipal'naya akademiya*, 2014, No 3, pp. 23-33.]

Постепенно теряет свою привлекательность и крымская тема. Хотя, на наш взгляд, у российской дипломатии не должно быть никаких иллюзий по поводу того, что крымский фактор может постепенно утратить свое значение. Не должны успокаивать российских дипломатов и высказанные для CNN заявления Д. Трампа, что ему понятны претензии России на Крым¹³. Скорее всего, в дипломатическом дискурсе позиция Д. Трампа как раз и понимается как резонансное заявление, сделанное в период избирательной кампании, когда традиционно необходимо поднимать градус популизма в интересах собственной политической легитимации.

Фактор Крыма и внутривнутриполитическая повестка России

Интеграция Крыма в состав России имела ряд политических, экономических и правовых последствий. Внутривнутриполитическая повестка современной России конструируется с учетом данных последствий. Сложно сказать, насколько все эффекты интеграции оказываются позитивными.

На наш взгляд, больше всего вхождение Крыма в состав России сказалось на политической сфере. Интеграция Крыма дала сильные эффекты для политической стабилизации в самой России. Появляется ощущение, что на какой-то момент времени российская власть наконец-то смогла предложить обществу некую объединяющую идею, некий убедительный нарратив, с помощью которого удалось обеспечить широкий общественный консенсус. Одобрительная реакция общества в течение длительного времени станет важным ферментом легитимации политического режима в России и конкретно В.В. Путина, рейтинги которого неумолимо росли вплоть до 2017 г.

Сложившийся консенсус предполагает едва ли не безоговорочное одобрение случившегося события. В национал-патриотическом дискурсе присоединение

Крыма понимается как безусловная победа и в политическом языке появляются такие метафоры, как «возвращение домой», «вставание с колен», «скрепы», «стабильность». Вопрос «Чей Крым?» становится, по сути дела, парольным, позволяя моментально определить политические убеждения своего оппонента.

Безусловно, реальная цена присоединения Крыма интересует в этой ситуации меньше всего. В русской и советской культуре, когда ведется речь о каком-то важном и судьбоносном событии, вопрос цены обычно не обсуждается – аффективное всегда превалирует над рациональным. Правда, сложно сказать, что в итоге получает само российское общество кроме психологического удовлетворения. Политическая власть современной России выступает основным бенефициаром присоединения Крыма, апеллируя к культурным нормам, «обосновывающим необходимость существующего общественного строя»¹⁴.

Таким образом, крымская тема приобретает статус самой важной в политической повестке России. Это означает, что она становится крайне приоритетной и в информационном пространстве. Показательно, как крымский вопрос корректирует конфигурацию политической системы России, буквально «на ходу» заставляя субъектов политического процесса соотносить свои желания с национальными интересами. Новые «правила игры» прекрасно понимают все субъекты политического процесса, пытаясь выстроить стратегии собственного позиционирования с учетом фактора Крыма.

Политические последствия присоединения Крыма особенно заметны в поведении российских политических акторов. Крымская тема становится важной идентичностью, которую пытаются включить в собственные

¹³ Bradner, E.; Wright, D. Trump Says Putin is 'not Going to Go into Ukraine,' despite Crimea // *CNN politics*, 2015. Mode of access: <http://edition.cnn.com/2016/07/31/politics/donald-trump-russia-ukraine-crimea-putin/>

¹⁴ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 42. [Inglhart, R., Vel'tsel', K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. (Modernization, Cultural Change and Democracy. The Sequence of Human Development). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. P. 42]

политические тексты представители как системной, так и несистемной оппозиции. Удивительное единодушие демонстрируют фракции системных партий в Государственной думе ФС РФ. Показательно, что ратификация присоединения Крыма к России, обсуждаемая в Госдуме ФС РФ 20 марта 2014 г. состоялась при подавляющем большинстве парламентариев. «Против» голосовал только И. Пономарев, и по идейным соображениям голосование игнорировали еще трое депутатов «Справедливой России» – Д. Гудков, С. Зубов и С. Петров¹⁵.

Отсюда, не кажется удивительным, что восторженная реакция и гордость по поводу присоединения Крыма к России, так или иначе, присутствуют в политических текстах практически всех партий, участвовавших в кампании по выборам в Государственную думу ФС РФ в сентябре 2016 г.¹⁶ При этом, едва ли не единственной политической партией, подвергавшей критике крымский вопрос, была партия «Яблоко». Медийные лица партии пытались сохранить свою часть электората, апеллируя к неправомерности вхождения Крыма в состав России, употре-

бляя при этом неприятный для российского политического истеблишмента термин «аннексия». Нужно отметить, что подобная позиция партийного истеблишмента партии «Яблоко» остается неизменной и в настоящий момент¹⁷.

Прекрасно понимают значимость Крыма для общественного сознания россиян и популярные фигуры в пространстве несистемной политики. В частности известны достаточно комплиментарные высказывания по поводу присоединения Крыма М. Ходорковского, а также А. Навального. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» А. Навальный однажды признался, что «Крым останется частью России и больше никогда в обозримом будущем не станет частью Украины»¹⁸. С помощью апелляций к историческому прошлому Крыма несистемные политики пытаются продемонстрировать свою способность двигаться в фарватере национальных интересов России. Правда, довольно сложно определить, насколько это способствует расширению их электоральных перспектив¹⁹.

Переходным периодом для адаптации Крыма в российском пространстве был 2014 г.,

¹⁵ Маловерьян Ю. Госдума утвердила присоединение Крыма к России // BBC Русская служба, 2014. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/03/140320_ukraine_crimea_duma_ratification [Malover'yan, Yu. Gosduma utverдила prisoedinenie Kryma k Rossii (The state Duma Approved the Accession of Crimea to Russia) / *BBC Russkaya sluzhba*, 2014. Mode of access: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/03/140320_ukraine_crimea_duma_ratification]

¹⁶ Общественный консенсус, сформированный после присоединения Крыма, становится неким ограничителем для системных политических партий. Как оказалось, консенсус распространяется и на политику России в целом. Внутренняя политика оказывается в подчинении у внешней политики, выступая её следствием, что сильно сужает фокус критики политического курса России. Системные партии – «КПРФ», «ЛДПР» и «Справедливая Россия» оказываются в данной ловушке перед думскими выборами 2016 г. Табуирование отдельных тем и сюжетов, связанных с внутренней политикой России, безусловно, сказывается на восприятии самой избирательной кампании как предельно скучной, безынтесной и предсказуемой.

¹⁷ Гудков Д. Особое мнение // Эхо Москвы, 2016. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1886570-echo/> [Gudkov, D. Osoboe mnenie (Dissenting Opinion) / *Ekho Moskvyy*, 2016. Mode of access: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1886570-echo/>]

¹⁸ Навальный А. Сбитый фокус // Радиостанция «Эхо Москвы», 2014. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1417522-echo/> [Naval'nyy, A. Sbityy fokus (The Downed Focus) / *Radiostantsiya «Ekho Moskvyy»*, 2014. Mode of access: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1417522-echo/>]

¹⁹ Периодически в информационном пространстве современной России могут появляться сюжеты связанные с приближающимися президентскими выборами в России. Разумеется, раскрывать собственные намерения несистемным политикам пока рано, потому как это может обернуться против них самих. Политический режим в России чётко даёт понять, что итоговое меню кандидатов будет определяться не «снизу» – путём гражданских устремлений и активностей, а, наоборот, «сверху» – являясь результатом тонких расчётов, предупреждающих любой невыгодный для власти поворот событий.

в течение которого проходила переаттестация государственных служащих, военных, адвокатов полуострова. Большая часть полученных на территории всей Российской Федерации за 2014 г. налогов и сборов поступала в бюджет Крыма. Гривна применялась до 1 января 2016 г. При оценке *экономических последствий* присоединения Крыма стоит понимать слабые стороны данного политического шага и экономические потери для экономики России. Экономисты подсчитали, что затраты на Крым оценены от 100 до 200 миллиардов рублей в год, что не может не отражаться на бюджетной составляющей экономического развития российского государства в целом. Крым является дотационным регионом. Это значит, что для его развития потребуются большие финансовые вливания.

Неспособность полуострова обеспечивать себя пресной водой является одной из самых острых проблем коммунального хозяйства Крыма, разрешение которой ложится на плечи РФ. Примерно 80% пресной воды поступает на территорию полуострова по Северо-Крымскому каналу, который проходит по территории Украины. Украинские власти перекрыли большинство шлюзов. Решение проблемы энергоснабжения Крыма также потребует значительных инвестиций. Для создания собственной генерации электроэнергии в Крыму понадобится от 90 до 100 млрд рублей. На строительство специального газопровода, мощность которого составит 1,5–2 млрд кубометров в год, нужно 5–6 млрд рублей²⁰. Проблемы энергоснабжения Крыма заявляют о себе с достаточной регулярностью и в 2015 и в 2016 гг., что подает не совсем оптимистичные сигналы правящей элите.

Проблемой экономики Крыма является его статус, сдерживающий крупные российские компании от представления собственных интересов на полуострове. Крупные компании боятся санкций и не спешат входить в Крым. Ярким примером подобной

осторожности является пример «Сбербанка», не спешащего заявлять о своем присутствии в Крыму.

Важным вызовом для экономики России является решение проблемы транспортной инфраструктуры в Крыму. Несмотря на то, что регион постепенно приучает к себе туристические потоки из других субъектов РФ, проблема транспортного сообщения остается сильным сдерживающим фактором для многих потенциальных туристов. Если автомобилей может отпугивать проблема очередей на Керченской переправе, то авиапассажиров цена на билеты и сезонный характер самого авиасообщения с полуостровом.

Конечно, экономические эффекты интеграции Крыма нельзя рассматривать исключительно с критической стороны. Несомненные плюсы присоединения полуострова к России заключаются в расширении возможностей по развитию туристического бизнеса и санаторно-курортной инфраструктуры, получения топливно-энергетических ресурсов полуострова. В Крыму существует высокий потенциал для развития сельского хозяйства, виноделия, химической промышленности, туризма (из 6 миллионов отдохнувших в Крыму в прошлом году примерно 50% – граждане Украины, 25% – россияне, остальные – из стран СНГ, дальнего зарубежья). Несомненные эффекты дает экономия порядка 100 миллионов долларов в год за аренду военной базы Черноморского флота, необходимость в которой уже отпадает. В связи с размещением в Крыму радиолокационных станций предупреждения о ракетном нападении возрастут возможности России по контролю над морским и воздушным пространством в районе Черного моря. Кроме того под контроль России переходит часть украинской армии, боевой техники и почти весь Черноморский флот Украины. С возвращением Украины в российские границы важнейшие памятники истории и символы русской культуры восполнят значимые духовные ценности России²¹.

²⁰ Шохина Е. Выгодный Крым // ЭкспертOnline, 2014. Режим доступа: <http://expert.ru/2014/03/11/vyigodnyij-kryim/?1> [Shokhina, E. Vygodnyu Krym (Beneficial Crimea) / *EkspertOnline*, 2014. Mode of access: <http://expert.ru/2014/03/11/vyigodnyij-kryim/?1>]

²¹ Завражнева М.В. Положительные последствия присоединения Крыма к России / Механизмы развития современного общества: Сборник научных статей по материалам Международной заочной научно-практической конферен-

Интеграция Крыма в состав России имела и *правовые последствия*. Крым был интегрирован в новое для себя правовое поле. Проблема адаптации к новым «правилам игры» заняла определенное время. Присоединение Крыма к России кроме политических решений, экономических расчетов потребовало и разработки правового инструментария вхождения АР Крым и города федерального значения Севастополь в правовое пространство РФ. По оценкам экспертов требовалось подготовить и принять около 300 законодательных актов. Указом Президента России от 21 марта 2014 г. № 168 «Об образовании Крымского федерального округа» был образован новый Федеральный округ в Крыму, в состав которого в качестве субъектов РФ вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь²². Конституционный суд РФ признал Договор о присоединении указанных территорий соответствующим Конституции РФ²³. Безусловно, сам факт создания Крымского федерального округа говорит о статусности самой территории и подчеркивает необходимость постоянного мониторинга процессов по интеграции Крыма в состав России.

Нужно понимать, что Крым, находившийся в составе Украины, долгое время был частью иной политической и правовой реаль-

ции. Лаборатория прикладных экономических исследований имени Кейнса. – М., – 2014. – С. 23-24. [Zavrazhneva, M.V. Polozhitel'nye posledstviya prisoedineniya Kryma k Rossii (Positive consequences of the accession of Crimea to Russia) / Mekhanizmy razvitiya sovremennogo obshchestva: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Laboratoriya prikladnykh ekonomicheskikh issledovaniy imeni Keynsa. Moscow, 2014. Pp. 23-24.]

²² Указ Президента РФ от 21 марта 2014 г. № 168 «Об образовании Крымского федерального округа» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 12. – Ст. 1265.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 13. – Ст. 1527.

ности. Уровень политической конкуренции в Украине несколько выше, чем в России, поэтому, конфликты, являющиеся некоей закономерностью украинского политического процесса, сегодня выглядят странно для России, где существует более жесткая вертикаль власти. Скажем, конфликт между губернатором Севастополя С. Меняйло и Председателем Законодательного Собрания Севастополя А. Чалым смотрелся удивительно для российского контекста, где подобные конфликты если и существуют, то уж отнюдь не влияют на уличное противостояние. А в Севастополе «сбор подписей против губернатора и агитация выйти на митинг ведется под патронажем героя «крымской весны» Алексея Чалого»²⁴.

Интересно, что жители Крыма могут до сих пор быть носителями совершенно другой правовой культуры, в рамках которой право на митинг не может быть сколь угодно серьезно ограничено. В этом смысле наступление новой российской правовой реальности в Крыму как будто прошло незаметно. Правда, когда дело дошло до необходимости выразить свой протест, у севастопольцев возникли проблемы с российским законодательством, которое в этом контексте намного жестче украинского.

На наш взгляд, с точки зрения конфликта двух правовых культур довольно показательно удивление Л. Грача по поводу запрета проведения митинга протеста администрацией Севастополя на одной из центральных площадей города²⁵. Определенный период присутствия в украинской правовой культуре, располагавшей к стихийной демонстрации протестной активности, сказывается на

²⁴ Грач Л. Конфликт Меняйло и Чалого доведет Севастополь до Майдана? // РИА Накануне.RU, 2015. Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/110773/> [Grach, L. Konflikt Menyaylo i Chalogo dovedet Sevastopol' do Maydana? (Conflict between Menyailo and Chalyi Would Bring the Sevastopol to Maidan?) / RIA Nakanune.RU, 2015. Mode of access: <http://www.nakanune.ru/articles/110773/>]

²⁵ Леонид Грач является очень авторитетной фигурой в политической жизни Крыма в составе Украины. В своё время он возглавлял Верховный Совет Автономной Республики Крым и был депутатом Верховной Рады Украины. Является доктором исторических наук, профессором, заслуженным юристом Украины.

общей тональности его рассуждений. Он как будто бы не понимает, что присутствует уже в другом правовом пространстве: «Это традиционное «лобное» место, здесь собираться людям удобно – поэтому не стоило запрещать выходить именно на эту площадь. Вместо того чтобы пойти на этот митинг тому же Меняйло, выслушать народ, высказать точку зрения власти – пошли по проверенному, но крайне неудачному (история это подтверждает) пути запрета»²⁶.

Конфликты между элитами в Крыму стали традиционно разрешаться не с помощью диалога с народом, а в высоких кабинетах, в рамках новых правовых норм, что существенно увеличивает количество вето губернатора С. Меняйло законов, принимаемых Законодательным Собранием Севастополя. Это приводит к опасной практике, когда формальное право вытесняет неформальное право, что явно подрывает доверие к новой власти, в одночасье ставшей ассоциироваться с хаотичной застройкой побережья, нарушением экологического равновесия, лоббизмом интересов клуба байкеров «Ночные волки», странными карьерными назначениями.

Постоянное пребывание назначенца Президента РФ в эпицентре скандалов не могло не проецироваться на легитимности самого президента. В этой связи, 28 июля 2016 г. С. Меняйло назначен Полпредом Президента РФ в Сибирском федеральном округе. Незадолго до этого оставляет пост спикера Заксобрания Севастополя и сам А. Чалый. С. Меняйло и А. Чалого можно назвать также и заложниками процесса интеграции Крыма в состав России, поскольку власть могла и должна была предвидеть данные скрытые конфликты между региональной элитой и адекватно оценивать их перспективы и риски.

Заключение

Отметим, что итоги и перспективы присоединения Крыма, возможно, еще не оценены полностью. На наш взгляд, требуется не-

которое время, чтобы они были усвоены, как самим обществом, так и региональной властью, состоящей из политиков, занимавших должности еще в период нахождения Крыма в составе Украины. Нельзя забывать и о том, что, по данным ВЦИОМ, часть крымских татар (25% от общего количества опрошенных) и часть украинцев в Крыму до сих пор выступают против интеграции с Россией²⁷. Разумеется, у данной части крымчан может быть ощущение, что они проиграли от интеграции Крыма. Скажем, те же татары могли на себе испытать последствия интеграции в тот момент, когда закрылся популярный телеканал «АТР». Максим Шевченко отметил, что в результате этого может вырасти «недоверие крымских татар к России, от которой, за всю свою историю они не видели ничего хорошего»²⁸.

В целом, говоря о важности темы Крыма для внутривластной повестки, следует признать, что проблема крымской интеграции остается довольно популярной в информационном пространстве России до настоящего времени. Крымские сюжеты продолжает приковывать к себе внимание россиян – телевизионная индустрия прекрасно чувствует этот запрос. В то же время, говоря о реальных последствиях интеграции Крыма, следует выделить довольно опасную тенденцию переключения внимания россиян с проблем внутренней политики – на внешнеполитические проблемы. Данная асимметричность является очень опасной, поскольку ставит под сомнение целостность самой российской политики. Очевидными становится явный крен в сторону внешнего и попытка сосредоточить внимания на форме, а не на содержании.

Более того, в обществе постепенно нарастает понимание реальных последствий

²⁶ Грач Л. Конфликт Меняйло и Чалого доведет Севастополь до Майдана? [Электронный ресурс] // РИА Накануне.RU : [сайт]. [2015]. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://www.nakanune.ru/articles/110773/> (дата обращения 27.11.2016).

²⁷ Россия и ситуация в Донбассе: мониторинг / ВЦИОМ. (Russian and the Situation in Donbass / VCIOM). Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115834>

²⁸ Шевченко М. О закрытии татарского канала «АТР» // КАВПОЛИТ, 2015. Режим доступа: <http://kavpolit.com/blogs/shevchenkomax/13899/> [Shevchenko, M. O zakrytii tatarskogo kanala «АТР» (About the Closure of the Tatar Channel «АТР») // KAVPOLIT, 2015. Mode of access: <http://kavpolit.com/blogs/shevchenkomax/13899/>]

присоединения, измеряющихся, преимущественно, в экономическом контексте. Дальнейшее отношение российских граждан к происходящим в Крыму событиям и политических союзников к России напрямую зависит от развития конфликта на юго-востоке Украины и ущерба, нанесенного экономике страны от западных санкций. Директор «Левада-центра» Лев Гудков в интервью Общественно-политическому portalу «Русская планета» обратил внимание на то, что постепенно происходит спад патриотической эйфории и нарастание тревоги, связанной с «ценой» присоединения Крыма для России и ее населения²⁹. Эта «цена» присоединения Крыма к Российской Федерации в настоящее время представляется весьма и весьма высокой в политическом, экономическом и правовом смысле. Между тем, благодаря «крымской» территориальной политике у полуострова появилась возможность избежать развития сценария событий остальной Украины. Эта возможность оказалась важнее «цены» экономического кризиса и сложностей вхождения в российское экономическое и правовое пространство.

Литература:

Греч Л. Конфликт Меняйло и Чалого доведет Севастополь до Майдана? // РИА Накануне.RU, 2015. Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/110773>

Гудков Д. Особое мнение // Эхо Москвы, 2016. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1886570-echo/>

Заважнюева М.В. Положительные последствия присоединения Крыма к России / Механизмы развития современного общества: Сборник научных статей по материалам Международной заочной научно-практической конференции. Лаборатория прикладных экономических исследований имени Кейнса. – М., – 2014. – С. 23–24.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

Къеза Д. Первое впечатление от Крыма – немного смешное // РИА Новости, МИА «Россия сегодня», 2016. Режим доступа: https://ria.ru/radio_brief/20160518/1435904050.html

Маловерьян Ю. Госдума утвердила присоединение Крыма к России // BBC Русская служба, 2014. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/03/140320_ukraine_crimea_duma_ratification

²⁹ Затари А. Во имя Крыма / *Rusplt.ru*. (Zatari, A. For the Sake of Crimea). Режим доступа: <http://rusplt.ru/society/vo-ima-kryima-12499.html>

Мамедов О.Ю. В поисках «внеэкономического» производства // *Terra ecomopicus*. Южный федеральный университет. – 2016. – №1. – С. 6-17.

Навальный А. Сбитый фокус // Радиостанция «Эхо Москвы», 2014. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/bededa/1417522-echo/>

Проказина Н.В. Общественное мнение о присоединении Крыма к России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 65-71.

Прокофьев С.Е., Титова А.И., Елесина М.В. SWOT-анализ присоединения территории Крыма к России // Муниципальная академия. – 2014. – № 3. – С. 23–33.

Рар А. Европа никогда не примет отделение Крыма // Аргументы недели, 2014. Режим доступа: <http://an-crimea.ru/page/articles/58127>

Соловьев Э.Г. Украинская рулетка в трансформации российско-американских отношений // Россия и новые государства Евразии. – М., 2014. – № 4(25). – С. 34–35.

Чалый М. Он врал всему Севастополю? – Михаил Чалый о губернаторских вето // Искра. Севастопольский новостной портал общественной организации «Соратники», 2015. Режим доступа: <http://iskra-sev.ru/?q=node/2568>

Шевченко М. О закрытии татарского канала «АТР» // КАВПОЛИТ, 2015. Режим доступа: <http://kavpolit.com/blogs/shevchenkomax/13899>

Шохина Е. Выгодный Крым // ЭкспертOnline, 2014. Режим доступа: <http://expert.ru/2014/03/11/ vygodnyi-kryim/?1>

Alcaro, R. West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis. Report of the Transatlantic Security Symposium 2014 / West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis / ed. by R. Alcaro. Rome, 2015. Pp. 65-71.

Bradner, E.; Wright, D. Trump Says Putin is 'not Going to Go into Ukraine,' despite Crimea // *CNN politics*, 2015. Mode of access: <http://edition.cnn.com/2016/07/31/politics/donald-trump-russia-ukraine-crimea-putin/>

Grigas, A. Beyond Crimea: The New Russian Empire. Hardcover, 2016. 332 p.

Mearsheimer, J. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*. September/October 2014. pp. 77-99.

Plekhanov, S.M. Assisted Suicide Internal and External Causes of the Ukrainian Crisis / The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia / ed. by J. L. Black, Michael Johns. New York, 2016. 289 p.

Sander, D. Maritime Power in the Black Sea. London, New York, 2016. 247 p.

Svyatets, E. Energy Security and Cooperation in Eurasia: Power, Profits and Politics. New York, 2016. 201 p.

References:

Alcaro, R. West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis. Report of the Transatlantic Security Symposium 2014 / West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis / ed. by R. Alcaro. Rome, 2015. Pp. 65-71.

Bradner, E.; Wright, D. Trump Says Putin is 'not Going to Go into Ukraine,' despite Crimea // *CNN politics*, 2015. Mode of access: <http://edition.cnn.com/2016/07/31/politics/donald-trump-russia-ukraine-crimea-putin/>

Chalyy, M. On vral vsemu Sevastopolyu? – Mikhail Chalyy o gubernatorskikh veto (He Was Lying in Sevastopol? – Michael Chaly about the Governor's Veto) / Iskra. Sevastopol'skiy novostnoy portal obshchestvennoy

organizatsii «Soratniki», 2015. Mode of access: <http://iskra-sev.ru/?q=node/2568>

Grach, L. Konflikt Menyaylo i Chalogo dovedet Sevastopol' do Maydana? (Conflict between Menyailo and Chalyi Would Bring the Sevastopol to Maidan?) / *RIA Nakanune.RU*, 2015. Mode of access: <http://www.nakanune.ru/articles/110773>

Grigas, A. Beyond Crimea: The New Russian Empire. Hardcover, 2016. 332 p.

Gudkov, D. Osoboe mnenie (Dissenting Opinion) / *Ekho Moskvy*, 2016. Mode of access: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1886570-echo/>

Inglkharth, R., Velt'sel', K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. (Modernization, Cultural Change and Democracy. The Sequence of Human Development). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.

K'eva, D. Pervoe vpechatleniye ot Kryma – nemnogo smeshnoe (First Impression of the Crimea – a Bit Funny) / *RIA Novosti*, MIA «*Rossiia segodnya*», 2016. Mode of access: https://ria.ru/radio_brief/20160518/1435904050.html

Malover'yan, Yu. Gosduma utverdila prisoedineniye Kryma k Rossii (The state Duma Approved the Accession of Crimea to Russia) / *BBC Russkaya sluzhba*, 2014. Mode of access: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/03/140320_ukraine_crimea_duma_ratification

Mamedov, O.Yu. V poiskakh «vneekonomicheskogo» proizvodstva (Searching “Non-economic” Manufacture) // *Terra economicus*, 2016, No. 1, pp. 6-17.

Mearsheimer, J. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*. September/October 2014. pp. 77-99.

Naval'nyy, A. Sbityy fokus (The Downed Focus) / *Radiostantsiya «Ekho Moskvy»*, 2014. Mode of access: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1417522-echo/>

Plekhanov, S.M. Assisted Suicide Internal and External Causes of the Ukrainian Crisis / *The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia* / ed. by J. L. Black, Michael Johns. New York, 2016. 289 p.

Prokazina, N.V. Obshchestvennoe mneniye o prisoedinenii Kryma k Rossii (Public Opinion on the Accession of

Crimea to Russia) // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2015, No 4, pp. 65-71.

Prokof'ev, S.E.; Titova, A.I.; Elesina, M.V. SWOT – Analiz prisoedineniya territorii Kryma k Rossii (SWOT-Analysis of the Accession of Crimea to Russia) // *Munitsipal'naya akademiya*, 2014, No 3, pp. 23-33.

Rar, A. Evropa nikogda ne primet otdeleniye Kryma (Europe Will never Accept the Secession of Crimea) / *Argumenty nedeli*, 2014. Mode of access: <http://an-crimea.ru/page/articles/58127>

Sander, D. Maritime Power in the Black Sea. London, New York, 2016. 247 p.

Shevchenko, M. O zakrytii tatarskogo kanala «ATP» (About the Closure of the Tatar Channel “ATP”) // *KAVPOLIT*, 2015. Mode of access: <http://kavpolit.com/blogs/shevchenkmax/13899/>

Shokhina, E. Vygodnyy Krym (Beneficial Crimea) / *EkspertOnline*, 2014. Mode of access: <http://expert.ru/2014/03/11/vygodnyiy-kryim/?1>

Solov'ev E.G. Ukrainskaya ruletka v transformatsii rossiysko-amerikanskikh otnosheniy (Ukrainian Roulette in the Transformation of Russian-American Relations) // *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. Moscow, 2014. No. 4(25), pp. 34-35.

Svyatets, E. Energy Security and Cooperation in Eurasia: Power, Profits and Politics. New York, 2016. 201 p.

Zavrazhneva, M.V. Polozhitel'nye posledstviya prisoedineniya Kryma k Rossii (Positive consequences of the accession of Crimea to Russia) / *Mekhanizmy razvitiya sovremennogo obshchestva: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Laboratoriya prikladnykh ekonomicheskikh issledovaniy imeni Keynsa*. Moscow, 2014. Pp. 23-24.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-83-94>

ACCESSION OF THE CRIMEA TERRITORY TO RUSSIA: THE CRIMEA'S INESTIMABLE VALUE

Irina V. Mikheeva

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

Anastasia S. Loginova

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr V. Skiperskikh

National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia

Article history: <i>Received:</i> 14 February 2016 <i>Accepted:</i> 15 October 2017	Abstract: The issue is devoted to the Crimea and Sevastopol city accession to the Russian Federation. The economic effects of the Crimean territorial policy of the Russian government are considered. The assumption is made that the occurrence of the Crimea in the economic and legal space of the Russian Federation has included significant investment. Meanwhile, it is worth far less than the prospect of Crimea to share the fate of modern Ukraine. The article considers the political consequences of Crimea's integration into Russia. From the authors' point of view this integration was an important event in world politics that significantly changed the field of international relations and «rules of the game». It has been revealed how events in Crimea have changed the vector of development of Russian policy in the context of domestic life and in the international community. It is shown that the integration of the Crimea becomes an important figure in Russian political discourse, linking the foreign and domestic policies of modern Russia. This underlines the seriousness of the Crimean agenda in the public consciousness. The accession of Crimea and Sevastopol City into the Russian Federation has allowed the ruling elite of modern Russia make the best use of opportunities for their own legitimization.
About the authors: <i>Irina V. Mikheeva,</i> Dr. of Law, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod e-mail: imikheeva@hse.ru <i>Anastasia S. Loginova,</i> Candidate of Sciences in Law, Master of Economics in International Economics, Associate Professor, the Department of Constitutional and Administrative Law, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod e-mail: aloginova@hse.ru <i>Aleksandr V. Skiperskikh,</i> Dr. of Political Science, Professor, Humanitarian Science Department, National Research University Higher School of Economics, Perm e-mail: avskiperskikh@hse.ru	
Key words: the Autonomous Republic of Crimea; discourse; integration; Ukraine; the territorial policy of Russia; economic effects; sanctions	

Для цитирования: Михеева И.В., Логинова А.С., Скиперских А.В. Интеграция Крыма в состав России: «цена» вопроса // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 83-94.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-83-94

For citation: Mikheeva, Irina V.; Loginova, Anastasia S.; Skiperskikh, Aleksandr V. Integratsiya Kryma v sostav Rossii: tsena voprosa (Accession of the Crimea Territory to Russia: the Crimea's Inestimable Value) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.4, pp. 83-94.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-83-94

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-95-112>

ТИП РЕЖИМА И ИНДЕКСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Станислав Эдуардович Билюга

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 31 августа 2017 <i>Принята к печати:</i> 16 ноября 2017	Аннотация: В статье приводится анализ зависимостей между отдельными индексами дестабилизации, собираемыми CNTS, и типами режимов (по Freedom House) с 1973 по 2012. Рассмотрение и анализ проводится через призму четырех этапов времени: 1) 1973–2012; 2) 1973–1991; 2.1) 1973–1989; 2.2) 1973–1991; 3) 1992–2010; 4) 2011–2012. <i>Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 15-06-03655 «Математическое моделирование дестабилизации социально-политических систем в условиях глобализации»</i>
Об авторе: младший научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ; аспирант, Факультет глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник, Центр Долгосрочного Прогнозирования и Стратегического Планирования, ФГП МГУ e-mail: sbilyuga@gmail.com	
Ключевые слова: моделирование дестабилизаций; прогнозирование нестабильности, типы политий, индексы дестабилизации	

Связь между уровнем политической нестабильности и типом режима была замечена еще в 70-х годах прошлого века, когда началось накопление систематических данных по конфликтам в мире. В некоторых зарубежных¹

и отечественных² исследованиях показано, что

¹ Gates, Scott; Hegre, Håvard; Jones, Mark P., Strand, Håvard. Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800-1998. Presented at the annual meeting of American Political Science Association, Washington D.C., 2000; Marshall, Monty G.; Cole, Benjamin R. A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association; Ulfelder, Jay; Lustik, Michael. Modeling Transitions to and from Democracy // Democratization, 2007, Vol. 14 (April), pp. 351-387; Vreeland, James R. The Effect of Political Regime on Civil War // Journal of Conflict Resolution, 2008, Vol. 52 (3), pp. 401-425; и др.

² Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Революция vs демократия // Полис. – 2014. – №3. – С. 139-158. [Grinin, L.E.; Korotayev, A.V. Revolyutsiya vs demokratiya // Polis, 2014, No.3, pp. 139-158.]; Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьмина Е.В. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. Политические исследования. – 2013. – №4. – С. 137-162. [Malkov, S Yu.; Korotayev, A.V.; Isaev, L.M.; Kuz'minova, E.V. O metodike otsenki tekushego sostoyaniya i prognoza sotsial'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytij Arabskoj vesny (On Analysis Methodology of Current Social Instability: Arab Spring Case) // Polis. Politicheskie issledovaniya, 2013, No.4, pp. 137-162]; Grinin, Leonid; Korotayev, Andrey. Does "Arab Spring" Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // World Futures, 2012, Vol. 68/7, pp. 471-505; Korotayev, Andrey V.; Issaev,

страны с переходным типом режима наиболее сильно подвержены различным дестабилизациям, в то время как демократические и авторитарные режимы являются стабильными.

В данной статье предпринята попытка проверить по новым эмпирическим данным влияние типа политического режима на динамику социально-политической дестабилизации. При этом в качестве независимой переменной используются характеристики типа политических режимов по *Freedom House*, а в качестве зависимых переменных индикаторы социально-политической дестабилизации CNTS³.

Leonid M.; Malkov, Sergey Y.; Shishkina, Alisa R. The Arab Spring: A Quantitative Analysis // *Arab Studies Quarterly*, 2014, Vol. 36 (2), pp. 149-169; Korotaev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Zinkina, Julia. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49 (5), pp. 46-488; и др.

³ Более подробное описание базы данных CNTS представлено в статьях: см. напр. Коротаев А.В., Билюга С.Э., Зинькина Ю.В. Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире: опыт количественного анализа // *Политическая наука*. – 2016. – №4. – С. 159-185. [Korotaev, A.V.; Biliuga, S.E.; Zin'kina, Ju.V. Tseny na nef' kak faktor sotsial'no-politicheskoi destabilizatsii gosudarstv v sovremennom mire: opyt kolichestvennogo analiza (Oil Prices as a Factor of Socio-Political Destabilization of States in the Modern World: Experience of Quantitative Analysis) // *Political Science*, 2016, No.4, pp. 159-185.]; Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 4. – С. 72-94. [Korotaev, A.V.; Biliuga, S.E.; Shishkina, A.R. VVP na dushu naseleniia, uroven' protestnoi aktivnosti i tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza [GDP per Capita, the Level of Protest Activity and Mode Type: Experience in Quantitative Analysis] // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4(25), pp. 72-94.]; Коротаев А.К., Васкин И.А., Билюга С.Э. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // *Социологическое обозрение*. – 2017. – № 1. – С. 9-49. [Korotaev, A.K.; Vas'kin, I.A.; Biliuga, S.E. Gipoteza Olsona-

Описание *Freedom House*

«Свобода в мире» (*Freedom in the World*) – это ежегодный глобальный доклад о политических правах и гражданских свободах, состоящий из численных оценок и текстовых описаний для каждой страны и избранной группы территорий. Издание 2015 года охватывает события, произошедшие в 195 странах и на 15 территориях с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2014 года.

Доклад оценивает реальные права и свободы, которыми пользуется массовое население, а не правительства или государственные чиновники как таковые. На уровень политических права и гражданских свободы может влиять деятельность как государственных, так и негосударственных субъектов, включая повстанцев и другие вооруженные группы.

Доклад использует трехуровневую систему рейтингов, состоящую из баллов, рейтингов и статусов. С полным списком вопросов, используемых в процессе выставления баллов, и таблицей для преобразования баллов в рейтинги и статусы можно ознакомиться на сайте доклада⁴.

Ниже дадим краткую справку по процессу оценивания факторов.

Стране или территории присуждается от 0 до 4 баллов по каждому из 10 показателей относительно политических прав и 15 показателей относительно гражданских свобод; 0 баллов соответствует наименьшей степени свободы, 4 – наибольшей. Вопросы по политическим правам сгруппированы по трем категориям: избирательный процесс (3 вопроса), политический плюрализм и участие (4), и деятельность правительства (3). Вопросы о гражданских свободах сгруппи-

Khantingtona o krivolineinoi zavisimosti mezhd urovnem ekonomicheskogo razvitiia i sotsial'no-politicheskoi destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza (Hypothesis of Olson-Huntington about a Curvilinear Relationship between the Level of Economic Development and Socio-Political Destabilization: Experience in Quantitative Analysis) // *Sociological Review*, 2017, No.1, pp. 9-49.]

⁴ Freedom House. Freedom in the World. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/methodology#.VeVBePntmko>

рованы по четырем категориям: свобода выражения мнений и убеждений (4 вопроса), права ассоциаций и организаций (3), верховенство права (4), и личная автономия и индивидуальные права (4). Наивысший общий балл, который может быть присужден в совокупности по политическим правам, – это 40 ($4 \times 10 = 40$). Наивысший общий балл, который может быть присужден для уровня гражданских свобод в совокупности составляет 60 ($4 \times 15 = 60$). Баллы от предыдущего года используются в качестве ориентира на текущий год. Баллы обычно меняют только, если в течение года происходили реальные изменения, ведущие к значительному снижению или повышению уровня свобод (например, гонения на СМИ или, напротив, первые в стране свободные и справедливые выборы).

На следующем этапе стране или территории присваивается два рейтинга (числовым выражением от 1 до 7) – один для политических прав, другой – для гражданских свобод (на основе общей оценки вопросов по политическим правам и гражданским свободам). При этом оценка «1» соответствует наибольшей степени свободы, а 7 – наименьшей степени. Затем каждой стране присваивается один из трех статусов:

1) Free («свободная [страна]»), он присваивается, если при суммировании двух вышеописанных рейтингов получается значение от 2 до 5

2) Partly Free («частично свободная [страна]»), этот статус присваивается, если при суммировании двух вышеописанных рейтингов получается значение от 6 до 10;

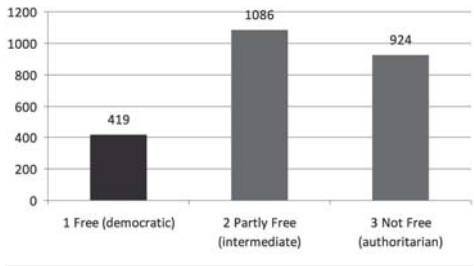
3) Not Free («несвободная [страна]»), этот статус присваивается, если при суммировании двух вышеописанных рейтингов получается значение от 11 до 14.

Тестирование зависимости между интенсивностью социально-политической дестабилизации (domestic9) и типами политий

Из рис. 1 видно в период с 1973 по 2012 г. среднегодовая интенсивность социально-политической дестабилизации в консолидированных демократиях (419,48) была в два раза

Рис. 1

Индекс интенсивности социально-политической дестабилизации для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 2012 гг.

Picture 1. The index of intensity of socio-political destabilization for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 2012

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9.

меньше, чем в автократиях (923,59). Различие между ними по этому показателю было значимо ($t = -11,74$, $\alpha = << 0,001$). С другой стороны в автократических государствах среднегодовая интенсивность социально-политической дестабилизации была почти такой же, как и в промежуточных режимах (1085,51). Различие является статистически значимым ($t = 2,751$, $\alpha = 0,006$). Различие промежуточного типа режима с демократией (порядка 3 раз) является также значимым ($t = -14,25$, $\alpha = << 0,001$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается.

Таб. 1

Корреляционная матрица индекса интенсивности социально-политической дестабилизации относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-14,25	-11,74
	<i>α</i> (2-tailed)		<< 0,0001	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	-14,25		2,751
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001		0,006
3 Not Free	<i>t</i>	-11,74	2,751	
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001	0,006	

Table 1. Correlation matrix of the intensity index of socio-political destabilization relative to pairs of polities

Примечание: обработка через SPSS (t-критерий для независимых выборок)

Рис. 2

Динамика средних чисел социально-политической дестабилизации на одну страну демократического типа и одну страну авторитарного типа за один год

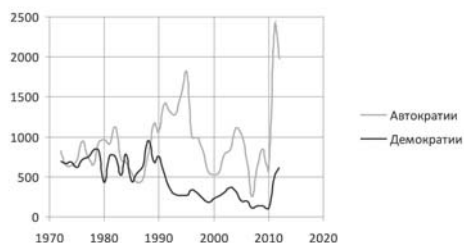

Рис. 2. The dynamics of the average numbers of socio-political destabilization in one country of a democratic type and one country of an autocratic type in one year
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

На рис. 2 видно, что феномен социально-политической дестабилизации до распада СССР, при прочих равных условиях, практически не проявлялся. С момента окончания Холодной войны ситуация меняется на прямо противоположную – интенсивность дестабилизации возросла на половину в авторитарных режимах (что, собственно говоря, и доказывает преобладание дестабилизаций в авторитариях), в демократиях, напротив, феномен идет на спад. В 2010 году происходит новый переход, который, скорее всего, непосредственно связан с таким новым явлением, как цветные революции в демократических и авторитарных государствах (особенно это проявляется с 2010 года).

Рис. 3

Динамика средних чисел социально-политической дестабилизации на одну страну демократического типа и одну страну промежуточного типа за один год

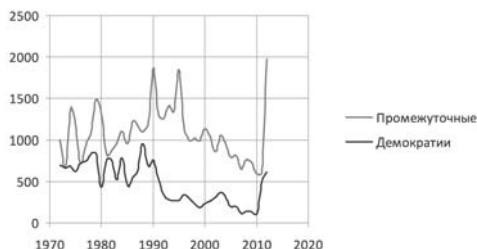

Рис. 3. The dynamics of the average numbers of socio-political destabilization per one country of a democratic type

and one country of an intermediate type in one year
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

Динамика демонстраций в демократиях и промежуточных режимах описывает ситуацию между демократиями и авторитариями.

Рис. 4

Динамика средних чисел социально-политической дестабилизации на одну страну авторитарного типа и одну страну промежуточного типа за один год

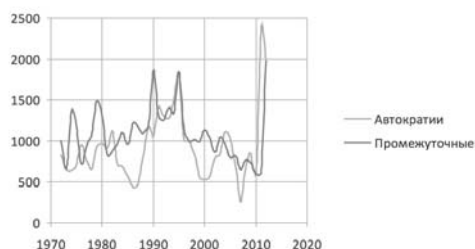

Рис. 4. The dynamics of the average numbers of socio-political destabilization per one country of an autocratic type and one country of an intermediate type in one year
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

Несмотря на то, что тренд обеих линий практически совпадает, по сравнению с авторитарными режимами, в промежуточных видно более яркое проявление интенсивности (по экстремумам без каких-либо понижательных циклов).

Рис. 5

Индекс интенсивности социально-политической дестабилизации для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1989 г.

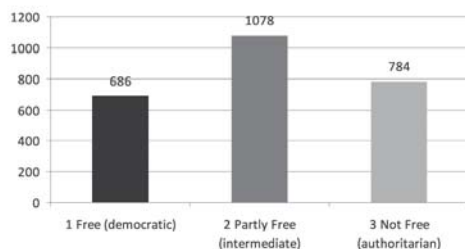

Рис. 5. The index of intensity of socio-political destabilization for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 1989
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

Таб. 2

Корреляционная матрица индекса интенсивности социально-политической дестабилизации относительно пар политий

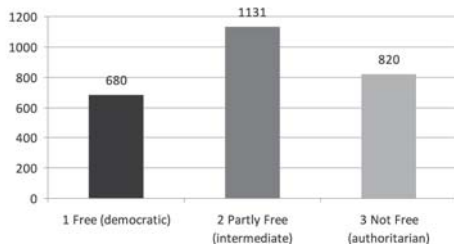
		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-4,539	-1,369
	α (2-tailed)		<< 0,0001	0,171
2 Partly Free	<i>t</i>	-4,539		3,742
	α (2-tailed)	<< 0,0001		<< 0,0001
3 Not Free	<i>t</i>	-1,369	3,742	
	α (2-tailed)	0,171	<< 0,0001	

Table 2. Correlation matrix of the intensity index of socio-political destabilization relative to pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS
(*t*-критерий для независимых выборок).

Как мы видим из рис. 5, в период до 1989 года среднегодовая интенсивность социально-политической дестабилизации в промежуточном типе (1077) почти в два раза больше, чем в демократическом (685) и на 50% больше, чем в авторитарном (784). Эта разница статистически значима для каждой из пары ($t = -4,539$, $\alpha = << 0,001$ – для пары консолидированной демократии – промежуточного и $t = 3,742$, $\alpha = << 0,001$ – для пары промежуточной демократии и автократии). Разница между авторитарным и демократическим типами режимов достаточно нивелирована, что также статистически не значимо ($t = -1,369$, $\alpha = 0,171$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается.

Рис. 6

Индекс интенсивности социально-политической дестабилизации для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1991 г.

Pic. 6. The index of intensity of socio-political destabilization for democratic, authoritarian and intermediate

regimes from 1973 to 1991

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

Таб. 3

Корреляционная матрица индекса интенсивности социально-политической дестабилизации относительно пар политий

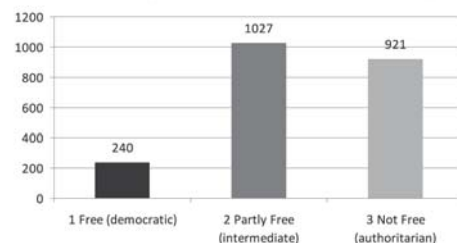
		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-5,581	-2,05
	α (2-tailed)		<< 0,0001	0,04
2 Partly Free	<i>t</i>	-5,581		4,115
	α (2-tailed)	<< 0,0001		<< 0,0001
3 Not Free	<i>t</i>	-2,05	4,115	
	α (2-tailed)	0,04	<< 0,0001	

Table 3. Correlation matrix of the intensity index of socio-political destabilization relative to pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS
(*t*-критерий для независимых выборок)

Результат аналогичен периоду до 1989, за исключением того факта, что различие в 25% между демократиями (680) и автократиями (819) статистически значимо ($t = -2,05$, $\alpha = 0,04$). По данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается.

Рис. 7

Индекс интенсивности социально-политической дестабилизации для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1992 по 2010 г.

Pic. 7. The index of intensity of socio-political destabilization for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1992 to 2010

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

Таб. 4

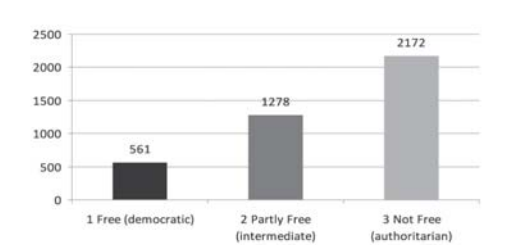
Корреляционная матрица индекса интенсивности социально-политической дестабилизации относительно пар политий				
		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-14,83	-14,18
	<i>α</i> (2-tailed)		<< 0,0001	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	-14,83		1,294
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001		0,196
3 Not Free	<i>t</i>	-14,18	1,294	
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001	0,196	

Table 4. Корреляционная матрица индекса интенсивности социально-политической дестабилизации относительно пар политий
Примечание: обработка через SPSS (t-критерий для независимых выборок)

Как видно из таб. 5, с 1992 по 2010 г. включительно наиболее неустойчивым режимом продолжает оставаться промежуточные демократии (1027). Несмотря на то, что авторитарные режимы не сильно отстают от промежуточных (921), разница статистически не значима ($t = 1,294$; $\alpha = 0,196$) Разница же с демократиями порядка трех раз (240), что значимо статистически ($t = -14,83$ $\alpha = << 0,0001$). С другой стороны, различие между автократиями с одной стороны и демократиями с другой, безусловно, статистически значимо ($t = -14,18$, $\alpha = -14,18$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 8

Индекс интенсивности социально-политической дестабилизации для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 2011 по 2012 г.

Pic. 8. The index of intensity of socio-political destabilization for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 2011 to 2012
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

Таб. 5

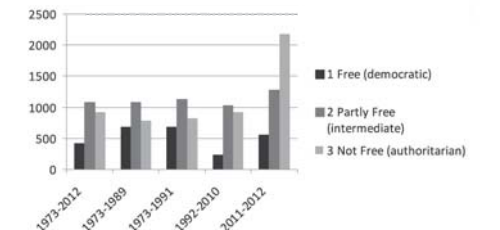
Корреляционная матрица индекса интенсивности социально-политической дестабилизации относительно пар политий				
		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-2,369	-4,608
	<i>α</i> (2-tailed)		0,018	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	-2,369		-1,707
	<i>α</i> (2-tailed)	0,018		0,089
3 Not Free	<i>t</i>	-4,608	-1,707	
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001	0,089	

Table 5. Correlation matrix of the intensity index of socio-political destabilization relative to pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS (t-критерий для независимых выборок)

При рассмотрении отдельного периода с 2011 по 2012 года, показатель индекса для демократий и промежуточных, отличается в два раза (560 и 1278 соответственно), что статистически значимо ($t = -2,369$; $\alpha = 0,018$). С другой стороны, различие между автократиями, демократиями и промежуточными режимами, в этом случае оказывается в несколько раз больше (в 4 и 2 раза), но по-прежнему, безусловно, статистически значимо ($t = -4,608$, $\alpha = << 0,001$ – для пары консолидированной демократии – автократии и не значимо $t = -1,707$, $\alpha = 0,089$ – для пары промежуточной демократии и автократии). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 9

Индекс интенсивности социально-политической дестабилизации для демократических, авторитарных и промежуточных режимов

Pic. 9. The index of intensity of socio-political destabilization for democratic, authoritarian and intermediate regimes for all considered periods
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic9

В результате поиска закономерностей между таким индикатором CNTS, как индекс интенсивности социально-политической дестабилизации, и индексом Freedom House, были получены следующие результаты:

1. До 1989 года феномен социально-политической дестабилизации не был характерен ни для одного из типов режимов и по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации совершенно четко прослеживалась.

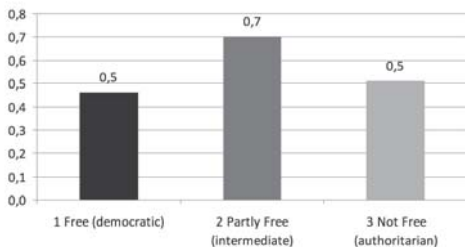
2. С 1989 и по 2010 происходил некий циклический процесс с большими амплитудами, но без U-образной зависимости.

3. Период 2011–2012 опять выступает неким артефактным периодом, связанным с развитием цветных революций в мире.

Тестирование зависимости между интенсивностью антиправительственных демонстраций (domestic8) и типами политий

Рис. 10

Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 2012 г.

Pic. 10. The index of intensity of anti-government demonstrations for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 2012

Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic8

Таб. 6

Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-4,424	-0,682
	<i>α</i> (2-tailed)		<< 0,0001	0,495

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
2 Partly Free	<i>t</i>	-4,424		2,554
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001		0,011
3 Not Free	<i>t</i>	-0,682	2,554	
	<i>α</i> (2-tailed)	0,495	0,011	

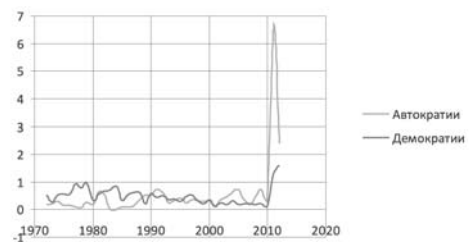
Table 6. Correlation matrix of the intensity index of anti-government demonstrations regarding pairs of polities

Примечание: обработка через SPSS
(*t*-критерий для независимых выборок)

Как мы видим из рис. 10, в период с 1973 по 2012 года среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций в консолидированных демократиях (0,46) была почти такой же, как и в авторитарных режимах (0,51). Различие между ними по этому показателю было не значимо ($t = -0,682$, $\alpha = 0,495$). С другой стороны в авторитарных государствах среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций была почти на половину меньше (0,7), чем и в промежуточных режимах. Это различие является статистически значимым ($t = -4,424$, $\alpha = << 0,001$). Различие промежуточного типа режима с демократией (порядка 2 раз) является также значимым ($t = -4,424$, $\alpha = << 0,001$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается.

Рис. 11

Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одну страну демократического типа и одну страну авторитарного типа за один год

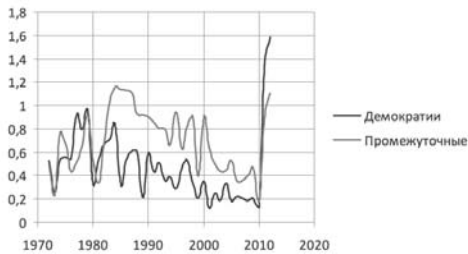
Pic. 11. The dynamics of the average numbers of anti-government demonstrations in one country of a democratic type and one country of an autocratic type in one year

Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic8

На *рис. 11* видно, что феномен антиправительственных демонстраций до 2000 годов ни в демократиях, ни в автократиях активно развит не был. Скорее всего, он непосредственно связан с таким новым явлением, как цветные революции в демократических и авторитарных государствах (особенно это проявляется с 2010 года). Стоит отметить, что если цветные революции так или иначе являются особенностью демократических государств (в авторитарных жестко пресекают любые попытки демонстрантов выйти на улицы – пример с Болотной площадью), то в таком случае не совсем понятно, почему динамика демонстраций зашкаливает именно в автократических государствах в 2010–2011 годах.

Рис. 12

Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одну страну демократического типа и одну страну промежуточного типа за один год

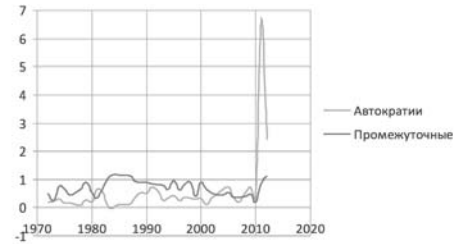

Pic. 12. Dynamics of the average numbers of anti-government demonstrations per democratic-type country and one intermediate-type country in one year
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic8

Динамика демонстраций в демократиях и промежуточных режимах практически совпадает.

Рис. 13

Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одну страну автократического типа и одну страну промежуточного типа за один год

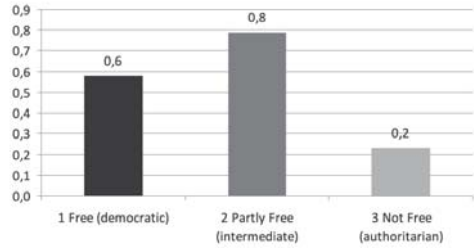
Pic. 13. Dynamics of the average numbers of anti-government demonstrations per one country of an autocratic type

and one country of an intermediate type in one year
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic8

По сравнению с автократическими режимами, в промежуточных видно равновесное состояние интенсивности антиправительственных демонстраций.

Рис. 14

Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1989 г.

Pic. 14. The index of intensity of anti-government demonstrations for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 1989
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic8

Таб. 7

Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-2,149	5,425
	α (2-tailed)		0,032	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	-2,149		6,588
	α (2-tailed)	0,032		<< 0,0001
3 Not Free	<i>t</i>	5,425	6,588	
	α (2-tailed)	<< 0,0001	<< 0,0001	

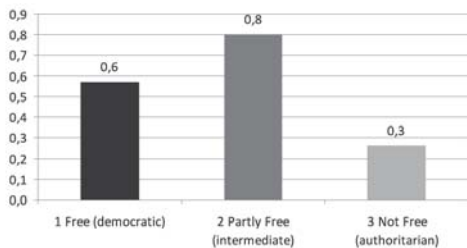
Table 7. Correlation matrix of the intensity index of anti-government demonstrations regarding pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS (t-критерий для независимых выборок)

Как мы видим из *рис. 14*, в период до 1989 года среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций в промежуточном типе (0,79) почти в два раза больше, чем в демократическом (0,58)

и в четыре раза больше, чем в авторитарном (0,23). Эта разница статистически значима для каждой из пары ($t = -2,149$, $\alpha = 0,032$ – для пары консолидированной демократии - промежуточного и $t = 6,588$, $\alpha = << 0,001$ – для пары промежуточной демократии и автократии). Разница между авторитарным и демократическим типами режимов достигает двух раз, что также статистически значимо ($t = 5,425$, $\alpha = << 0,0001$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается.

Рис. 15

Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1991 г.

Pic. 15. The index of intensity of anti-government demonstrations for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 1991

Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic8

Таб. 8

Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	t		-2,579	5,077
	α (2-tailed)		0,01	<< 0,0001
2 Partly Free	t	-2,579		6,76
	α (2-tailed)	0,01		<< 0,0001
3 Not Free	t	5,077	6,76	
	α (2-tailed)	<< 0,0001	<< 0,0001	

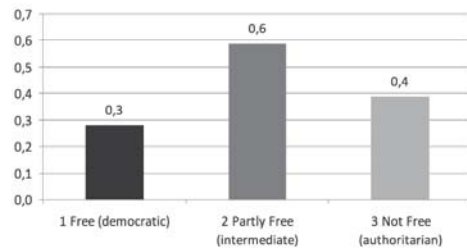
Table 8. Correlation matrix of the intensity index of anti-government demonstrations on pairs of polities

Примечание: обработка через SPSS
(t-критерий для независимых выборок)

Результат аналогичен периоду до 1989 г. По данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 16

Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1992 по 2010 г.

Pic. 16. The index of intensity of anti-government demonstrations for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1992 to 2010

Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic8

Таб. 9

Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	t		-6,922	-2,553
	α (2-tailed)		<< 0,0001	0,011
2 Partly Free	t	-6,922		3,217
	α (2-tailed)	<< 0,0001		0,001
3 Not Free	t	-2,553	3,217	
	α (2-tailed)	0,011	0,001	

Table 9. Correlation matrix of the intensity index of anti-government demonstrations regarding pairs of polities

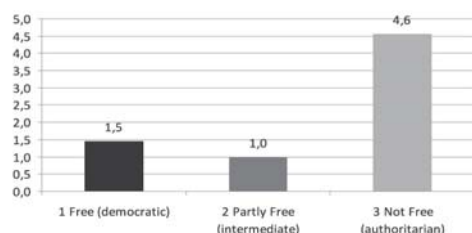
Примечание: обработка через SPSS (t-критерий для независимых выборок)

Как видно из таб. 10, с 1992 по 2010 года включительно наиболее неустойчивым режимом продолжает оставаться промежуточные демократии (0,59). Несмотря на то, что авторитарные режимы не сильно отстают от промежуточных (0,39), отсутствие разницы статистически значимо ($t = 3,217$; $\alpha = 0,01$) Разница же с демократиями порядка двух раз (0,28), что тоже значимо статистически ($t = -6,922$; $\alpha = << 0,0001$). С другой стороны,

различие между автократиями с одной стороны и демократиями с другой, безусловно, статистически значимо ($t = -2,553$, $\alpha = 0,011$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается.

Рис. 17

Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 2011 по 2012 г.

Pic. 17. The index of intensity of anti-government demonstrations for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 2011 to 2012

Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic8

Таб. 10

Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	t		0,829	-2,892
	α (2-tailed)		0,408	0,004
2 Partly Free	t	0,829		-3,076
	α (2-tailed)	0,408		0,002
3 Not Free	t	-2,892	-3,076	
	α (2-tailed)	0,004	0,002	

Table 10. Correlation matrix of the intensity index of anti-government demonstrations regarding pairs of polities

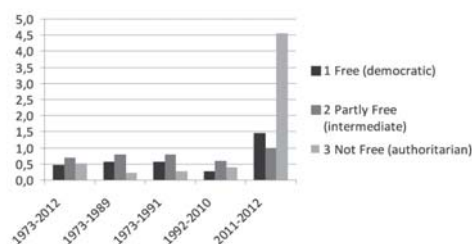
Примечание: обработка через SPSS
(t -критерий для независимых выборок)

При рассмотрении отдельного периода с 2011 по 2012 года, показатель индекса для демократий и промежуточных, отличается на 25% (1,46 и 0,99 соответственно), но статистически это различие не

значимо ($t = 0,829$; $\alpha = 0,408$). С другой стороны, различие между автократиями с одной стороны и демократиями и промежуточными режимами, с другой, в этом случае оказывается в несколько раз больше (в 2 и 3 раза), но по-прежнему, безусловно, статистически значимо ($t = -2,892$, $\alpha = 0,004$ – для пары консолидированной демократии – автократии и $t = -3,076$, $\alpha = 0,002$ – для пары промежуточной демократии и автократии). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 18

Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов по всем рассмотренным периодам

Pic. 18. The index of intensity of anti-government demonstrations for democratic, authoritarian and intermediate regimes for all considered periods

Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic8

В результате поиска закономерностей между таким индикатором CNTS, как индексом интенсивностью антиправительственных демонстраций, и индексом Freedom House, были получены следующие результаты:

1. До 2011 года феномен антиправительственных демонстраций не был характерен ни для одного из типов режимов и по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации совершенно четко прослеживалась.

2. Период 2011–2012 опять выступает неким артефактным периодом, связанным с развитием цветных революций в мире.

Тестирование зависимости между интенсивностью политического забастовочного движения (domestic2) и типами политий

Рис. 19

Индекс интенсивности политических забастовок для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 2012 г.

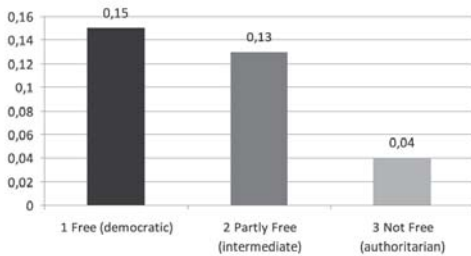

Рис. 19. The index of intensity of political strikes for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 2012

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic2

Таб. 11

Корреляционная матрица индекса интенсивности политических забастовок относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		1,211	7,846
	<i>α</i> (2-tailed)		0,226	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	1,211		7,258
	<i>α</i> (2-tailed)	0,226		<< 0,0001
3 Not Free	<i>t</i>	7,846	7,258	
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001	<< 0,0001	

Table 11. Correlation matrix of the intensity index of political strikes relative to pairs of politics
примечание: обработка через SPSS
(t-критерий для независимых выборок)

Как видно из таб. 11, в период с 1973 по 2012 г. среднегодовая интенсивность политических забастовок в промежуточных режимах (0,13) была почти такой же, как и в консолидированных демократиях (0,15), и различие по этому показателю статистически незначимо ($t = 1,21$, $\alpha = 0,23$). С другой сторо-

ны, в автократических государствах среднегодовая интенсивность политических забастовок была почти в три раза меньше (0,04), чем и в промежуточных режимах. Это различие является статистически значимым ($t = 7,3$, $\alpha = << 0,001$). Тем не менее, различие автократии с демократией (порядка 200%) является также значимым ($t = 7,85$, $\alpha = << 0,001$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 20

Динамика средних чисел политических забастовок на одну страну демократического типа и одну страну автократического типа за один год

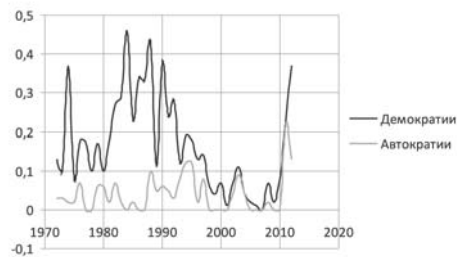

Рис. 20. Dynamics of the average number of political strikes per country of a democratic type and one country of an autocratic type in one year

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic2

Как видно на рис. 20, в демократиях с 1973 г. по 1991 г. наблюдался наиболее активный период максимальных колебаний политических забастовок, который связан прежде всего с тем, что во многих недавно созданных государствах по окончании Второй Мировой войны проходили гражданские войны за поиск консенсуса во власти, во-вторых, ближе к 90-ым годам в результате начинающегося развала Советского Союза. Промежуток времени с 1991 по 2009 гг. характеризовался равномерным снижением политических забастовок в демократических странах, с некоторыми небольшими, но выходящими из тренда понижения, флуктуациями в 2004 и 2009 годах, связанными с событиями в постсоветских государствах («Тюльпановая» революция в Киргизии, и «Оранжевая» революция на Украине) и с событиями мирового финансового кризиса в западных странах. С 2010 года происходит резкий подъем, напоминающий события в

распадающемся СССР, связанный в первую очередь с появлением новой тенденции мирового развития под названием «Оссиру...», при котором люди начинали образовывать различные живые несанкционированные лагеря, в прямом смысле этого слова, у зданий федерального государственного значения в знак протеста против их политики.

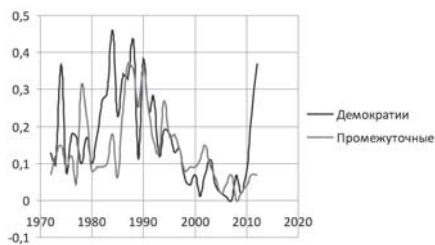
В авторитарных государствах ситуация обратная – благодаря тому, что политика в своей совокупности носила жесткий характер, любые забастовки разгонялись прямым образом, в особенности до 2010 года. С 2010 года происходит резкий рост интенсивности забастовок в авторитарных государствах, связанных с выходом на улицы людей в арабских странах (далее этот феномен получил название «Арабская весна»).

Интересно отметить, что и в демократиях, и в авторитариях тенденции понижающейся волны с 1991 года совпадают (с разным масштабом, конечно), а в 2004 г. они накладываются друг на друга.

Также существенным результатом является то, что после резкого скачка в обоих типах режимов в 2010 году, в 2011 ситуация диаметрально различается – в демократиях волна продолжается, а в авторитариях, напротив, идет на понижение.

Рис. 21

Динамика средних чисел политических забастовок на одну страну демократического типа и одну страну промежуточного типа за один год

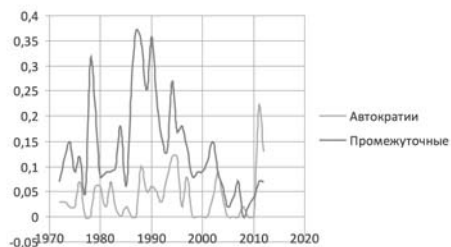
Pic. 21. Dynamics of the average number of political strikes per democratic country and one country of intermediate type in one year
Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic2

Для промежуточных режимов на рис. 21 до 1987 года наблюдался относительно стабильный период низкой интенсивности массовых беспорядков с отдельными всплесками в 1978 году и в 1985 гг.; с 1988 и до 2010 года ди-

намика совпадает с динамикой в демократических государствах, в то время как до 2010 г. наблюдается постепенное нивелирование волны с циклическими незначительными всплесками в определенные годы (1994, 2002, 2006, 2011).

Рис. 22

Динамика средних чисел политических забастовок на одну страну авторитарного типа и одну страну промежуточного типа за один год

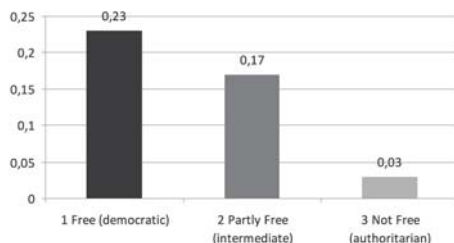

Pic. 22. Dynamics of the average number of political strikes per country of an autocratic type and one country of an intermediate type in one year
Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic2

Касательно сравнения динамики интенсивности политических забастовок между авторитариями и промежуточными режимами, видно из рис. 21 видно, что они проходят в диаметрально противоположных плоскостях до 2004 г., с этого момента динамика в промежуточных постепенно падает, в то время как в авторитариях наоборот, начинает преобладать (в связи с феноменом «Арабской весны», войны в Сирии и т.д., произошедших в авторитарных режимах).

Рис. 23

Индекс интенсивности политических забастовок для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1989 г.

Pic. 23. The index of intensity of political strikes for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 1989
Источники: Freedom in the World 2015;
CNTS 2015: domestic2

Таб. 12

Корреляционная матрица индекса интенсивности политических забастовок относительно пар политий

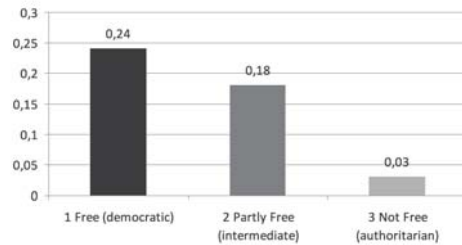
		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		2,048	8,666
	<i>α</i> (2-tailed)		0,041	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	2,048		6,666
	<i>α</i> (2-tailed)	0,041		<< 0,0001
3 Not Free	<i>t</i>	8,666	6,666	
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001	<< 0,0001	

Table 12. Correlation matrix of the intensity index of political strikes relative to pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS
(*t*-критерий для независимых выборок).

Как мы видим, в период с 1973 по 1989 года среднегодовая интенсивность политических забастовок в промежуточных режимах (0,17) была практически такой же высокой, как и в консолидированных демократиях (0,23). Различие между ними по этому показателю значимо ($t = 2,05$, $\alpha = 0,04$), что доказывает связь между этими двумя типами режимов в данный промежуток времени. С другой стороны, в авторитарных государствах среднегодовая интенсивность политических забастовок была почти в пять раз меньше (0,03), чем и в демократиях и в промежуточных режимах. Это различие является, безусловно, статистически значимым ($t = 8,7$, $\alpha = << 0,001$ – для пары консолидированной демократии – авторитарии и $t = 6,7$, $\alpha = << 0,001$ – для пары промежуточной демократии и авторитарии). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 24

Индекс интенсивности политических забастовок для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1991 г.

Pic. 24. The index of intensity of political strikes for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1973 to 1991

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic2

Таб. 13

Корреляционная матрица индекса интенсивности политических забастовок относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		1,944	8,964
	<i>α</i> (2-tailed)		0,052	<< 0,0001
2 Partly Free	<i>t</i>	1,944		7,416
	<i>α</i> (2-tailed)	0,052		<< 0,0001
3 Not Free	<i>t</i>	8,964	7,416	
	<i>α</i> (2-tailed)	<< 0,0001	<< 0,0001	

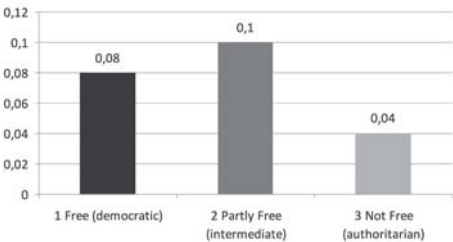
Table 13. Correlation matrix of the intensity index of political strikes relative to pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS (*t*-критерий для независимых выборок).

Как видно из рис. 24, в период с 1973 по 1991 г. среднегодовая интенсивность политических забастовок в промежуточных режимах (0,18) была практически такой же высокой, как и в консолидированных демократиях (0,24). Различие между ними по этому показателю значимо ($t = 1,94$, $\alpha = 0,05$), что доказывает связь между этими двумя типами режимов в данный промежуток времени. С другой стороны, в авторитарных государствах среднегодовая интенсивность политических забастовок была почти в пять

раз меньше (0,03), чем и в демократиях, и в промежуточных режимах. Это различие является безусловно статистически значимым ($t = 8,964$, $\alpha = << 0,001$ – для пары консолидированной демократии – автократии и $t = 7,4$, $\alpha = << 0,001$ – для пары промежуточной демократии и автократии). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 25

Индекс интенсивности политических забастовок для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1992 по 2010 г.

Pic. 25. Index of intensity of political strikes for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 1992 to 2010

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic2

Таб. 14

Корреляционная матрица индекса интенсивности политических забастовок относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	t		-1,128	3,232
	α (2-tailed)		0,259	0,001
2 Partly Free	t	-1,128		4,033
	α (2-tailed)	0,259		<< 0,0001
3 Not Free	t	3,232	4,033	
	α (2-tailed)	0,001	<< 0,0001	

Table 14. Correlation matrix of the intensity index of political strikes relative to pairs of polities

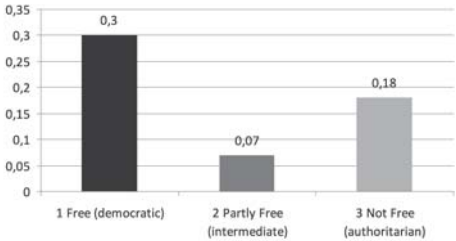
Примечание: обработка через SPSS (t-критерий для независимых выборок)

Согласно рис. 25 в период с 1992 по 2010 г., наиболее неустойчивыми режимами

оказываются режимы с индексами, близкими к 0,1 для консолидированных демократий и промежуточных режимов. Однако, статистически данная связь не значима ($t = -1,1$; $\alpha = 0,3$). С другой стороны, различие между автократиями, демократиями и промежуточными режимами в этом случае оказывается несколько меньше (в 2 и в 3 раза соответственно), но по-прежнему, безусловно, статистически значимо ($t = 3,2$, $\alpha = 0,001$ – для пары консолидированной демократии – автократии и $t = 4$, $\alpha = << 0,001$ – для пары промежуточной демократии и автократии). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 26

Индекс интенсивности политических забастовок для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 2011 по 2012 г.

Pic. 26. Index of intensity of political strikes for democratic, authoritarian and intermediate regimes from 2011 to 2012

Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic2

Таб. 15

Корреляционная матрица индекса интенсивности политических забастовок относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	t		2,132	0,938
	α (2-tailed)		0,034	0,349
2 Partly Free	t	2,132		-1,285
	α (2-tailed)	0,034		0,2
3 Not Free	t	0,938	-1,285	

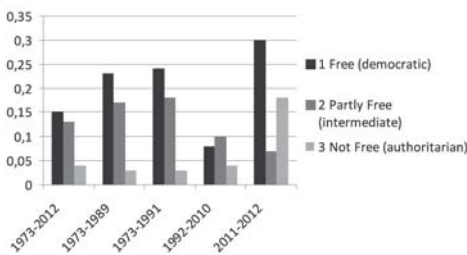
		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
	α (2-tailed)	0,349	0,2	

Table 5. Correlation matrix of the intensity index of political strikes relative to pairs of polities
Примечание: обработка через SPSS
(t-критерий для независимых выборок)

Последний период, который мы рассматриваем, демонстрирует новую тенденцию – на первый план по интенсивности политических забастовок выходят демократии (0,3) и автократии (0,07), разница между которыми достигает 4 раз, что статистически не значимо ($t = 0,9$; $\alpha = 0,35$). С другой стороны, различие между автократиями и демократиями с одной стороны и промежуточными режимами, с другой, в этом случае оказывается несколько меньше (в 3 и в 2 раза соответственно), и по-разному статистически значимо: значимо для пары консолидированной демократии – промежуточной демократии ($t = 2,1$, $\alpha = 0,03$) и не значимо для пары промежуточной демократии и автократии ($t = -1,3$, $\alpha = 0,2$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации не прослеживается.

Рис. 27

Индекс интенсивности политических забастовок для демократических, авторитарных и промежуточных режимов по всем рассмотренным выше периодам

Pic. 27. The index of intensity of political strikes for democratic, authoritarian and intermediate regimes for all periods discussed above
Источники: Freedom in the World 2015; CNTS 2015: domestic2

В результате поиска закономерностей между таким индикатором CNTS, как индексом интенсивности политических забастовок,

и Индексом Freedom House, были получены следующие результаты:

1. Индекс интенсивности политических забастовок требует рассмотрения трех отдельных периодов – до 1991 включительно; с 1992 по 2010; и с 2011 по 2012. Связанно это с тем, что за это время было пережито три фазовых перехода («Холодная война», распад СССР, феномен «Новейшей истории»), которые имеют различные характерные особенности.

2. Политические забастовки, при допущении, что период 1992 – 2010 так или иначе относится к преобладанию забастовок в квазидемократиях, преобладают исключительно в демократических странах, что доказывает то, что демократические страны пока что являются наиболее устойчивыми формами политического устройства (до революций обычно в таких типах режимов не доходит, а различных профсоюзных демонстраций достаточно много).

3. Период 2011–2012 открывает новый фазовый переход (с большим преобладанием интенсивности забастовок в демократиях), который необходимо исследовать отдельно.

4. U-образная зависимость между типами политий и показателем социально-политической дестабилизации совершенно не прослеживается ни на одном из проанализированных этапов.

Выводы

В данной статье был произведен анализ зависимостей между отобранными показателями в базе данных CNTS и типами политий по Freedom House. Из этих 200 переменных мы остановились на следующих, которые проверили, а именно: индекс социально-политической дестабилизации (или *domestic9* в базе данных CNTS), политические забастовки (*general strikes* или *domestic2* в базе данных CNTS), антиправительственные демонстрации (*anti-government demonstrations*, *domestic8* в базе данных CNTS).

1. На протяжении всех периодов наиболее характерными явлениями для всех трех типов политий были политические забастов-

ки, в то время как антиправительственных демонстраций практически не было.

2. Если же говорить о U-образной зависимости, она описывает зависимость между типами политических и индексом социально-политической дестабилизации и антиправительственными демонстрациями, в то время как зависимость между типами политических и политическими забастовочными движениями подобная зависимость отсутствует.

3. Период 2011-2012 представляет собой совершенно новый период в развитии, который невозможно было спрогнозировать (по всем индексам).

Литература:

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Революция vs демократия // *Полис*. – 2014. – № 3. – С. 139–158.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. – М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2012.

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Зинькина Ю.В. Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире: опыт количественного анализа // *Политическая наука*. – 2016. – №4. – С. 159–185.

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 4. – С. 72–94.

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // *Полис*. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 155–169.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 119–127.

Коротаев А.К., Васькин И.А., Билюга С.Э. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // *Социологическое обозрение*. – 2017. – № 1. – С. 9–49.

Малков С.Ю.; Коротаев А.В.; Исаев Л.М.; Кузьмина Е.В. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // *Полис*. Политические исследования. – 2013. – № 4. – С. 137–162.

Banks, Arthur S.; Wilson Kenneth A. Cross-National Time-Series Data Archive / Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>

Freedom House. Freedom in the World. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/methodology#VeVBePntmko>

Gates, Scott; Hegre, Håvard; Jones, Mark P., Strand, Håvard. Institutional consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800-1998. Presented at the annual meeting of American Political Science Association, Washington D.C., 2000.

1800-1998. Presented at the annual meeting of American Political Science Association, Washington D.C., 2000.

Goldstone, Jack A.; Bates, Robert H.; Epstein, David L.; Gurr, David L.; Marshall, Monty G.; Lustik, Michael B.; Woodward, Mark; Ulfelder, Jay. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, No.1, pp. 190-208.

Goldstone, Jack A.; Gurr, Ted Robert; Harff, Barbara; Levy, Marc A.; Marshall, Monty G.; Bates, Robert H.; Epstein, David L.; Kahl, Colin H.; Surko, Pamela T.; Ulfelder, Jay; Unger, John C.; Unger, Alan N. State Failure Task Force Report: Phase III Findings. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC), 2000. Mode of access: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>

Grinin, Leonid; Korotayev, Andrey. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*, 2012, Vol. 68/7, pp. 471-505.

Grinin, Leonid; Korotayev, Andrey. Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. In *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization*. Editor: Endre Kiss. Arisztotelész Kiadó (Publisherhouse Arisztotelész). Budapest, 2014.

Korotayev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Malkov, Sergey Y.; Shishkina, Alisa R. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring // *Central European Journal of International and Security Studies*, 2013, Vol. 7 (4), pp. 28-58.

Korotayev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Malkov, Sergey Y.; Shishkina, Alisa R. The Arab Spring: A Quantitative Analysis // *Arab Studies Quarterly*, 2014, Vol. 36 (2), pp. 149-169.

Korotayev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Zinkina, Julia. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49 (5), pp. 461-488.

Mansfield, Edward D.; Snyder, Jack. Democratization and the Danger of War // *International Security*, 1995, Vol. 20 (1), pp. 5-38.

Marshall, Monty G.; Cole, Benjamin R. A Macro Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association.

Ulfelder, Jay; Lustik, Michael. Modeling Transitions to and from Democracy // *Democratization*, 2007, Vol. 14 (April), pp. 351-387.

Vreeland, James R. The Effect of Political Regime on Civil War // *Journal of Conflict Resolution*, 2008, Vol. 52(3), pp. 401-425.

References:

Banks, Arthur S.; Wilson Kenneth A. Cross-National Time-Series Data Archive / Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>

Freedom House. Freedom in the World. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/methodology#VeVBePntmko>

Gates, Scott; Hegre, Håvard; Jones, Mark P., Strand, Håvard. Institutional consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800-1998. Presented at the annual meeting of American Political Science Association, Washington D.C., 2000.

Goldstone, Jack A.; Bates, Robert H.; Epstein, David L.; Gurr, David L.; Marshall, Monty G.; Lustik, Michael B.; Woodward, Mark; Ulfelder, Jay. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, No.1, pp. 190-208.

Goldstone, Jack A.; Gurr, Ted Robert; Harff, Barbara; Levy, Marc A.; Marshall, Monty G.; Bates, Robert H.; Epstein, David L.; Kahl, Colin H.; Surko, Pamela T.; Ulfelder, Jay; Unger, John C.; Unger, Alan N. State Failure Task Force Report: Phase III Findings. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC), 2000. Mode of access: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>.

Grinin, L.E.; Korotayev, A.V. Revolyutsiya vs demokratiya (Revolution vs Democracy) // *Polis*, 2014, No. 3, pp. 139-158.

Grinin, L.E.; Korotayev, A.V. Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoj Mir-Sistemy (Cycles, Crises and Traps of Contemporary World-System). Issledovanie kondrat'evskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek. Moscow: Izdatel'stvo LKI/URSS, 2012.

Grinin, Leonid; Korotayev, Andrey. Does "Arab Spring" Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*, 2012, Vol. 68/7, pp. 471-505.

Grinin, Leonid; Korotayev, Andrey. Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. In *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization*. Editor: Endre Kiss. Arisztotelész Kiadó (Publisherhouse Arisztotelész). Budapest, 2014.

Korotaev, A.K.; Vas'kin, I.A.; Biliuga, S.E. Gipoteza Olsona-Khantingtona o krivolineinoi zavisimosti mezhd urovnemekonomicheskogo razvitiia i sotsial'no-politicheskoi destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza (Hypothesis of Olson-Huntington about a Curvilinear Relationship between the Level of Economic Development and Socio-Political Destabilization: Experience in Quantitative Analysis) // *Sociological Review*, 2017, No. 1, pp. 9-49.

Korotaev, A.V.; Biliuga, S.E.; Shishkina, A.R. Ekonomicheskii rost i sotsial'no-politicheskai destabilizatsiia: opyt global'nogo analiza (Economic Growth and Socio-Political Destabilization: the Experience of Global Analysis) // *Polis. Political Studies*, 2017, No. 2, pp. 155-169.

Korotaev, A.V.; Biliuga, S.E.; Shishkina, A.R. VVP na dushu naseleniia, uroven' protestnoi aktivnosti i tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza [GDP per Capita, the Level of Protest Activity and Mode Type: Experience in Quantitative Analysis] // *Comparative Politics*, 2016, No. 4 (25), pp. 72-94.

Korotaev, A.V.; Biliuga, S.E.; Zin'kina, Iu.V. Tseny naft kak faktor sotsial'no-politicheskoi destabilizatsii gosudarstv v sovremennom mire: opyt kolichestvennogo analiza (Oil Prices as a Factor of Socio-Political Destabilization of States in the Modern World: Experience of Quantitative Analysis) // *Political Science*, 2016, No. 4, pp. 159-185.

Korotayev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasil'ev, A.M. Kolichestvennyj analiz revolyutsionnoj volny 2013–2014 gg. (Quantitative Analysis of Revolutionary Wave 2013–2014) // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, No. 8 (376), pp. 119-127.

Korotayev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Malkov, Sergey Y.; Shishkina, Alisa R. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring // *Central*

European Journal of International and Security Studies, 2013, Vol. 7 (4), pp. 28-58.

Korotayev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Malkov, Sergey Y.; Shishkina, Alisa R. The Arab Spring: A Quantitative Analysis // *Arab Studies Quarterly*, 2014, Vol. 36 (2), pp. 149-169.

Korotayev, Andrey V.; Issaev, Leonid M.; Zinkina, Julia. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49 (5), pp. 461-488.

Malkov, S.Yu.; Korotayev, A.V.; Isaev, L.M.; Kuz'minova, E.V. O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytij Arabskoj vesny (On Analysis Methodology of Current Social Instability: Arab Spring Case) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2013, No. 4, pp. 137-162.

Mansfield, Edward D.; Snyder, Jack. Democratization and the Danger of War // *International Security*, 1995, Vol. 20 (1), pp. 5-38.

Marshall, Monty G.; Cole, Benjamin R. A Macro Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association.

Ulfelder, Jay; Lustik, Michael. Modeling Transitions to and from Democracy // *Democratization*, 2007, Vol. 14 (April), pp. 351-387.

Vreeland, James R. The Effect of Political Regime on Civil War // *Journal of Conflict Resolution*, 2008, Vol. 52(3), pp. 401-425.

THE TYPE OF REGIME AND INDICES OF SOCIO-POLITICAL INSTABILITY: THE EXPERIENCE OF QUANTITATIVE ANALYSIS

Stanislav E. Bilyuga

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 31 August 2017 <i>Accepted:</i> 16 November 2017	Abstract:The article provides an analysis of the dependencies between the individual indexes destabilization of the collected CNTS, and types of regimes (“Freedom House”) from 1973 to 2012. Review and analysis is conducted through the prism of four stages of time: 1) 1973-2012; 2) 1973-1991: 2.1) 1973-1989; 2.2) 1973-1991; 3) 1992-2010; 4) 2011- 2012. <i>Acknowledgements: The article is prepared with support of the Russian Foundation for Basic Research, No. 15-06-03655 “Mathematical modeling of destabilization of social and political systems in the conditions of globalization”</i>
About the author: Junior Researcher, the Scientific and Training Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, Higher School of Economics; Postgraduate student, the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, the Center for Long-Term Forecasting and Strategic Planning, Moscow State University e-mail: sbilyuga@gmail.com	
Key words: modeling instabilities; instability forecasting, types of polities, destabilization indices	

Для цитирования: Билюга С.Э. Тип режима и индексы социально-политической нестабильности: опыт количественного анализа // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 95-112.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-95-112

For citation: Bilyuga, Stanislav E. Tip rezhima i indeksy sotsial’no-politicheskoi nestabil’nosti: opyt kolichestvennogo analiza (The Type of Regime and Indices of Socio-Political Instability: the Experience of Quantitative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 95-112.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-95-112

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-113-126>

АРАБСКАЯ ВЕСНА И ЕЁ ГЛОБАЛЬНОЕ ЭХО: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Кира Владимировна Мещерина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Институт Африки РАН, Москва, Россия

Екатерина Дмитриевна Куликова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Василий Георгиевич Дельянов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 июля 2017 <i>Принята к печати:</i> 15 ноября 2017	Аннотация: В статье исследуется рост социально-политической нестабильности в мире после начала Арабской весны. Показано, что события в арабском мире выступили в качестве триггера глобальной волны социально-политической дестабилизации, значительно превысившей масштабы самой Арабской весны и затронувшей абсолютно все мир-системные зоны. Однако проявилась эта дестабилизационная волна в других макроразнонах поразному и не вполне синхронно. Авторы исследуют масштабы глобального эха Арабской весны на основе четырех показателей дестабилизации международной базы данных Cross-National Time Series (CNTS) – антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, политические забастовки, террористические акты / «партизанские действия», систематически сравнивая данные по этим показателям в арабских странах и в остальном мире. При этом общая динамика дестабилизационных процессов рассматривается за более продолжительный период – с 1920 по 2015 гг. <i>Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00476.</i>
Об авторах: <i>Коротаев А.В.</i>, доктор философии (PhD), д.и.н., профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН e-mail: akorotayev@gmail.com <i>Мещерина К.В.</i>, младший научный сотрудник, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ; младший научный сотрудник, Институт Африки РАН e-mail: k.meshcherina@hotmail.com <i>Куликова Е.Д.</i>, стажер-исследователь, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ e-mail: katerina.kulikova.97@inbox.ru <i>Дельянов В.Г.</i>, стажер-исследователь, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ e-mail: vasilaki.97@mail.ru	
Ключевые слова: Арабская весна; дестабилизационные процессы; арабские страны; Мир-Система; макрорегионы; количественный анализ; CNTS; антиправительственные демонстрации; массовые беспорядки; политические забастовки; террористические акты / «партизанские действия»	

Проведенные нами сравнительные количественные исследования показали, что с началом событий Арабской весны 2011 г. наблюдался очень значительный, а в какой-то мере взрывообразный рост подавляющего числа показателей динамики социально-политической дестабилизации – для антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков, политических забастовок, террористических актов/партизанских действий. Подобный рост прослеживался практически во всех мир-системных макроразонах в связи с чем не будет преувеличением сказать, что события 2011 г. в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) выступили в качестве триггера глобальной дестабилизационной волны 2011–2015 гг., значительно превысившей масштабы самой Арабской весны.

Изменению динамики социально-политической дестабилизации в арабских странах и в остальном мире после 2011 г. на сегодняшний день посвящено немало исследований. Так, большая часть исследователей, рассматривая события в Европе в 2011–2012 гг. и называя их «Европейской весной», сходятся во мнении о том, что рост недовольства в этой части света начался еще ранее, чем собственно протесты в арабском мире, и стал следствием ответа на экономический коллапс и кризис банковской сферы в ряде стран Евросоюза в результате глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В пример приводятся осенние протесты в Исландии 2008 г. и в Греции в декабре 2008 г., едва не переросшие в революцию¹.

Однако К. Фомина, анализируя природу событий, не дает однозначного ответа, считать ли финансово-экономический

кризис 2008 г. и ухудшение экономической ситуации в мире в целом триггером для подъема протестных движений в арабских странах в 2011 г., например в Тунисе, а затем в Египте, признавая этот вопрос спорным. При этом К. Фомина² пытается привлечь внимание к другому исследователю Р. Бушу³ и его работе, посвященной мировому продовольственному кризису 2007–2008 г. или «хлебным бунтам», которые прокатились в более чем 25 государствах Африки, Азии, Ближнего Востока и др. и в действительности могли сыграть свою негативную роль в дальнейших экономических и политических процессах в арабских странах⁴.

К. Оливер рассматривает волну протестов, начавшуюся как глобальное движение с акта самосожжения торговца фруктами в Тунисе в конце декабря 2010 г. как революционный феномен. Эта волна создала пространство для пересмотра фундаментальных политических концептов о демократии и социальной справедливости. Он пишет, что изменения в структуре мировой экономики, финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., ослабление валюты евро в Греции, Испании, Ирландии и Португалии, рост неолиберальных ценностей и глобального капитализма и сопутствующие кризисные явления, связанные с повышением уровня безработицы и усилением неравенства сформировали почву для проявления народного недовольства. Волнения в ряде европейских стран на фоне стагнации экономики в 2009 гг., новый рост протестной активности в 2011–2012 гг. и политика жесткой экономии удачно встраиваются автором в понятие «цикл протестов». Он ссылается на массовые беспорядки и

¹ Shihade, M.; Fominaya, C.F.; Cox, L. The Season of Revolution: the Arab Spring and European mobilizations // *Interface: a Journal for and about Social Movements*, 2012, No. 4(1), pp. 1-16; Fominaya, C.F. Social Movements and Globalization: How Protests, Occupations and Uprisings are Changing the World. Palgrave Macmillan, 2014; Olivier, C. Materializing the Global Dimensions of the Arab Spring over Space and Time. Universiteit Gent. Faculteit Politieke en Sociale Wetenschappen, 2014. Mode of access: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/167/265/RUG01-002167265_2014_0001_AC.pdf

² Fominaya, C.F. Social Movements and Globalization: How Protests, Occupations and Uprisings are Changing the World. Palgrave Macmillan, 2014.

³ Bush, R. Food Riots, Poverty, Power and Protest // *Journal of Agrarian Change*, 2009, No. 10(1), pp. 119-129.

⁴ Примечательно, что революционной волне в Европе «Весна народов» (1848–1849) также предшествовал продовольственный кризис. Неурожайные 1845–1846 гг., экономический кризис 1847 г. резко ухудшили положение народных масс, особенно рабочих.

волнения – «IMF riots» (иными словами «беспорядки МВФ» сокр.: от *International Monetary Fund*) в 1990-е гг. в частности в ряде «стран глобального Юга», которые проводили неолиберальные реформы и бюджетные меры жесткой экономии из-за финансовых задолженностей перед Международным валютным фондом (МВФ)⁵.

А. Шиффрин и Е. Кирчер-Аллен указывают на то, что при анализе «глобальной весны» (сочетание, употребляемое авторами в заглавии издания), необходимо принимать во внимание множество факторов, но одним из главных они считают глобальную проблему безработицы среди молодежи. Так, по оценке авторов, массовые выступления в арабских странах в 2011 г. стали результатом противостояния между их непосредственными участниками (молодежь, студенты, рабочие и безработные) и многолетними авторитарными режимами, тотальной коррупцией и социальным неравенством. Отталкиваясь от этой точки зрения, они проецируют события в арабском мире на движения гражданского протеста в Нью-Йорке осенью 2011 г., на улице Уолл Стрит (Захвати Уолл-Стрит – Occupy Wall Street) и улицах других американских городов под лозунгами – «Нас 99%» (с участием в них большого процента молодежи) с требованиями экономических реформ, экономической справедливости, увеличения количества рабочих мест и т.д.⁶.

Дж. Скиннер сравнивает волнения Арабской весны и последующий рост движений «Оккупай» в мире не с точки зрения причин и факторов, связывающих события, а с точки зрения методов и способов нынешних форм протеста, а именно роли социальных медиа и информационных технологий, благодаря чему стало возможным моментально скоординировать события, движения, народные массы. Автор считает, что новые возможности позволяют легко выразить солидарность с протест-

ными движениями в разных регионах мира⁷. По мнению другого исследователя Дж. Зогби, социальные медиа в контексте протестной активности, следует рассматривать как клич, призыв во внешний мир, который ныне не имеет границ, и как инструмент, имеющий реальную силу у тех, кто им владеет⁸.

Л. Ойкономакис и Дж. Рус рассматривают начало глобальной волны протеста в 2011 г., рост движений «Индигнадос» (*Indignados*) в Испании и «Оккупай», получившие распространение из США в рамках социологического понятия – «общественное (социальное) движение». Авторы обращаются к концепту “*diffusion*” (рассеивание, распространение) или “*transnational diffusion*” (распространение между государствами), указывая на истоки этого концепта в работах Е. Каца⁹. Авторы пишут, что применительно к общественным (социальным) движениям концепт “*diffusion*” объясняется как некий механизм, с помощью которого те или иные движения зарождаются в одном месте, а затем распространяются на другие страны и регионы. Однако существует ряд допущений, согласно которым, по мнению авторов, такое распространение признается возможным. Во-первых, страны или регионы должны иметь схожие предпосылки для начала социальной мобилизации, во-вторых, там должна существовать некая автономная сеть активистов, в силу того, что ранее подобные движения уже были организованы. Л. Ойкономакис и Дж. Рус подчеркивают, что движения в других странах рождаются не по автокаталитической модели, а через реализацию новых скрытых возможностей народных масс, их внутреннего потенциала¹⁰.

⁵ Olivier, C. Materializing the Global Dimensions of the Arab Spring over Space and Time. Universiteit Gent. Faculteit Politieke en Sociale Wetenschappen, 2014. Mode of access: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/167/265/RUG01-002167265_2014_0001_AC.pdf

⁶ Schiffrin, A.; Kircher-Allen, E. From Cairo to Wall Street: Voices from the Global Spring. New York: The New Press, 2012.

⁷ Skinner, J. Social Media and Revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as Seen through Three Information Studies Paradigms // *Working Papers on Information Systems*, 2011, No. 11, p. 169.

⁸ Zogby, J. Whether in Egypt or America, It Takes Organization to Win. Huff Post World, 2011. Mode of access http://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html

⁹ Katz, E. Diffusion (Interpersonal Influence) // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. In D.L. Shils (ed) London: Macmillan, 1968.

¹⁰ Oikonomakis, L.; Roos, J. They Don't Represent Us! The Global Resonance of the Real Democracy

Довольно интересный подход и терминологию описания событий предлагают Р. Грин, К. Кусва, которые строят свое исследование на основе «карты региональных акцентов». Авторы интересуются, как волнения в арабском мире, маркированные как «карта арабских весенних протестов», могли породить протестные механизмы в других странах и регионах, и выдвигают предположение, что между движениями масс от Арабской весны до «Оккупай» существует образно говоря горизонтальный региональный акцент, который и складывает регионы протеста «друг в друга», порождая тем самым новые зоны протестной активности¹¹. С. Кертон предлагает несколько новаторскую идею об оценке событий Арабской весны, отталкивается от концепции ауры немецкого философа XX в. В. Бенямина. Она считает, что протестные движения в Египте сыграли ключевую роль в процессе инициирования глобальных массовых движений «Оккупай», а площадь Тахрир выступила как «ауратическое» место протеста и новой политической субъективности, которую и заимствовали активисты «Оккупай». Автор также привлекает к исследованию роль канадской некоммерческой организации *Abdusters Media Foundation*, известной за ее акции «неделя без телевизора», «день без покупок», диверсиями против рекламных кампаний и прочее, и которая, по мнению автора, выступила на первых этапах основным идеологом «оккупаевцев»¹².

Большой блок исследований посвящен событиям Арабской весны и их влиянию на соседние регионы. Так, Н. Данджибо пишет, что свержение авторитарных режимов в Египте, Ливии, Тунисе стало результатом наступления периода политической неопределенности в этих странах, что наихудшим

образом отразилось на политической ситуации в странах Сахеля и в целом Африки южнее Сахары, характеризующиеся затяжными военно-политическими и этническими конфликтами и недостаточным уровнем государственного управления, и создало платформу для активизации негосударственных вооруженных акторов¹³.

В поле исследования К. Кюри находится влияние событий Арабской весны на Китай, Мьянму и Малайзию. Она пишет, что страны Восточной и Юго-Восточной Азии и до арабских революций переживали периоды потрясений и нестабильности. Однако эхо Арабской весны 2011 г. отозвалось здесь своего рода демократическим импульсом, который проявился в виде политических движений за демократию, усилением оппозиции, подвижками и перестановками в аппаратах власти, политическими трансформациями. В качестве примера автор приводит февральские протесты 2011 г. в Китае под лозунгами «китайской жасминовой революции», отмечая, что Арабская весна проявила себя новыми образами и формированием новой тактики взаимодействия власти и общества¹⁴.

Арабская весна и ее глобальное эхо

От «Оккупай Уолл-стрит» до «Оккупай Абай» – так можно было бы обозначить географию многочисленных движений «Оккупай» (Оссуру), которые по сей день проходят в разных странах мира. В 2011–2012 гг. протестные акции наблюдались в США (Нью-Йорк, Детройт, Гарвардский университет и т. д.), в Великобритании (Лондон, Эдинбург, Глазго и т. д.), в Германии (в октябре 2011 г. устраиваются демонстрации «Оккупай Берлин» в Берлине и некоторых других крупных городах), в Норвегии (Осло), в многочисленных городах Канады, в Малайзии (Куала-Лумпур), в Австралии (Мельбурн и Сидней), в Новой Зеландии (Окленд и дру-

Movement from Indignados to Occupy. Spreading Protest: Social Movements in Times of Crisis. ESPR Press. University of Essex, 2014.

¹¹ Greene, R.; Kuswa, K. From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*, 2012, No. 42(3), pp. 271-288.

¹² Kerton, S. Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy // *Social Movement Studies*, 2012, No 11(3-4), pp. 302-308.

¹³ Danjibo, N. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*, 2013, No. 35(2), pp. 16-34.

¹⁴ Currie, K. Asia and the Arab Spring // *Culture and Society*, 2012, No. 12. pp. 294-297.

гие города), в Непале (Катманду), на Кипре, в Гане (Аккра), в Нигерии (Кано, Лагос, Абуджа), в Исландии (Рейкьявик), в Южной Африке (Йоханнесбург и Кейптаун), в Японии, в России и т.д.¹⁵

Крупные демонстрации и протесты в ответ на правительственную программу жесткой экономии (*Anti-austerity movement*) наблюдались в 2011–2012 гг. в ряде европейских стран, в частности в Греции (в нескольких крупных греческих городах активизировалось движение *Direct Democracy Now* (в солидарность с испанским движением *¡Democracia Real YA!*), Испании (на городские улицы выходят активисты политического движения «Реальная демократия сейчас!» (*¡Democracia Real YA!*), «Возмущенные» (*Indignados*) и «Движение 15-М»), Португалии, Исландии, Греции, Италии, Ирландии, Албании, Македонии, Болгарии и т.д.¹⁶

Нестабильная ситуация сохранялась в Грузии, Армении, Азербайджане, Белоруссии, в странах Латинской Америки – Мексике, Боливии, Перу, Аргентине, а также в Чили (в 2011–2013 гг. проходили массовые студенческие волнения), в Китае (в феврале 2011 г. в ряде городов Китая проходят

демонстрации оппозиционно настроенных граждан, после того, как в Интернете появились сообщения с призывом начать «китайскую жасминовую революцию»), в Индии, в Индонезии, в Шри-Ланке, в Иране и т.д.¹⁷

В феврале 2012 г. в ходе затянувшегося политического кризиса ушел в отставку президент Мальдив М. Нашид. В полную мощь разгорелась гражданская война в Сирии. Продолжились волнения и протесты в целом ряде арабских стран – на Бахрейне, в Кувейте, Восточной провинции Саудовской Аравии и т.д. В 2012 г. начинаются антиправительственные демонстрации в Румынии. Также серьезные дестабилизационные процессы и обострение существовавших уже конфликтов можно было наблюдать в некоторых странах Африки южнее Сахары – ЦАР, Демократическая Республика Конго. В Мали в январе 2012 г. вспыхнуло туарегское восстание, в ходе которого повстанцами была взята под контроль вся северная часть страны, а в Южном Судане в конце 2013 г. начинается вооруженный межэтнический конфликт между нуэр и динка¹⁸.

2013–2014 гг. характеризовались очередной волной антиправительственных выступлений. Среди них прежде всего следует выделить масштабные акции протеста в Египте, закончившиеся военным переворотом и отстранением от власти президента

¹⁵ Kerton, S. Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy // *Social Movement Studies*, 2012, No. 11(3-4), pp. 302-308; Danjibo, N. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*, 2013, No. 35(2), pp. 16-34; Currie, K. Asia and the Arab Spring // *Culture and Society*, 2012, No. 12. pp. 294-297; Occupy-Bewegung Berlin – Bürger, lass das Glotzen sein! // *Suddeutsche Zeitung*, 16 October 2011. Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/politik/occupy-bewegung-berlin-buerger-lass-das-glutzen-sein-1.1164700>; Breau, S. The Occupy Movement and the Top 1% in Canada // *Antipode*, 2014, No. 46 (1), pp. 13-33; Erde, J. Constructing Archives of the Occupy Movement // *Archives and Records*, 2014, No. 35 (2), pp. 77-92.

¹⁶ Outraged Greek Youth Follow Spanish Example // *Euronews*. 25 May 2011. Mode of access: <http://www.euronews.com/2011/05/25/outraged-greek-youth-follow-spanish-example>; Charnock, G.; Purcell, T.; Ribera-Fumaz, R. ¡ Indignat!: The 2011 Popular Protests and the Limits to Democracy in Spain // *Capital & Class*, 2012, No. 36 (1), pp. 3-11.

¹⁷ Hille, K. “‘Jasmine Revolutionaries’ Call for Weekly China Protests” // *The Financial Times*, 23 February 2011. Mode of access: <https://www.ft.com/content/3ac349d0-3efe-11e0-834e-00144feabdc0>; Hoesterey, J. Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy // *Review of Middle East Studies*, 2013, No. 47(1), pp. 56-62

¹⁸ Kumar, A. Multi-party Democracy in the Maldives and the Emerging Security Environment in the Indian Ocean Region. New Delhi: Pentagon Press, 2016; Gunter, M. The Kurdish Spring // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34(3), pp. 441-457; Koos, C.; Gutschke, T. South Sudan Newest War: When Two Old Men Divide a Nation // *Giga Focus* (German Institute of Global and Area Studies), 2014, No. 2; Besenyo, J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. BESENYÓ J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali // *AARMS: Academic & Applied Research in Military Science*, 2013, No. 12(2), pp. 247-271.

М. Мурси, протесты вокруг парка Таксим в Стамбуле и Анкаре, выступления в Тунисе против правительства, контролируемого умеренным исламистским движением «Нахда», «Евромайдан» в Украине в ноябре 2013 г. и начало затяжного политического кризиса, волнения в Абхазии (менее чем за неделю протестующим в Сухуми удалось добиться роспуска Кабинета министров и отставки президента А. Анкваба)¹⁹.

Митинги и демонстрации также проходили в столицах Венесуэлы (студенческие акции в Сан-Кристобале в феврале 2014 г.), Боснии и Герцеговины (митинги за отставку правительства в городах Тузла, Зеница и в особенности Сараево в феврале 2014 г.) и Таиланда (массовые протесты с последующим военным переворотом 2014 г. и формированием военного правительства). Еще одним ярким отголоском Арабской весны принято считать и т.н. революцию зонтиков в Гонконге в конце 2014 – начале 2015 гг., направленную против избирательной реформы, инициированной китайским правительством²⁰.

¹⁹ Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – №8. – с. 119–127 [Korotaev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasil'ev, A.M. Kolichestvennyy analiz revolyutsionnoy volny 2013-2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, No. 8 (376), pp. 119-127]; Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, No. 49(5), pp. 461-488.

²⁰ Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, No. 49(5), pp. 461-488; Goldstone J. 2014. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? // *Russia Direct*, 21.02.2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/analysis/protests-ukraine-thailand-andvenezuela-what-unites-them>; Nguyen, P.; Poling, G.B.; Rustici, K.B. 2014. Thailand in crisis. Scenarios and Policy Responses. SCIS Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies; Sagarzazu, I. Venezuela 2013: Un país a dos mitades [A country divided in two halves]. *Revista de ciencia política*, 2014, No. 34(1), pp. 315-328; Sejfija, I.; Fink-Hafner, D. Citizens'

В 2014 г. обострилась ситуация в некоторых странах, в которых имели место события Арабской весны. В 2014 г. в Ливии разразился военно-политический конфликт, что стало результатом срыва процесса национального примирения и привело к установлению фактического троевластия. Очередной политический кризис в 2014 г. случился в Йемене, где вновь актуализировались традиционные для страны проблемы севера и юга, а также произошла Хуситская революция сентября 2014 г. по модели «наступления с периферии». В результате, в сентябре 2014 г. власть в столице страны – Сане захватило движение «Ансар Аллах», что привело к бегству из столицы президента М. Хади и началу военной интервенции со стороны коалиции под руководством Саудовской Аравии²¹.

Среди наиболее масштабных протестов в 2015–2016 гг. стоит выделить более чем миллионные выступления в Бразилии, которые закончились импичментом и отставкой президента Д. Русеф. Мощные антиправительственные демонстрации в Бурунди в апреле 2015 г. спровоцировало заявление действующего президента П. Нкурунзиза о его намерении баллотироваться на третий срок. Летом 2015 г. обострился конфликт на юго-востоке Турции между турецкой армией и Рабочей партией Курдистана, который привел *де-факто* к гражданскому конфликту, а также началу турецкой операции «Щит

Protest Innovations in a Consociational System: the Case of Bosnia-Herzegovina // *Teorija in Praksa*, 2016, No. 53(1), pp. 184-202.

²¹ Мещерина К.В. Хаос в Ливии и нарастание геополитического кризиса. Арабский кризис. Угрозы большой войны. URSS 2016. С. 48-62 [Meshcherina, K.V. Khaos v Livii i narastanie geopoliticheskogo krizisa. Arabskiy krizis. Ugrozy bol'shoi voyny (Chaos in Libya and Mounting Geopolitical Crisis. Arab Crisis. The Threat of a Growing Wave). URSS, 2016. Pp. 48-62]; Исаев Л.М., Коротаев А.В. Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 8. – с. 71-81 [Isaev, L.M.; Korotaev, A.V. Yemen: neizvestnaya revolyutsiya i mezhdunarodnyy konflikt (Yemen: Unknown Revolution and International Conflict) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, No. 8, pp. 71-81]

Евфрата» на территории соседней Сирии. Кроме того, в июле 2016 г. в Турции властями была предотвращена попытка военного переворота. В 2016 г. также обострились ситуация в еще двух нестабильных регионах мира: Кашмире (Индия) и дельте реки Нигер (Нигерия)²².

В 2011–2016 гг. заметно увеличилось число массовых беспорядков и политических забастовок в мире, нередко перерастаемых из антиправительственных демонстраций и протестов. В 2015–2016 гг. обострилась проблема международного терроризма, что проявилось волной терактов по всему миру. Самым «нежеланным дитём Арабской весны» стало появление на территории Сирии и Ирака «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ / ДАИШ), формирование которого явилось результатом целого ряда социально-экономических и этно-конфессиональных проблем. Однако деятельность ИГ далеко не ограничилась территориями вышеуказанных стран – на верность ей присягнули террористические группировки как в арабском мире (Ливия, Йемен, Тунис, Алжир, Иордания), так и за его пределами (Нигерия, Мали, Россия, Афганистан, Пакистан, Филиппины)²³.

О масштабах Арабской весны и ее глобального эха

²² Babatunde, A.A.; Norafidah, I.; Tapiwa, Z.K. Niger Delta Avengers and Niger Delta question: What Way Forward? // *International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences*, 2016, No. 5(9), pp. 1-20; Majid, A.; Hussain, M. Kashmir: A Conflict between India and Pakistan // *South Asian Studies*, 2016, No. 31(1), pp. 149-159.

²³ Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2015 [Grinin, L.E.; Isaev, L.M.; Korotaev, A.V. *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* (Revolutions and Instability in the Middle East). Moscow: Uchitel', 2015.]; Hegghammer, T. The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View // *Perspectives on Terrorism*, 2016, No. 10(6), pp. 156-170; Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016 [Vaays, M.; Khasan, Kh. *Islamskoe gosudarstvo: armiya terrora* (Islamic State: the Army of Terror). Moscow: Al'pina non-fikshn, 2016.]

При этом, конечно, возникает вопрос, насколько глобальное эхо Арабской весны было сопоставимо по своим масштабам с самой Арабской весной. Насколько рост масштабов глобальной дестабилизации после 2010 г. был связан с его ростом в арабских странах? Наблюдался ли сопоставимый по масштабам рост в других макрорегионах Мир-Системы. Для этого представляется целесообразным рассмотреть раздельно протекание в последние годы дестабилизационных процессов в арабском мире и за его пределами.

Однако прежде чем рассмотреть в сравнении показатели по арабским странам и миру в целом, следует взглянуть на общую глобальную динамику социально-политической дестабилизации до и после начала Арабской весны (см. Рис. 1):

Рис. 1

Динамика общего количества зафиксированных в мире системой CNTS крупных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и терактов/«партизанских действий»

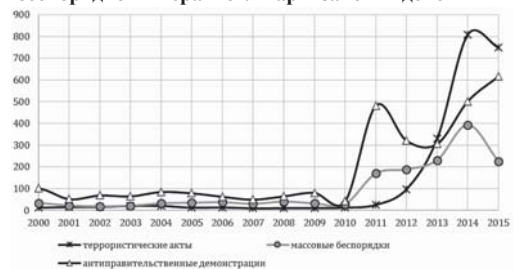

Рис. 1. The dynamics of the total number of large anti-government demonstrations, mass riots and terrorist acts / «guerrilla actions» fixed in the world by the CNTS system
Источник данных²⁴: Cross-National Time Series (CNTS)

Можно видеть, что в 2011 г. в мире особенно сильно выросло число крупных антиправительственных демонстраций (в 11,5 раз, то есть более чем на порядок). При этом наблюдался заметно менее интенсивный (примерно в 6 раз) рост массовых беспорядков, число же крупных терактов в этом году выросло только в 2 раза. Число крупных антиправительственных демонстраций в 2011–2013 гг. несколько снизилось, в то время как глобальная интенсивность массовых беспорядков продолжила расти, вплотную приблизившись к интенсив-

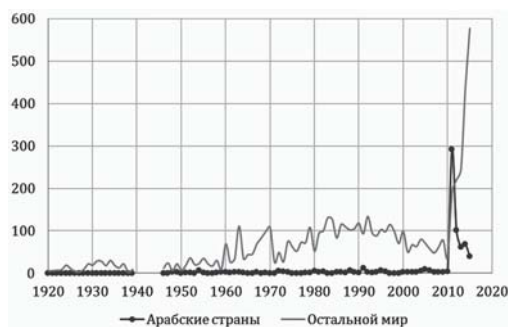
²⁴ Здесь и далее все расчёты приводятся по базе Cross-National Time Series (CNTS) Data Archive Coverage 2016 // *Databank International*. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com/>

ности антиправительственных демонстраций. Глобальное число крупных террористических актов в 2011–2014 гг. росло по экспоненте, превысив в 2014 г. число и тех, и других. В целом можно сказать, что нарастание массовых беспорядков шло с некоторым лагом относительно роста числа антиправительственных демонстраций, а увеличение числа террористических актов несколько запаздывало относительно и первых и вторых.

Исследование масштабов глобального эха Арабской весны начнем с рассмотрения динамики интенсивности *антиправительственных демонстраций* в арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг. и в 1995–2015 гг. (см. Рис. 2 и 3).

Рис. 2

Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

Pic. 2. The dynamics of the total number of major anti-government demonstrations, recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond it in 1920–2015.

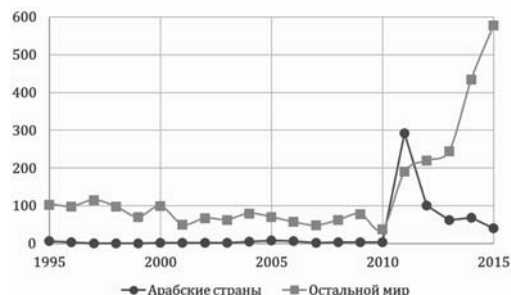
Источник: CNTS

Как мы видим на Рис. 3, только в 2011 г. главный вклад в рост глобальной интенсивности антиправительственных демонстраций внесли арабские страны, которые дали в общей сложности практически две трети этого прироста (65,5%). С другой стороны, после 2011 г. интенсивность антиправительственных демонстраций в арабском мире значительно снизилась (хотя в 2015 г., по сравнению с 2010 г., она продолжала оставаться на достаточно высоком уровне) и в дальнейший рост глобальной протестной активности арабские страны уже не вносили практически никакого вклада (в 2015 г. здесь было зафиксировано менее 6,5% от общего числа крупных антиправительственных де-

монстраций в мире в целом). Вместе с тем, в других макроронах интенсивность демонстраций протеста продолжила свой рост, и в 2015 г. общее число зафиксированных в мире крупных антиправительственных демонстраций ощути-мо побил рекорд 2011 г., перекрыв его почти на треть. Таким образом, в конечном счете, по этому показателю масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы.

Рис. 3

Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1995–2015 гг.

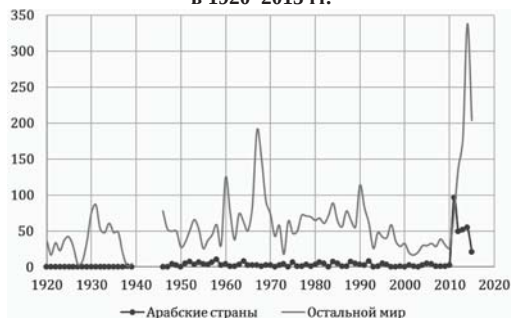
Pic. 3. The dynamics of the total number of major anti-government demonstrations recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond in 1995–2015.

Источник: CNTS

Достаточно близкую картину мы наблюдаем и применительно к *массовым беспорядкам* (см. Рис. 4 и 5).

Рис. 4

Динамика общего числа крупномасштабных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

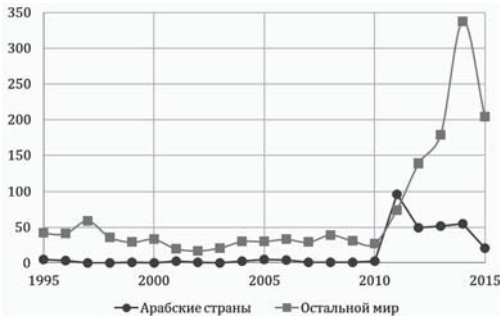

Pic. 4. The dynamics of the total number of large-scale riots recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond it in 1920–2015.

Источник: CNTS

Рис. 5

Динамика общего числа крупномасштабных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1995–2015 гг.

Pic. 5. The dynamics of the total number of large-scale riots recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond in 1995–2015.
Источник: CNTS

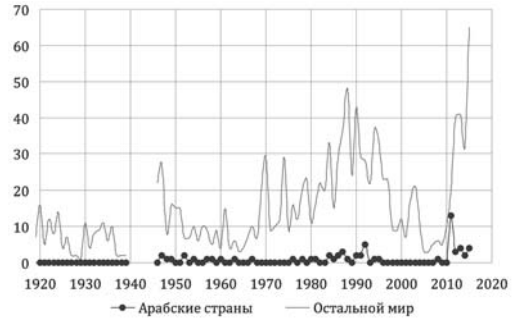
Как мы видим, только в 2011 г. арабские страны внесли решающий вклад в рост глобального числа массовых беспорядков (снова, кстати, порядка двух третей) – хотя и за пределами арабского мира их число выросло почти в три раза. Как и в случае с антиправительственными демонстрациями, после 2011 г. интенсивность массовых беспорядков в арабских странах испытала весьма значительный спад (хотя и не столь значительный, как применительно к демонстрациям протеста). Однако в других макрорайонах рост глобальной интенсивности этого показателя продолжился вплоть до 2014 г., в то время как арабские страны в «исторический рекорд 2014 г.» внесли совсем не большой вклад (система CNTS зафиксировала лишь менее 14% от общего числа произошедших в мире крупномасштабных массовых беспорядков). И снова, в конечном счете, масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы.

Политические забастовки

Здесь мы наблюдаем случай того, как глобальное эхо Арабской весны стало перекрывать масштабы самой Арабской весны уже в 2011 г. (см. Рис. 6 и 7).

Рис. 6

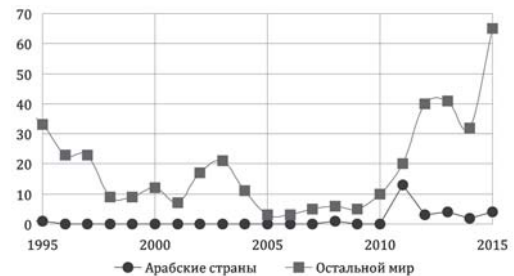
Динамика общего числа политических забастовок²⁵, зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

Pic. 6. The dynamics of the total number of political strikes recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond in 1920–2015.
Источник: CNTS

Рис. 7

Динамика общего числа крупномасштабных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1995–2015 гг.

Pic. 7. The dynamics of the total number of large-scale political strikes recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond in 1995–2015.
Источник: CNTS

Как мы видим, в 2011 г. в арабском мире наблюдался в высшей степени радикальный рост числа крупных политических забастовок. И здесь арабские страны внесли огромный (более 55%) вклад в рост глобального

²⁵ К «Политическим забастовкам» (*General Strikes, domestic*) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти // Wilson, K. User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive. Jerusalem: Databanks International, 2017.

числа крупномасштабных политических забастовок в 2011 г. Но и здесь масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы. Уже в продолжившийся в 2012 г. рост глобального числа политических забастовок арабские страны внесли не положительный, а отрицательный вклад, и в «исторический рекорд 2015 г.» вклад арабских стран (менее 6%) был в высшей степени скромным.

Таким образом, Арабская весна сыграла роль именно триггера начавшейся в 2011 г. волны глобальной социально-политической дестабилизации. Только в 2011 г. рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок в высокой степени (хотя и далеко не полностью) объясняется их ростом в арабском мире. В наблюдавшийся же в последующие годы очень заметный дальнейший рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок арабские страны внесли скорее отрицательный вклад (рост глобальной интенсивности всех этих трех важнейших типов социально-политической дестабилизации продолжился, несмотря на ее спад в арабском мире). Итак, по всем этим трем важнейшим показателям социально-политической дестабилизации масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы.

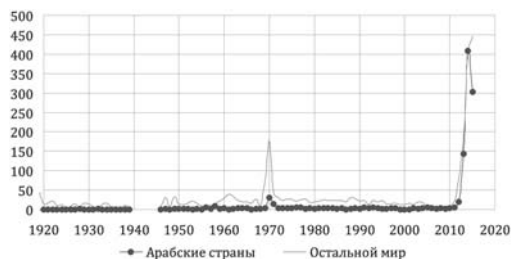
Террористические акты / «партизанские действия»²⁶

Исходя из того, что было проанализировано выше, применительно к этой форме социально-политической дестабилизации эффект глобального эха Арабской весны проявился в очень своеобразной форме (см. Рис. 8 и 9).

²⁶ К «Партизанским действиям» (Guerrilla Warfare, domestic3) CNTS относит «любую вооруженную деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или иррегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима // Wilson, K. User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive. Jerusalem: Databanks International, 2017.

Рис. 8

Динамика общего числа террористических актов / «партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

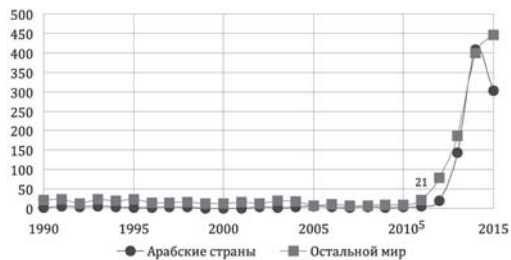

Pic. 8. The dynamics of the total number of terrorist acts / «guerrilla actions», recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond it in 1920–2015.

Источник: CNTS

Рис. 9

Динамика общего числа террористических актов / «партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 1990–2015 гг.

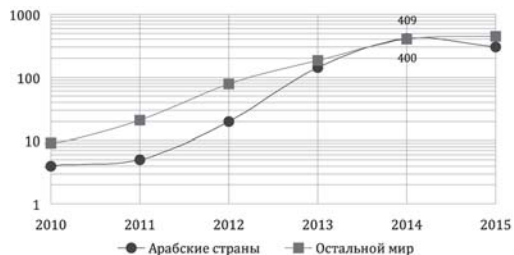

Pic. 9. The dynamics of the total number of terrorist acts / «guerrilla actions» recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond in 1990–2015.

Источник: CNTS

Рис. 10

Динамика общего числа террористических актов / «партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в арабском мире и за его пределами в 2010–2015 гг. логарифмический масштаб

Pic. 10. The dynamics of the total number of terrorist acts / «guerrilla actions», recorded by the CNTS database in the Arab world and beyond in 2010–2015. Logarithmic scale.

Источник: CNTS

Как мы видим, в 2011–2012 гг. основной прирост глобального числа терактов/«партизанских действий» дали неарабские страны (см. Рис. 10). Речь идет прежде всего о Нигерии, Пакистане, Афганистане, Мали, Филиппинах, Сомали и т.д. Вместе с тем, рост террористической активности во многих из этих стран был напрямую связан с событиями Арабской весны и вполне может рассматриваться в качестве одного из проявлений ее глобального эха.

Здесь стоит вспомнить, что в результате событий Арабской весны произошло падение или резкое ослабление некоторых достаточно эффективных авторитарных режимов. Особое значение здесь имели развернувшиеся по трагическому сценарию события в Ливии, дальнейший фактический распад этого североафриканского государства, вызванный военно-политическим конфликтом. Многие военные склады после М. Каддафи были разграблены, что открыло легкий доступ к ливийскому оружию членов вооруженных, террористических, криминальных организаций; кроме того произошло вытеснение из Ливии в страны Сахеля большого числа наемников-выходцев из этих стран, воевавших на стороне Каддафи. Все эти события имели прямое отношение, скажем, к восстанию под руководством Национального движения за освобождение Азавада (НДООА) в январе 2012 г. в Мали, которое приобрело радикальный характер и спровоцировало новый кризис в Сахаро-Сахельском регионе)²⁷.

А вот уже в побивание в 2013–2014 гг. исторических рекордов глобальной интенсивности терактов / «партизанских действий» арабские страны внесли диспропорционально большой вклад. Очевидно, что это было связано с ростом числа новых и усилением старых радикальных исламистских группировок, и как мы упоминали в на-

чале статьи, экспансией «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ/ДАИШ), которое быстро пополняла свои ряды вербовкой новых боевиков, в том числе иностранцев, и присягнувшими ей на верность adeptами из других радикальных исламистских группировок²⁸.

* * *

Проведенные нами сравнительные исследования показали, что Арабская весна сыграла роль именно триггера начавшейся в 2011 г. волны глобальной социально-политической дестабилизации. Только в 2011 г. рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок в высокой степени (хотя и далеко не полностью) объясняется их ростом в арабском мире. В последующие годы (2012–2015 гг.) рост интенсивности этих трех показателей продолжился в других мир-системных макроразонах, несмотря на ее спад в арабских странах. Таким образом, мы можем сделать вывод, что по этим трем важнейшим показателям социально-политической дестабилизации масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы. Только по четвертому рассмотренному показателю (крупные теракты/ «партизанские действия») масштабы глобального эха за весь рассмотренный период так и не перекрыли масштабов Арабской весны (и, добавим, «зимы») – и в 2014–2015 гг. арабские страны продолжали вносить диспропорционально колоссальный вклад в исторически рекордные глобальные значения этого печального показателя.

Литература:

Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2015.

Исаев Л.М., Коротаев А.В. Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 8. – с. 71–81.

²⁷ Danjibo, N. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*, 2013, No. 35(2), pp.16–34.; Besenyo, J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. BESENYÓ J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali // *AARMS: Academic & Applied Research in Military Science*, 2013, No. 12(2), pp. 247–271.

²⁸ Zohar, E. The Arming of Non-State Actors in the Gaza Strip and Sinai Peninsula // *Australian Journal of International Affairs*, 2015, No. 69(4), pp. 438–461.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – с. 119–127.

Мещерина К.В. Хаос в Ливии и нарастание геополитического кризиса. Арабский кризис. Угрозы большой войны. URSS 2016. С. 48–62.

Babatunde, A.A.; Norafidah, I.; Tapiwa, Z.K. Niger Delta Avengers and Niger Delta question: What Way Forward? // International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences, 2016, No. 5(9), pp. 1–20.

Besenyó, J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. BESENYX J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali // AARMS: Academic & Applied Research in Military Science, 2013, No. 12(2), pp. 247–271.

Breau, S. The Occupy Movement and the Top 1% in Canada // *Antipode*, 2014, No. 46 (1), pp. 13–33.

Bush, R. Food Riots, Poverty, Power and Protest // *Journal of Agrarian Change*, 2009, No. 10(1), pp. 119–129.

Charnock, G.; Purcell, T.; Ribera-Fumaz, R. ¡Indignate!: The 2011 Popular Protests and the Limits to Democracy in Spain // *Capital & Class*, 2012, No. 36 (1), pp. 3–11.

Currie, K. Asia and the Arab Spring // *Culture and Society*, 2012, No. 12. pp. 294–297.

Danjibo, N. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*, 2013, No. 35(2), pp. 16–34.

Direct, 21.02.2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/analysis/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.

Erde, J. Constructing Archives of the Occupy Movement // *Archives and Records*, 2014, No. 35 (2), pp. 77–92.

Fominaya, C.F. Social Movements and Globalization: How Protests, Occupations and Uprisings are Changing the World. Palgrave Macmillan, 2014.

Gitlin, T. Occupy nation: The roots, the spirit, and the promise of Occupy Wall Street. Harper Collins, 2012.

Greene, R.; Kuswa, K. From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*, 2012, No. 42(3), pp. 271–288.

Gunter, M. The Kurdish Spring // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34(3), pp. 441–457.

Hegghammer, T. The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View // *Perspectives on Terrorism*, 2016, No. 10(6), pp. 156–170.

Hille, K. “Jasmine Revolutionaries’ Call for Weekly China Protests” // *The Financial Times*, 23 February 2011. Mode of access: <https://www.ft.com/content/3ac349d0-3efe-11e0-834e-00144feabdc0>

Hoesterey, J. Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy // *Review of Middle East Studies*, 2013, No. 47(1), pp. 56–62.

Katz, E. Diffusion (Interpersonal Influence) // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. In D.L. Shils (ed) London: Macmillan, 1968.

Kerton, S. Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy // *Social Movement Studies*, 2012, No. 11(3–4), pp. 302–308.

Koos, C.; Gutsche, T. South Sudan Newest War: When Two Old Men Divide a Nation // *Giga Focus* (German Institute of Global and Area Studies), 2014, No. 2.

Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave

of 2013–2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, No. 49(5), pp. 461–488.

Kumar, A. Multi-party Democracy in the Maldives and the Emerging Security Environment in the Indian Ocean Region. New Delhi: Pentagon Press, 2016.

Majid, A.; Hussain, M. Kashmir: A Conflict between India and Pakistan // *South Asian Studies*, 2016, No. 31(1), pp. 149–159.

Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*, 2012, No. 42(3), pp. 271–288.

Nguyen, P.; Poling, G.B.; Rustici, K.B. Thailand in crisis. Scenarios and Policy Responses. SCIS Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2014.

Occupy-Bewegung Berlin – Bürger, lass das Glotzen sein! // *Sueddeutsche Zeitung*, 16 October 2011. Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/politik/occupy-bewegung-berlin-buerger-lass-das-glotzen-sein-1.1164700>

Oikonomakis, L.; Roos, J. They Don’t Represent Us! The Global Resonance of the Real Democracy Movement from Indignados to Occupy. Spreading Protest: Social Movements in Times of Crisis. ESPR Press. University of Essex, 2014.

Olivier, C. Materializing the Global Dimensions of the Arab Spring over Space and Time. Universiteit Gent. Faculteit Politieke en Sociale Wetenschappen, 2014. Mode of access: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/167/265/RUG01-002167265_2014_0001_AC.pdf

Outraged Greek Youth Follow Spanish Example // *Euronews*. 25 May 2011. Mode of access: <http://www.euronews.com/2011/05/25/outraged-greek-youth-follow-spanish-example>

Sagarzazu, I. Venezuela 2013: Un país a dos mitades [A country divided in two halves]. Revista de ciencia política, 2014, No. 34(1), pp. 315–328.

Schiffrin, A.; Kircher-Allen, E. From Cairo to Wall Street: Voices from the Global Spring. New York: The New Press, 2012.

Sejfić, I.; Fink-Hafner, D. Citizens’ Protest Innovations in a Consociational System: the Case of Bosnia-Herzegovina // *Teorija in Praksa*, 2016, No. 53(1), pp. 184–202.

Shihade, M.; Fominaya, C.F.; Cox, L. The Season of Revolution: the Arab Spring and European mobilizations // *Interface: a Journal for and about Social Movements*, 2012, No. 4(1), pp. 1–16.

Skinner, J. Social Media and Revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as Seen through Three Information Studies Paradigms // *Working Papers on Information Systems*, 2011, No. 11.

Wilson, K. User’s Manual. Cross-National Time-Series Data Archive. Jerusalem: Databanks International, 2017.

Zogby, J. Whether in Egypt or America, It Takes Organization to Win. Huff Post World, 2011. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html

Zohar, E. The Arming of Non-State Actors in the Gaza Strip and Sinai Peninsula // *Australian Journal of International Affairs*, 2015, No. 69(4), pp. 438–461.

References:

Babatunde, A.A.; Norafidah, I.; Tapiwa, Z.K. Niger Delta Avengers and Niger Delta question: What Way Forward? // International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences, 2016, No. 5(9), pp. 1–20.

Besenyó, J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. BESENYX J. War at the Background of Europe: The

Crisis of Mali // AARMS: Academic & Applied Research in Military Science, 2013, No. 12(2), pp. 247-271.

Breau, S. The Occupy Movement and the Top 1% in Canada // *Antipode*, 2014, No. 46 (1), pp. 13-33.

Bush, R. Food Riots, Poverty, Power and Protest // *Journal of Agrarian Change*, 2009, No. 10(1), pp. 119-129.

Charnock, G.; Purcell, T.; Ribera-Fumaz, R. Indignate!: The 2011 Popular Protests and the Limits to Democracy in Spain // *Capital & Class*, 2012, No. 36 (1), pp. 3-11.

Currie, K. Asia and the Arab Spring // *Culture and Society*, 2012, No. 12, pp. 294-297.

Danjibo, N. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*, 2013, No. 35(2), pp. 16-34.

Direct, 21.02.2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/analysis/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.

Erde, J. Constructing Archives of the Occupy Movement // *Archives and Records*, 2014, No. 35 (2), pp. 77-92.

Fominaya, C.F. Social Movements and Globalization: How Protests, Occupations and Uprisings are Changing the World. Palgrave Macmillan, 2014.

Gitlin, T. Occupy nation: The roots, the spirit, and the promise of Occupy Wall Street. Harper Collins, 2012.

Greene, R.; Kuswa, K. From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*, 2012, No. 42(3), pp. 271-288.

Grinin, L.E.; Isaev, L.M.; Korotaev, A.V. Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke (Revolutions and Instability in the Middle East). Moscow: Uchitel', 2015.

Gunter, M. The Kurdish Spring // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34(3), pp. 441-457.

Hegghammer, T. The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View // *Perspectives on Terrorism*, 2016, No. 10(6), pp. 156-170.

Hille, K. "Jasmine Revolutionaries' Call for Weekly China Protests" // *The Financial Times*, 23 February 2011. Mode of access: <https://www.ft.com/content/3ac349d0-3efe-11e0-834e-00144feabdc0>

Hoesterey, J. Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy // *Review of Middle East Studies*, 2013, No. 47(1), pp. 56-62.

Isaev, L.M.; Korotaev, A.V. Yemen: neizvestnaya revolyutsiya i mezhdunarodnyy konflikt (Yemen: Unknown Revolution and International Conflict) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, No. 8, pp. 71-81.

Katz, E. Diffusion (Interpersonal Influence) // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. In D.L. Shils (ed) London: Macmillan, 1968.

Kerton, S. Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy // *Social Movement Studies*, 2012, No. 11(3-4), pp. 302-308.

Koos, C.; Gutsche, T. South Sudan Newest War: When Two Old Men Divide a Nation // *Giga Focus* (German Institute of Global and Area Studies), 2014, No. 2.

Korotaev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasil'ev, A.M. Kolichestvennyy analiz revolyutsionnoy volny 2013-2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, No. 8 (376), pp. 119-127.

Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, No. 49(5), pp. 461-488.

Kumar, A. Multi-party Democracy in the Maldives and the Emerging Security Environment in the Indian Ocean Region. New Delhi: Pentagon Press, 2016.

Majid, A.; Hussain, M. Kashmir: A Conflict between India and Pakistan // *South Asian Studies*, 2016, No. 31(1), pp. 149-159.

Meshcherina, K.V. Khaos v Livii i narastanie geopoliticheskogo krizisa. Arabskiy krizis. Ugrozy bol'shoy voyny (Chaos in Libya and Mounting Geopolitical Crisis. Arab Crisis. The Threat of a Growing Wave). URSS, 2016. Pp. 48-62.

Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*, 2012, No. 42(3), pp. 271-288.

Nguyen, P.; Poling, G.B.; Rustici, K.B. Thailand in crisis. Scenarios and Policy Responses. SCIS Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2014.

Occupy-Bewegung Berlin – Bürger, lass das Glotzen sein! // *Sueddeutsche Zeitung*, 16 October 2011. Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/politik/occupy-bewegung-berlin-buerger-lass-das-glotzen-sein-1.1164700>

Oikonomakis, L.; Roos, J. They Don't Represent Us! The Global Resonance of the Real Democracy Movement from Indignados to Occupy. Spreading Protest: Social Movements in Times of Crisis. ESPR Press. University of Essex, 2014.

Olivier, C. Materializing the Global Dimensions of the Arab Spring over Space and Time. Universiteit Gent. Faculteit Politieke en Sociale Wetenschappen, 2014. Mode of access: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/167/265/RUG01-002167265_2014_0001_AC.pdf

Outraged Greek Youth Follow Spanish Example // *Euronews*. 25 May 2011. Mode of access: <http://www.euronews.com/2011/05/25/outraged-greek-youth-follow-spanish-example>

Sagarzazu, I. Venezuela 2013: Un país a dos mitades [A country divided in two halves]. *Revista de ciencia política*, 2014, No. 34(1), pp. 315-328.

Schiffrin, A.; Kircher-Allen, E. From Cairo to Wall Street: Voices from the Global Spring. New York: The New Press, 2012.

Sejfić, I.; Fink-Hafner, D. Citizens' Protest Innovations in a Consociational System: the Case of Bosnia-Herzegovina // *Teorija in Praksa*, 2016, No. 53(1), pp. 184-202.

Shihade, M.; Fominaya, C.F.; Cox, L. The Season of Revolution: the Arab Spring and European mobilizations // *Interface: a Journal for and about Social Movements*, 2012, No. 4(1), pp. 1-16.

Skinner, J. Social Media and Revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as Seen through Three Information Studies Paradigms // *Working Papers on Information Systems*, 2011, No. 11.

Vays, M.; Khasan, Kh. Islamskoe gosudarstvo: armiya terrora (Islamic State: the Army of Terror). Moscow: Al'pina non-fikshn, 2016.

Wilson, K. User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive. Jerusalem: Databanks International, 2017.

Zogby, J. Whether in Egypt or America, It Takes Organization to Win. Huff Post World, 2011. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html

Zohar, E. The Arming of Non-State Actors in the Gaza Strip and Sinai Peninsula // *Australian Journal of International Affairs*, 2015, No. 69(4), pp. 438-461.

ARAB SPRING AND ITS GLOBAL ECHO: QUANTITATIVE ANALYSIS

Andrey V. Korotayev

National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Kira V. Meshcherina

National Research University Higher School of Economics, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina D. Kulikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vasily G. Delyanov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Article history:

Received:

14 February 2016

Accepted:

15 October 2017

About the authors:

Andrey V. Korotayev, PhD in Philosophy, Dr. of History, Professor, Head of the Socio-Political Destabilization Risk Monitoring Laboratory, National Research University "Higher School of Economics"; Leading Researcher, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
e-mail: akorotayev@gmail.com

Kira V. Meshcherina, Junior Research Fellow, Laboratory of Monitoring of Risks of Sociopolitical Destabilization, National Research University Higher School of Economics; Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, The Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
e-mail: kmeshcherina@hse.ru

Ekaterina D. Kulikova, Research Assistant, Laboratory of Monitoring of Risks of Sociopolitical Destabilization, National Research University Higher School of Economics
e-mail: katerina.kulikova.97@inbox.ru

Vasily G. Delyanov, Research Assistant, Laboratory of Monitoring of Risks of Sociopolitical Destabilization, National Research University Higher School of Economics
e-mail: vasilaki.97@mail.ru

Key words:

Arab spring; destabilization processes; Arab countries; macroregions; quantitative analysis; CNTS; anti-government demonstrations; riots; political strikes; guerrilla warfare

Abstract: It is shown that the Arab Spring acted as a trigger for a global wave of socio-political destabilization, which significantly exceeded the scale of the Arab Spring itself and affected absolutely all world-system zones. Only in 2011 the growth of the global number of large-scale anti-government demonstrations, riots and political strikes was to a high degree (although not entirely) due to their growth in the Arab world. In the ensuing years, the Arab countries rather made a negative contribution to a very noticeable further increase in the global number of large-scale anti-government demonstrations, riots and general strikes (the global intensity of all these three important types of socio-political destabilization continued to grow despite the decline in the Arab world). Thus, for all these three important indicators of socio-political destabilization, the scale of the global echo of the Arab Spring has overshadowed the scale of the Arab Spring itself. Only as regards the fourth considered indicator (major terrorist attacks / guerrilla warfare) the scale of the global echo for the entire period considered did not overshadow the scale of the Arab Spring (and, incidentally, «Winter») - and in 2014-2015 Arab countries continued to make a disproportionate contribution to the historically record global values of this sad indicator – global number of major terrorist attacks/ guerilla warfare. To conclude, triggered by the Arab Spring, the global wave of socio-political destabilization led after 2010 to a very significant growth of socio-political instability in absolutely all World System zones. However, this global destabilization wave manifested itself in different World System zones in different ways and not completely synchronously.

Acknowledgements: the article is an output of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research, No. 17-06-00476.

Для цитирования: Коротаев А.В., Мещерина К.В., Куликова Е.Д., Дельянов В.Г. Арабская весна и её глобальное эхо: количественный анализ // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 113-126.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-113-126

For citation: Korotayev, Andrey V.; Meshcherina, Kira V.; Kulikova, Ekaterina D.; Delyanov, Vasily G. Arabskaya vesna i ee global'noe ekho: kolichestvennyi analiz (Arab Spring and Its Global Echo: Quantitative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.4, pp. 113-126.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-113-126

ПОИСК ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ В ЕВРАЗИИ: ФЕНОМЕН МИКТА

Павел Вячеславович Шлыков

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 4 сентября 2017 <i>Принята к печати:</i> 20 ноября 2017	Аннотация: В статье анализируется новое трансрегиональное объединение держав «среднего уровня» – МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия) в контексте эволюции интеграционных процессов в Азии и Европе. Значение феномена МИКТА рассматривается в сравнении с наиболее успешными многосторонними проектами с участием держав «среднего уровня» – G20, БРИКС и ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР). МИКТА представляет интересный пример стремления развивающихся стран создавать многосторонние межгосударственные институты, посредством которых их совокупное влияние на глобальные процессы мировой политики возрастало бы по сравнению с простой суммой их усилий вне рамок подобных структур. Ключевой вопрос – каким образом и насколько подобные МИКТА интеграционные инициативы могут повлиять на ход политических и экономических процессов на региональном и макрорегиональном уровне, и возможно ли говорить на их примере о новом формате интеграционных моделей. Важное отличие МИКТА от других интеграционных проектов «средних держав» заключается в том, что за МИКТА стоит не механическое объединение стран по отдельным общим признакам (как группа N-11 или МИСТ/МИКТ), а инициатива создания механизмов многостороннего взаимодействия в финансово-экономической, политической и дипломатической сферах. Для Южной Кореи МИКТА должна стать механизмом наращивания влияния в международных организациях, для Индонезии – увеличить поле маневра в ее международно-дипломатической деятельности, для Турции и Мексики – инструментом решения экономических проблем (увеличения внешнеторгового оборота, привлечения иностранных инвестиций). Особый политико-дипломатический и торгово-экономический потенциал МИКТА базируется на том обстоятельстве, что составляющие его державы могут быть охарактеризованы как «стержневые страны» для своего региона, которые в силу своего географического положения выступают «мостом» между Европой и Азией (Турция), Китаем и Японией (Южная Корея), Северной и Южной Америкой (Мексика), либо «порталом» для Запада в регион Юго-Восточной Азии, особенно в его мусульманскую часть, (Индонезия) и Азиатско-Тихоокеанский регион (Австралия)* <i>Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз», проект №17-18-01614</i>
Об авторе: к.и.н., доцент, Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: shlykov@iaas.msu.ru	
Ключевые слова: МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия); БРИКС; ИБСА; G20; интеграция; державы «среднего уровня»; развивающиеся страны; многосторонние международные институты	

Категория «поднимающихся держав», введенная в научный дискурс для более точного анализа международных процессов в пост-биполярном мире, включает в себя страны, крайне неоднородные по социально-экономическим, военно-политическим и другим характеристикам (Турция, Южная

Корея, Индия и др.). С одной стороны, все они представляют собой преимущественно державы «среднего уровня» и региональные центры силы, при этом они различны по своим геополитическим потенциалам, у них несхожие экономические модели развития и административно-политические системы,

* Основные идеи настоящей статьи были представлены на X Конвенте РАМИ «25 лет внешней политике России» в МГИМО (У) МИД РФ 8–9 декабря 2016 г. Автор выражает искреннюю благодарность своим коллегам за высказанные замечания и предложения.

разные амбиции на региональном и глобальном уровнях. Четыре наиболее крупные «поднимающиеся державы» – Бразилия, Россия, Индия и Китай – вместе с ЮАР формируют широко известное институционально оформленное объединение БРИКС. Хотя сама идея группы БРИК, позднее трансформировавшаяся в БРИКС¹, по сути представляла собой «внешнюю инициативу» – остроумную аббревиатуру², изобретенную британским финансистом бароном Джеймсом О’Нилом Гатлийским (более известным как Джим О’Нил из “Goldman Sachs”), страны-участницы смогли успешно использовать ее для наращивания своего влияния и трансформации БРИКС в полноформатный механизм взаимодействия по важнейшим вопросам мировой экономики и политики³.

¹ После присоединения в 2011 г. ЮАР к группе БРИК в России придумали свою версию акронима, отражающего изменения в составе этой трансрегиональной организации – БРЮКИ, однако в общественном дискурсе она не прижилась (Медведев сделал из БРИКС БРЮКИ // Lenta.ru, 14/04/2011. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/04/14/bruki/> [Medvedev sdelał iz BRIKS BRJuKI (Medvedev Made BRJuKI (rus. Trousers) From BRICS) // Lenta.ru, 14/04/2011. Mode of Access: <https://lenta.ru/news/2011/04/14/bruki/>]).

² Название объединения в английской транслитерации – “BRICS” – очень похоже на английское слово “bricks” – «кирпичи». Идея состояла в том, чтобы подчеркнуть значение стран БРИКС как стран, развитие которых во многом должно будет обеспечить будущий рост мировой экономики.

³ Четвертый саммит БРИКС // РБК, 29/03/2012. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/photoreport/29/03/2012/5703f5409a7947ac81a665b8> [Chetvertij sammit BRIKS (The Fourth Summit of BRICS) // RBC, 29/03/2012. Mode of access: <http://www.rbc.ru/photoreport/29/03/2012/5703f5409a7947ac81a665b8>]. В подтверждение этого тезиса достаточно посмотреть на широкий диапазон инициатив и создаваемую для их реализации инфраструктуру: учреждение Делового совета БРИКС и Консорциума экспертных центров стран БРИКС, инициативы создания многосторонней финансовой системы, аналогичной SWIFT, со своим Резервным фондом и Банком развития стран БРИКС («новый финансовый порядок» для наращивания своего влияния в таких международных организациях, как Всемирный банк и МВФ).

Другим «поднимающимся» и «средним» державам пока не удалось создать трансрегиональных объединений, сопоставимых с БРИКС по своему масштабу и политико-экономическим возможностям.

Державам «среднего уровня», не входящим в столь стремительно развивающиеся интеграционные проекты как БРИКС, – например, Турции – в большинстве случаев приходится действовать на международной арене в одиночку, не имея возможности консолидировать усилия с другими странами в рамках региональных или трансрегиональных объединений. Членство в «Большой двадцатке» (G20) дает возможность Турции несколько увеличить свое влияние в международных делах, но не в достаточной степени. Еще одним направлением реализации внешнеполитических амбиций служат ситуативные коалиции с другими странами по решению сложных вопросов региональной безопасности: совместная инициатива Турции и Бразилии по Ирану – соглашение по обмену низкообогащенного урана на ядерное топливо (май 2010 г.), коалиция Турции с Россией и Ираном по сирийскому урегулированию (декабрь 2016 г.). Однако эффективность подобных конъюнктурных альянсов, как правило, не всегда очевидна.

Создание в 2013 г. МИКТА, о котором официально было объявлено на полях 68-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2013 г.⁴, – нового трансрегио-

продвижение идеи всеобъемлющей реформы ООН и т. д.

⁴ Феномен МИКТА не привлек большого внимания российских исследователей, поэтому в русскоязычной литературе довольно мало информации об этом объединении. Одна из немногих статей об истории формирования МИКТА написана Г.Д. Толорая в год его образования (см.: Толорая Г.Д. МИКТА – новый элемент конструкции глобального управления? // Российский Совет по международным делам (РСМД), 23/12/2013. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mikta-novyy-element-konstruktsii-globalnogo-upravleniya/> [Toloraja, G.D. МИКТА – novyy jelement konstrukcii global'nogo upravlenija? (MIKTA – a New Element of Global Governance) // Russian Council for International

нального объединения держав «среднего уровня», включающего Мексику, Индонезию, Южную Корею, Турцию и Австралию, выбивается из ряда ситуативных коалиций. МИКТА – это попытка развивающихся стран преодолеть замкнутый круг ситуативных коалиций и создать институциональную основу для совместных межгосударственных инициатив стран, представляющих разные регионы. Хотя члены МИКТА – это страны, удаленные друг от друга не только географически, но и политико-идеологически (столь несхожи их социально-экономические системы и модели развития), их стремление к сотрудничеству ради увеличения влияния в мировой политике оказалось сильнее различий политико-экономических характеристик. Однако насколько феномен МИКТА и подобные ему интеграционные инициативы могут повлиять на ход политических и экономических процессов на региональном и макрорегиональном уровне, и возможно ли говорить на их примере о новом формате интеграционных моделей?

Трансрегионализм «держав среднего уровня»

Недостаток возможностей и ресурсов для односторонних действий – один из ключевых факторов развития трансрегионализма «держав среднего уровня». С одной стороны, это диктует необходимость выработки многосторонних схем для компенсации дефицита странового влияния⁵, с другой – формирует потребность участия в международных организациях и создания коалиций и блоков с другими странами⁶. Консолидация усилий в рамках коалиций и блоков дает возможность державам «среднего уровня»

иметь *системное влияние* на международные политические процессы⁷.

Многостороннее сотрудничество держав «среднего уровня» в период «холодной войны» имело весьма ограниченное распространение. Примеры подобных инициатив в буквальном смысле можно пересчитать по пальцам одной руки. Самая успешная из них – созданная в 1967 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – региональная межправительственная организация с участием 10 стран Юго-Восточной Азии⁸, нацеленная на политическую, экономическую и культурную интеграцию стран-членов. Другой пример интеграции держав «среднего уровня» в период «холодной войны» – т. н. «Кернская группа» – Ассоциация стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции, созданная в 1986 г. в австралийском городе Кэрнс для либерализации мирового рынка сельскохозяйственной продукции и содействия ее свободной торговле⁹.

С окончанием «холодной войны» количество трансрегиональных проектов держав «среднего уровня» резко возросло. Эйфория от перспектив постбиполярного миропорядка формировала ощущение того, что следование в фарватере политики «великих держав» перестало быть императивом международных отношений¹⁰. В новых геополитических условиях у региональных держав появилась возможность разрабатывать и внедрять свои многосторонние институты и трансрегиональные проекты, где главными детерминантами выступали бы

Affairs (RIAC), 23/12/2013. Mode of Access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mikta-novyy-element-konstruktsii-globalnogo-upravleniya/>).

⁵ Cox, Robert. Middlepowermanship, Japan and the Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, Iss. 4, pp. 823-862.

⁶ Mares, David. Middle Powers under Regional Hegemony: to Challenge or to Acquiesce in Hegemonic Enforcement // *International Studies Quarterly*, 1988, Vol. 32, No. 4, p. 456.

⁷ Keohane, Robert. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organizations*, 1969, Vol. 23, No. 2, pp. 291-310.

⁸ На момент создания АСЕАН их было пять – Индонезия, Сингапур, Малайзия, Таиланд и Филиппины.

⁹ На сегодняшний день в ассоциацию входит 20 стран: Аргентина, Австралия, Боливия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Гватемала, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, ЮАР, Таиланд, Уругвай и Вьетнам. Самым молодым членом является Вьетнам, который присоединился к «кернской группе» в 2013 г.

¹⁰ Larson, Deborah; Shevchenko, Alexei. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // *International Security*, 2010, Vol. 34, No. 4, pp. 63-95.

их собственные национальные интересы, а не соображения блоковой солидарности¹¹. Помимо БРИКС, формирование которого проходило в несколько этапов и растянулось почти на десять лет – от идеи, впервые озвученной Джимом О’Нилом в аналитической записке «Кирпичи для новой глобальной экономики»¹² (2001), до официального объявления о создании группы БРИК на Санкт-Петербургском саммите G20 в 2006 г. и присоединения к ней ЮАР в 2011 г., появилось достаточно много амбициозных трансрегиональных инициатив, пусть и не столь масштабных и институционализированных как БРИКС. В 2003 г. Индия, Бразилия и ЮАР создали диалоговый форум ИБСА.

В 2005 г. Джим О’Нил ввел в оборот понятие «Группы одиннадцати» (N-11 – “Next Eleven”) – Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Южная Корея и Филиппины – объединение стран с высокой вероятностью превращения своих национальных экономик в локомотивы мировой экономики, наряду со странами БРИКС. В 2009 г. глава финансовой корпорации “HSBC” Майкл Гоген предложил новый акроним – ЦИВЕТС¹³ – для

Колумбии, Индонезии, Вьетнама, Турции и Южной Африки как стран с диверсифицированной и динамично развивающейся экономикой и молодым населением¹⁴. В 2010 г. аналитики международной банковской группы “Banco Bilbao Vizcaya Argentaria” (BBVA) ввели в оборот аббревиатуру “EAGLEs” или «орлы» (*Emerging and Growth-Leading Economies*) – «поднимающиеся» и ведущие экономики, объединив в рамках этой категории Бразилию, Китай, Индонезию, Южную Корею, Мексику, Россию, Тайвань и Турцию. В 2011 г. американская финансовая компания “Fidelity Investments” предложила для Мексики, Индонезии, Нигерии и Турции свой акроним – МИНТ¹⁵. В 2011 г. ряд крупных мусульманских стран выступили с инициативой

тракт цивет, готовят своеобразный кофе Копи Лювак, рыночная стоимость которого намного выше натурального зернового кофе.

¹¹ Подробнее об усложнении мировой системы и феномене трансрегионализма с условиями «постзападного» мира см.: Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. – 2017. – №2. – с. 37–56. [Voskresenskii, A.D.; Koldunova, E.V.; Kireeva, A.A. Transregional and regional projects in “Post-Western” International Reality] // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 37–56.]

¹² O’Neill, Jim. Building Better Global Economic BRICS // *Goldman Sachs*, November 2001. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/building-better.html>

¹³ Как и в случае с БРИКС (по-английски “кирпичи”) акроним ЦИВЕТС был омонимичен существующему слову – названию хищных млекопитающих, обитающих в субтропических и тропических странах Африки и Азии. В самом акрониме обыгрывалась и важная особенность цивет – поедание кофейных ягод: из кофейных зерен, прошедших через пищеварительный

¹⁴ Russell, Jonathan. Geoghegan digests and delivers new acronym // *The Telegraph*, 12/07/2010. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/citydiary/7886195/Geoghegan-digests-and-delivers-new-acronym.html>

¹⁵ Wright, Chris. After the BRICS are the MINTs, But Can You Make Any Money From Them? // *Forbes*, 06/01/2014. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/chriswright/2014/01/06/after-the-brics-the-mints-catchy-acronym-but-can-you-make-any-money-from-it/#5260a93229a6>. В последствии Джим О’Нил помог популяризации акронима МИНТ [Boesler, Matthew. O’Neill, Man Who Coined ‘BRICs,’ Still Likes BRICs, But Likes MINTs, Too // *The Wall Street Journal*, 09/12/2013. Mode of access: <https://blogs.wsj.com/moneybeat/2013/12/09/oneill-man-who-coined-brics-still-likes-brics-but-likes-mints-too/>]; Яковлев П.П. Мексика: геополитический ракурс структурных реформ (портрет страны-лидера группы МИНТ) // Перспективы. Электронный журнал. – 2015. – № 1. – с. 79-95. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/meksika_geopoliticheskij_rakurs_strukturnyh_reform_portret_strany-lidera_gruppy_mint_2014-10-13.htm [Iakovlev, P.P. Meksika: geopoliticheskii rakurs strukturnykh reform (portret strany-lidera gruppy MINT) (Mexico: Geopolitical Perspective of Structural Reforms (A Portrait of a Leader Country in the MINT Grouping)) // *Perspectives. E-Journal*, 2015. No. 1. pp. 79-95. Mode of Access: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/meksika_geopoliticheskij_rakurs_strukturnyh_reform_portret_strany-lidera_gruppy_mint_2014-10-13.htm]

циативой создания мусульманского аналога БРИКС под именем САМИ по начальным буквам в названии стран-учредителей – Саудовская Аравия, Турция (Анкара), Малайзия и Индонезия. Наконец, одним из самых молодых в ряду трансрегиональных проектов стала МИКТА, о формировании которой было официально объявлено в 2013 г.

Немаловажным фактором развития трансрегионализма держав «среднего уровня» в постбиполярный период стал объективный рост числа стран, которых можно было бы отнести к этой категории¹⁶. Помимо традиционных держав «среднего уровня» (Канада, Австралия, Норвегия, Швеция и др.) к этой категории все чаще стали относить такие страны как Турция, Малайзия, Аргентина, Бразилия, Нигерия и ЮАР. Все это привело к тому, что привычная классификация стран по степени их влияния в международных делах стала все более расплывчатой, что потребовало дополнительных уточняющих эпитетов: так появилась идея разделить страны «среднего уровня» на «традиционные» и «поднимающиеся»¹⁷.

Если смотреть на МИКТА сквозь призму подобной уточняющей типологии, то это межгосударственное объединение состоит целиком и полностью из держав «среднего уровня», часть из которых «традиционные», а часть – «поднимающиеся». Однако такая характеристика несколько не помогает ответить на главный вопрос – действительно ли подобное МИКТА трансрегиональное объединение обеспечивает странам-участникам кратное увеличение их совокупного влияния на глобальные процессы мировой политики по сравнению с простой суммой их усилий вне рамок подобных структур.

Хотя МИКТА можно считать одним из самых молодых трансрегиональных проектов, он опирается на достаточно длительную традицию создания институтов межре-

гионального сотрудничества, для которого характерна классическая триада мультилатерализма – «нормативный консенсус, принцип неделимости и взаимности»¹⁸, т.е. единство нормативной базы и правил для всех участников многосторонней схемы и паритетное распределение выгод и обременений среди всех стран-участников¹⁹. Исторически становление мультилатерализма как основы для многосторонних межгосударственных соглашений происходило на рубеже XVII–XVIII вв. – ярким примером служит сформулированный голландским философом-правоведом Гуго Гроцием (1583–1645) принцип «свободного мореплавания» (море – международная территория, и все народы свободны в использовании его для мореплавательной торговли).

Впервые идея «свободного моря» появилась на страницах известного памфлета *«Mare Liberum»* («Свободное море»), опубликованном в 1609 г., а затем получила развитие в более зрелой работе Гуго Гроция о международном праве – *«De jure belli ac pacis»* («О праве войны и мира»), вышедшей в 1625 г. Широкое распространение мультилатерализма и трансрегионализма как эффективного инструмента межгосударственной политики пришлось на XX столетие: окончание Второй мировой войны и начало блокового противостояния дало мощный импульс развитию многосторонних межгосударственных объединений и инициатив: Бреттон-Вудское соглашение и Бреттон-Вудская система (1944), Организация объединенных наций – ООН (1945), Генеральное соглашение по тарифам и торговле – ГАТТ (1947), Организация Североатлантического договора – НАТО (1949) и др. С окончанием «холодной войны» наступил расцвет мультилатерализма – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество – АТЭС (1989), АСЕАН+3 (1992) и др.

¹⁶ Neack, Laura. Linking State Type with Foreign Policy Behavior // *Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in its Second Generation*. New Jersey: Prentice Hall, 1995, pp. 218–224.

¹⁷ Jordaan, Eduard. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, 2003, Vol. 30, No. 2, p. 165.

¹⁸ Keohane, Robert. Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*, 1990, Vol. 45, No. 4, p. 731.

¹⁹ Caporaso, James. International Relations Theory and Multilateralism: the Search for Foundations // *International Organization*, 1992, Vol. 46, No. 3, pp. 600–601.

Принципы мультилатерализма и трансрегионализма оказались очень востребованы державами «среднего уровня», которые с их помощью стремились нарастить свое влияние в мировой политике: выступать не с позиций статистов, а иметь возможность продвигать идеи трансформации устоявшейся системы международных отношений²⁰. В 1990-е и 2000-е гг. активность держав «среднего уровня» в международных организациях постоянно возрастала, что позволило говорить о трансрегионализме и мультилатерализме новой формации, в рамках которых «средние державы» стараются успешно решить проблемы дефицита странового влияния²¹. Отличительные черты мультилатерализма новой формации – минимизация оговорок и привилегий, а также связанных с ними механизмов – вотирувания, взвешенной системы голосования и т.д., что требует более консенсусного взаимодействия между странами-участниками. Таким образом трансрегиональное взаимодействие стало более удобным для держав «среднего уровня», активно продвигающих идею реформы ООН, в рамках которой постоянные члены Совета безопасности должны лишиться монопольного права на решение вопросов глобального управления. Посредством своего участия в различных трансрегиональных форматах державы «среднего уровня» стремятся нарастить свое *системное* влияние на вопросы мировой политики. Поэтому для анализа нового формата трансрегионализма «средних держав» и его отражение в проекте МИКТА необходимо сопоставить структурно-функциональные возможности и задачи МИКТА с такими устоявшимися многосторонними платформами как G20, БРИКС и ИБСА, в каждой из которых державы «среднего уровня» играют очень важную роль.

G20, ИБСА и БРИКС как модели трансрегионализма

«Группа двадцати» представляет собой важнейший пример транрегионального сотрудничества нового формата. Достаточно сказать, что многие другие трансрегиональные проекты фактически представляют собой группы в рамках G20 – БРИКС, ИБСА и, наконец, МИКТА. Сама по себе «Большая двадцатка» – это реализация идеи расширения «Большой семерки» после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., суть которой состоит в том, что к управлению глобальной экономической системой должны быть допущены не только самые высокоразвитые экономики мира, но и представители развивающихся стран, чтобы большее число ответственных стран разделяли общие риски и несли ответственность за глобальную экономическую систему. Привлечение к глобальному управлению новых стран, с одной стороны, придало мощный импульс развитию механизмов глобального управления, с другой – существенно усилило влияние держав «среднего уровня».

Расширение странового членства вкуче с установлением принципа равенства всех участников G20 существенно укрепило легитимность самой платформы в сравнении с «Большой семеркой» и любыми другими многосторонними институтами. Более того, формирование G20 послужило либерализации общих принципов трансрегионализма и повысило вес держав «среднего уровня» в мировой политике, которые впредь гораздо энергичнее стали претендовать на активную роль в международных делах.

Внутренняя организация G20 интересна с точки зрения воплощения принципов трансрегионализма нового формата: отсутствие штаб-квартиры, постоянно секретариата, базового договора и т. д. При этом организационная и институциональная гибкость несколько не мешает участникам G20 проводить регулярные саммиты или формировать ситуационные рабочие группы. В свою очередь, принцип регулярной ротации страны-председателя и система «управляющей тройки», в которую входят прошлый, текущий и будущий председатель G20 – все это,

²⁰ Cooper, Andrew; Mo, Jongryn. Middle Power Leadership and the Evolution of the G20 // *The Rise of Korean Leadership. Emerging Powers and Liberal International Order*. London: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 17-30.

²¹ Alden, Chris; Vieira, Marco Antonio. The New Diplomacy of the South: South Africa, Brazil, India and Trilateralism // *Third World Quarterly*, 2005, Vol. 26, No. 7, pp. 1077-1095.

с одной стороны, обеспечивает последовательность и преемственность в работе G20, усиливая легитимность и прозрачность принятия решений на встречах, с другой – дает возможность державам «среднего уровня» председательствовать над странами с более развитой экономикой и большим влиянием в международных делах²². Возможность возглавить ведущий форум международного сотрудничества, объединяющий страны, в совокупности представляющие более 85% мирового ВВП, 75% объема мировой торговли и 65% населения планеты, серьезно усиливает влияние любой «средней державы», оказавшейся на время в роли председателя G20, как на региональном, так и на глобальном уровне. Такое наращивание потенциального влияния держав «среднего уровня» можно считать еще одной отличительной чертой трансрегионализма нового формата, представленным в таких структурах как G20, БРИКС, ИБСА и МИКТА.

БРИКС, ИБСА и МИКТА, в свою очередь, олицетворяют еще одну важную черту нового трансрегионализма – доминанту инструментального подхода. Все эти группы фокусируются на конкретных отдельных аспектах глобального управления – вопросах торгово- и финансово-экономического порядка, проблемах здравоохранения или гуманитарного сотрудничества, экологии и т. д. Иными словами трансрегионализм здесь становится одним из инструментов осуществления внешней политики.

Многие эксперты настаивают, что включение в трансрегиональные объединения ведущих держав, как, например, США – залог его эффективности. В частности, БРИКС удовлетворяет этому критерию – в его составе сразу несколько ведущих экономик мира. Отсюда вытекает ключевой вопрос – могут ли многосторонние структуры, состоящие исключительно из держав «среднего уровня», эффективно функционировать без какой-либо поддержки со стороны ведущих мировых держав? Особенно актуально он

стоит для МИКТА и ИБСА, поскольку они не включают в себя ни одну из стран, входящих в число ведущих экономик мира.

Диалоговый форум ИБСА был основан в 2003 г. Индией, Бразилией и ЮАР с целью создания модели партнерства «Юг–Юг» в сфере экономики, безопасности, общественного развития и т. д. м ключе были сформулированы три основных направления деятельности объединения: во-первых, развитие и укрепление связей с лидерами развивающихся стран своих регионов для более эффективного реагирования на внутри- и внешнеполитические вызовы; во-вторых, противостояние доминированию держав Севера и поиск оптимальных моделей адаптации развивающихся стран к вызовам глобализации; в-третьих, расширение своего участия в процессе выработки и принятия решений в рамках международных организаций с целью трансформации существующих механизмов глобального управления в более демократичные, более представительные и, как следствие, более легитимные²³. В реализации поставленных задач деятельность ИБСА оказалась довольно успешной. Для укрепления политического диалога члены ИБСА проводят регулярные саммиты на уровне глав правительств и профильных министерств, результатом которых, в частности, стали совместные действия по продвижению идеи реформы ООН.

Среди достижений ИБСА – кратный рост объема торговли между странами-членами, который за первые десять лет существования объединения увеличился с \$4,6 млрд в 2003 г. до \$24 млрд в 2014 г. Ежегодно каждая страна, входящая в ИБСА, вносит в общий фонд организации \$1 млн на реализацию совместных проектов в наименее развитых странах – Гаити, Гвинея-Биссау, Камбоджа и др. С сфере культурно-гуманитарного сотрудничества и развития межличностных контактов ИБСА инициировало проведение множества различных научно-просветительских и бизнес-

²² Cooper, Andrew; Mo, Jongryn. *Middle Power Leadership and the Evolution of the G20 // The Rise of Korean Leadership. Emerging Powers and Liberal International Order*. London: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 17-30.

²³ III Summit Joint Declaration (New Delhi, October 15th, 2008) // IBSA – Trilateral Official Website, Mode of access: <http://www.commit4africa.org/sites/default/files/IBSA-3rd-Joint-Summit-New-Delhi-2008.pdf>

форумов, а также создание деловых и научных советов²⁴.

Позитивный опыт деятельности ИБСА позволяет сформулировать ряд факторов, определяющих эффективность трансрегионального сотрудничества держав «среднего уровня». Первый фактор – ясное целеполагание. Любая многосторонняя инициатива держав «среднего уровня» должна иметь четко определенные цели, работа на достижение которых будет обеспечивать ее устойчивое функционирование. Цели и задачи, которые были поставлены основателями ИБСА, не были глобальными по своим масштабам, но имели вполне конкретно очерченные границы – создание инфраструктуры сотрудничества в рамках модели «Юг-Юг». Второй фактор – наличие инфраструктуры для реализации поставленных целей. Опыт ИБСА показывал, что многосторонние межгосударственные объединения держав «среднего уровня» должны обладать гибкой институциональной структурой, базирующейся на системе рабочих групп и регулярных встреч на высшем уровне, которые обеспечивали бы необходимый уровень межгосударственной солидарности. Третий фактор – нацеленность на конкретный и видимый результат. Все проекты, реализуемые ИБСА в торгово-экономической сфере или области общественного развития, имеют конкретный и осязаемый результат, что показывает практическую направленность ИБСА. Четвертый фактор – высокий уровень межстранового взаимодействия. Взаимодействие среди членов многосторонних межгосударственных объединений не должны ограничиваться вопросами мировой политики, а должно идти на среднем и даже на низовом уровне. В рамках ИБСА существует несколько форумов, деловых и научных советов, объединяющих бизнесменов, ученых, деятелей культуры и т.д.

Вместе с тем, опыт и пример деятельности ИБСА показывает ограниченность многосторонних инициатив держав «среднего уровня». Поскольку в состав ИБСА не входит ни одна ведущая мировая держава,

это накладывает очевидные ограничения на деятельность организации. Так, ИБСА выступает за реформу ООН, однако без поддержки со стороны постоянных членов Совета безопасности ООН инициативы стран ИБСА в этом направлении малопродуктивны. При всех своих достижениях торгово-экономический потенциал ИБСА ограничен рынками Бразилии и ЮАР, поскольку они не могут инициировать заключение соглашения о беспощинной торговле со странами за пределами их собственной зоны свободной торговли (Трехстороннее соглашение о ЗСТ – Т-FTA). Перекрестное членство стран, входящих в ИБСА, в других более влиятельных межгосударственных трансрегиональных объединениях создает дополнительные трудности для ИБСА. Так, БРИКС включает в себя все страны, входящие в ИБСА, плюс Россию и Китай. При этом в конце 2000-х гг. Пекин выступал за присоединение ЮАР к БРИК ради ослабления ИБСА.

Создание БРИК(С) стало олицетворением нового витка эволюции трансрегионализма. Важным отличием от ИБСА стало то, что на паритетных началах в рамках одной структуры оказались не только державы «среднего уровня», но две страны, относящиеся по всем показателям (ресурсному потенциалу, географии интересов и формальному международному признанию) к категории «великих держав». Таким образом, предложенная в 2001 г. британским финансистом Джимом О'Нилом идея объединения четырех наиболее быстрорастущих экономик мира оказалась востребованной и обрела институциональное воплощение сначала в виде БРИК, а затем с присоединением к ней в 2010 г. ЮАР – БРИКС. Для Китая и России, двух великих держав, входящих в объединение, БРИКС – инструмент наращивания своего международного влияния и обеспечения большей независимости в принятии внешнеполитических решений.

В ряду очевидных достижений БРИКС за годы его существования – успехи торгово-экономического и финансового сотрудничества. Помимо наращивания объема торгового оборота между странами БРИКС, как и в случае ИБСА, это координированные действия в рамках международных финан-

²⁴ India – Brazil – South Africa Dialogue Forum. Official Website, Mode of Access: <http://www.ibsa-trilateral.org/about-ibsa/background>

совых институтов и организаций – Всемирном банке, Международном валютном фонде, а также солидаризация при обсуждении финансово-экономических проблем на саммитах G20. Кроме того, в числе наиболее весомых достижений экономического характера можно назвать Новый банк развития БРИКС (НБР БРИКС), основанный в 2014 г. для создания финансовой инфраструктуры внутри БРИКС и финансирования проектов как в рамках не только членов БРИКС, но и других развивающихся стран, а также работа по снижению финансово-экономической зависимости стран БРИКС от Запада и западных финансовых структур (Всемирного банка, МВФ и т. д.). Цифры объема внешнеторгового оборота стран БРИКС уже в начале 2000-х гг. были очень внушительны, что позволило аналитикам «Goldman Sachs» прогнозировать, что по этому показателю БРИКС обойдет ведущие мировые экономики к 2050 г.²⁵ По последним данным Всемирного банка БРИКС охватывает в совокупности более 3 млрд населения планеты и без малого 39,8 км² и производит более \$13 трлн мирового ВВП²⁶.

Достижения БРИКС в политико-дипломатической сфере также впечатляют. Это и ежегодные встречи на уровне глав МИД (с 2006 г.), и регулярные саммиты лидеров и глав правительств стран БРИКС (с 2009 г.). Подобно ИБСА участники БРИКС сформировали инфраструктуру для налаживания взаимодействия на разных уровнях – не только между правительствами и профильными министерствами, но и среди бизнесменов, представителей науки и культуры (Бизнес-форум БРИКС, Финансовый форум БРИКС, Научный форум БРИКС, Совет исследовательских центров БРИКС и т. д.), однако благодаря членству в объединении ведущих мировых держав проекты БРИКС в отличие от

ИБСА изначально носили более глобальный характер и имели более обширную повестку дня особенно в финансово-экономической сфере. Все это позволило говорить о том, что своей деятельностью БРИКС стремился уравновесить доминирование Запада в сфере мировой политики и экономики.

Однако объединения, включающие в себя «ведущие» и «средние» державы также имеют ряд объективных «ограничителей». Во-первых – это асимметрия между странами-членами («ведущими» и «средними» державами) с точки зрения возможностей и влияния может затруднять выработку общих подходов по ряду вопросов. В рамках объединений держав одного уровня – как ИБСА и МИКТА – консенсус достигается гораздо легче и быстрее. Во-вторых, объединение столь различных по своим характеристикам стран нарушает исторически сложившиеся идеологические, политические и социально-экономические отношения между отдельными странами-членами, что служит очевидным препятствием для поиска консенсуса в рамках объединения в целом. В-третьих, объединение в рамках одной структуры «ведущих» и «средних» держав накладывает очевидные ограничения на повестку дня саммитов БРИКС, которая должна согласовываться с внешней политикой и политическими предпочтениями Москвы и Пекина. Этим обусловлено, например, то, что такие темы как проблема неравенства (бедные – богатые, сельское – городское население) практически не включаются в повестку дня, хотя и являются весьма актуальными для Индии, Бразилии и ЮАР.

В целом, деятельность G20, ИБСА и БРИКС олицетворяет собой три измерения эволюции трансрегионализма и основные черты его новой формации. Общая черта состоит в том, что вне зависимости от характера модели трансрегионального сотрудничества, участия в нем развитых или исключительно развивающихся стран – для держав «среднего уровня» трансрегионализм и мультилатерализм новой формации – это внешнеполитический инструмент, с помощью которого они стремятся «прыгнуть выше головы», максимально усилить свои переговорные позиции, преодолеть известную ограниченность одно-

²⁵ Dreaming With BRICs: The Path to 2050 // Goldman Sachs, Global Economics Paper No: 99, Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-dream.pdf>

²⁶ BRICS Joint Statistical Publication 2016. New Delhi, 2016. Mode of access: http://www.mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/BRICS_JSP_2016.pdf

сторонних инициатив и двусторонних форматов сотрудничества. Кроме того, трансрегиональное сотрудничество, которое неизбежно сопряжено с построением коалиций в составе стран-единомышленников, позволяет державам «среднего уровня» гораздо эффективнее сопротивляться традиционному давлению со стороны ведущих мировых держав. Новым здесь является не столько само стремление максимизировать свою роль в мировой политике, сколько настойчивость и напор, с которым державы «среднего уровня» в 2000-е гг. стали отстаивать свое право на полноформатное участие в решении и обсуждении глобальных вопросов мировой политики. Этот запрос на новую роль в мировой политике со стороны держав «среднего уровня» и породил предложение в виде трансрегионализма новой формации, воплощением которого являются G20, ИБСА, БРИКС и МИКТА.

МИКТА как пример развития трансрегионализма новой формации

Первая инициативная встреча представителей стран-членов МИКТА (совокупное население – более 500 млн, суммарный годовой ВВП \$5,5 трлн, внешнеторговый оборот – \$1,5 трлн) прошла на уровне глав внешнеполитических ведомств на полях Генассамблеи ООН 25 сентября 2013 г. На ней было принято решение о создании неформальной группы из пяти стран, а также определены паритетные условия функционирования МИКТА. Первоначально идея-термин была сформулирована Джимом О'Нилом как MIST (МИКТ) и включала четыре страны – Мексику, Индонезию, Южную Корею и Турцию, каждая из которых входила в группу «Группу одиннадцати» (N-11 – «*The Next Eleven*»), выделенную аналитиками «Goldman Sachs» в середине 2000-х гг. как «новый БРИК» – в качестве группы стран с высокой вероятностью превращения своих национальных экономик в локомотивы мировой экономики XXI в.²⁷

Уже в 2011 г. Джим О'Нил назвал Мексику, Индонезию, Южную Корею и Турцию четырьмя крупнейшими экономиками «Группы одиннадцати» (потенциальный годовой экономический рост выше, чем у большинства развивающихся экономик в период 2013–2030 гг.)²⁸, объединив их в рамках нового акронима MIST (МИКТ). Иными словами сама идея объединения стран в MIST (МИКТ) базировалась на критерии темпов экономического роста и динамики экономического развития – аналогично тому, как это было с изобретением ИБСА и БРИКС.

Свое современное название и текущий страновой состав МИКТА обрела с присоединением к группе Австралии на установочном саммите МИКТА, прошедшем на полях 68-й Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2013 г. Для Австралии участие в создании МИКТА должно было подтвердить ее роль как ответственного и активного участника международных процессов и, как следствие, повысить ее место в иерархии держав-лидеров регионального масштаба. Для других участников МИКТА членство Австралии означало изменение статуса объединения, которое теперь включала не только быстро развивающиеся страны, относящиеся к условной категории новых держав «среднего уровня», но и традиционную «старую» «среднюю державу», что, в свою очередь, ставило под сомнение подобную типологию разделения «средних держав» на «старые» и «новые». Таким образом красивая аббревиатура MIST или MIKT из умозрительного изобретения аналитиков «Goldman Sachs», придуманного для обозначения стран с сопоставимыми темпами экономического развития, трансформировалась в МИКТА – уже не просто акроним, а институционализированное многостороннее трансрегиональное объединение, базирующееся на взаимодействии и сотрудничестве в торгово-экономической и политико-дипломатической сфере. Главным инициатором создания МИКТА выступила

²⁷ The N-11: More than an Acronym // Goldman Sachs, Global Economics Paper No: 153. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-book/brics-chap-11.pdf>

²⁸ Berger, Roland. Trend Compendium 2030, Megatrend 2: Globalization & Future Markets // Roland Berger Strategy Consultants, May 2014, Mode of access: https://www.rolandberger.com/en/Publications/pub_trend_compendium_2030_megatrend_2_globalization_future_markets.html

Южная Корея, которая видела в этом объединении механизм наращивания своего влияния в международных организациях и участия в глобальном управлении. Индонезия рассматривала МИКТА как инструмент увеличения поле маневра в своей международно-дипломатической деятельности. Для Турции и Мексики МИКТА должна была стать инструментом решения экономических проблем (увеличения внешнеторгового оборота, привлечения иностранных инвестиций, облегчения визового режима).

Столь обширная палитра интересов, не фокусирующихся исключительно на экономических аспектах сотрудничества и развития, показывает еще одну черту трансрегионализма нового формата: солидарность подходов и проблемный консенсус в рамках межгосударственных объединений (равно как и сама возможность их построения и функционирования) – это следствие сопряжения не только экономических факторов, но также и политико-дипломатических интересов²⁹. При этом существенные различия в демографических потенциалах и показателях, размерах ВВП, уровне жизни основной массы населения, языке, культуре, религии и традициях (не говоря уже о том, что географически страны МИКТА расположены на четырех разных континентах) не выступают непреодолимыми противопоказаниями для трансрегиональной интеграции, в рамках которой на первый план выходит поиск точек сопряжения интересов и подходов. Все, что раньше выступало существенной помехой построения моделей сотрудничества, уже не релевантно для трансрегионализма нового формата. Совокупный финансово-экономический потенциал стран, объединенных в рамках МИКТА, составляет одну четвертую финансово-экономического потенциала «Большой двадцатки». Согласно агрегированным данным Всемирного банка на 2016 г., по объему ВВП Республика Корея занимает 11-е место в мире, Австралия,

Мексика, Индонезия и Турция в этой иерархии занимают с 14-го по 17-е место соответственно³⁰. Такой внушительный политико-экономический потенциал стран-членов МИКТА делает это объединение существенным влиянием в вопросах глобального управления и мировой экономики.

МИКТА рельефно показывает еще одну отличительную черту трансрегионализма нового формата – рост влияния региональных центров силы в мировой политике. Страны, занимающие лидирующие позиции в своем регионе или претендующие на них, хотя и не обладают достаточным потенциалом, чтобы диктовать свою волю ведущим мировым державам на региональном уровне, однако они выступают непременными участниками (а не только реципиентами) политических процессов в регионе, более того – осуществление каких-либо проектов на региональном уровне становится невозможным без учета фактора «региональных центров силы».

МИКТА как раз и объединила в своих рядах такие региональные центры силы – «стержневые страны» для своих регионов. Так, Мексика в Латинской Америке – «стержневая» держава и ключевая экономика для региона не только по финансовым показателям, но и благодаря близости к США, своему влиянию в НАФТА, быстро растущим торговым связям с рынками Центральной и Северной Америки. Индонезия – единственная страна Юго-Восточной Азии, входящая в G20, стратегически важная держава для региона по темпам экономического развития за последнее десятилетие, по объему населения, ключевой роли в АСЕАН, успехам в построении партнерских связей с ведущими мировыми державами. Южная Корея – одна из наиболее динамично развивающихся экономик в Северо-Восточной Азии, страна, претендующая на региональное лидерство и активно наращивающая свой вес в глобальной экономике. Турция – одна из «стержневых» стран для региона с внушительным геополитическим и геостратегическим потенциалом, активно наращивающая свое

²⁹ Karagöl, Erdal. Kıtalar Arası Ekonomik İşbirliği: MİKTA (Intercontinental Economic Partnership: MİKTA) // *SETA Perspektif*, Ağustos 2014, Sayı: 62, Mode of Access: http://file.setav.org/Files/Pdf/20140819155101_kıtaralar-arasi-ekonomik-isbirligi-mikta-pdf.pdf

³⁰ Gross Domestic Product 2016 // World Bank Data Base, Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>

влияние в ближневосточной политике и бурно развивающаяся политико-дипломатическую и экономическую деятельность в Африке. Австралия – крупнейший поставщик сырья для промышленного производства в АТР, страна с устойчивой экономикой, небольшим населением, развитыми экономическими, военно-дипломатическими и военно-политическими отношениями как со странами Азии, так и США.

Страны, входящие в МИКТА, обладают уникальным геостратегическим потенциалом, выступая в роли естественных «мостов» (сама идея «моста» была заявлена в совместной статье-декларации министров иностранных дел стран МИКТА «Глобальное управление XXI века: подъем остальных стран – трансрегиональные сети»³¹), соединяющих разные континенты, географические регионы и т.д. Мексика выступает естественным мостом между Северной и Южной Америкой; Индонезия – своего рода «портал» для Запада в регион Юго-Восточной Азии; Южная Корея географически расположена между двумя региональными полюсами – Китаем и Японией; Турция – страна, исторически всегда выступавшая «мостом» между Европой и Азией; Австралия – также является страной, выступающей «мостом» для Запада в регион Северо-Восточной Азии. Благодаря геостратегическому потенциалу стран-членов МИКТА может играть роль «связующего звена» или «моста» между высокоразвитыми и развивающимися странами, входящими в G20, не только географически, но также и в социально-экономическом, политико-дипломатическом и культурно-идеологическом плане. Подобные посреднические функции МИКТА отражают еще одну характерную черту трансрегионализма держав «среднего уровня», которым для успеха в вопросах международных отношений должны обладать большим

дипломатическим тактом и глубоким пониманием сути «линий разлома» между теми или иными странами. С этой точки зрения МИКТА могла бы восполнить ряд недостатков существующей модели взаимодействия в рамках G20, консолидируя вокруг себя «поднимающиеся державы» и тем самым расширив возможности поиска консенсуса в рамках «Большой двадцатки».

Пример МИКТА также демонстрирует важность практического сотрудничества и функционального взаимодействия в рамках межгосударственных объединений как важную составляющую трансрегионализма нового формата. Фактически МИКТА открыла для входящих в нее стран ряд новых направлений межстрановой кооперации по самым разнообразным вопросам от глобального управления (реформа ООН, функционирование G20), вопросов экологии и ядерного разоружения до проблем защиты прав человека, миграции и кибербезопасности³². Так, в рамках МИКТА Мексика и Турция взялись решать вопросы налаживания прямого авиасообщения, Южная Корея стала использовать инфраструктуру МИКТА для расширения двухсторонней торговли с Мексикой.

Как трансрегиональный проект МИКТА предоставила входящим в него странам возможность выстраивать своеобразную сетевую инфраструктуру взаимодействия с другими странами на двухсторонней, трехсторонней или многосторонней основе по самым разнообразным вопросам. В этом случае политико-идеологические, социально-экономические и геостратегические различия между странами МИКТА создали эффект комплементарности, не усложняя, а облегчая реализацию совместных инициатив. Ряд стран-членов МИКТА индустриально более развиты, чем другие, уровень их военно-политического влияния на региональном уровне тоже не всегда сопоставим. Аналогично обстоит дело и с вопросом энергетических ресурсов: часть стран МИКТА обладают богатыми запасами энергоресурсов, часть – энергозависимы. Все это позволяет

³¹ Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-21st-century-global-governance-rise-of-the-rest-cross-regional-networks-published-in-the-daily-sabah.en.mfa>

³² Parello-Plesner, Jonas. KIA – Asia’s Middle Powers on the Rise? // *East Asia Forum*, 10/08/2009. Mode of access: <http://www.eastasiaforum.org/2009/08/10/kia-asias-middle-powers-on-the-rise/>

участникам МИКТА поддерживать в рамках объединения принцип комплементарности и взаимодополняемости, а не конкуренции. Об этом говорит, в частности, то, каким образом МИКТА способствует расширению доступа для стран-членов объединения к одновременно к рынкам Северной и Латинской Америки, Ближнего Востока и Азии.

Деятельность МИКТА рельефно показала также, что сотрудничество с более крупными объединениями, включающими ведущие мировые державы, – императив для блоков, состоящих исключительно из держав «среднего уровня». Неслучайно развитие МИКТА с самого начала имело тесное сопряжение с «Большой двадцаткой»: ежегодные встречи глав внешнеполитических ведомств стран МИКТА проходят как раз в рамках саммитов «Большой двадцатки». Четыре страны-члена МИКТА за последние пять лет председательствовали в G20: Южная Корея в 2011 г., Мексика в 2012 г., Австралия в 2014 г. и Турция в 2015 г.

Принцип ежегодной ротации страны-председателя G20 служит для МИКТА важным механизмом расширения межстранового взаимодействия внутри объединения и наращивания своего влияния в рамках G20. Особенно продуктивным с этой точки зрения оказалась система неформального управления G20 – «тройка» (в которую входят прошлый, текущий и будущий председатель G20): Южная Корея и Мексика, равно как Австралия и Турция имели возможность совместно работать в рамках «тройки», тем самым существенно укрепляя позиции МИКТА в рамках G20. Само председательство в «Большой двадцатке» давало странам-членам МИКТА дополнительные операционные возможности взаимодействия и с ведущими мировыми державами, и с развивающимися странами, не входящими в МИКТА, что также повышало вес МИКТА в международных делах³³.

Тесное взаимодействие МИКТА с более влиятельными и межгосударственными объединениями показывает важную черту

трансрегионализма держав «среднего уровня»: с одной стороны, готовность консолидировать усилия отдельных стран, входящих в объединение, для отстаивания своих позиций «единым фронтом», с другой, – открытость подобных проектов для новых членов. Развивая этот тезис, можно предположить, что потенциально МИКТА могла бы выступить своего рода «буфером» между «Большой семеркой» и БРИКС. Однако для этого требуется расширения членства. МИКТА обладает потенциалом расширения странового членства за счет Саудовской Аравии и Аргентины. Саудовская Аравия смогла бы не только компенсировать дефицит энергетического потенциала стран МИКТА, но и усилить МИКТА по отношению к БРИКС. Аргентина могла бы также усилить позиции МИКТА в G20 за счет своего ресурсного потенциала, экспорт-ориентированной экономики и диверсифицированной индустриальной базы. Все это существенным образом могло бы изменить соотношение сил в рамках G20 и трансформировало динамику его развития и деятельности³⁴, поскольку создало бы условия для различных ситуативных коалиций, а переговорный процесс не имел бы заранее заданного исхода³⁵.

* * *

Несмотря на потенциальные возможности новых многосторонних трансрегиональных объединений, подобных МИКТА, по своему влиянию и авторитету они пока что все равно существенно уступают блокам, в состав которых входят ведущие мировые державы. Модели нового трансрегионализма и использование опыта других многосторонних объединений позволяет МИКТА претендовать на роль значимого субъекта международных отношений и глобального управления. Потенциал возмож-

³³ Cooper, Andrew; Mo, Jongryn. *Middle Power Leadership and the Evolution of the G20 // The Rise of Korean Leadership. Emerging Powers and Liberal International Order*. London: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 17-30.

³⁴ Komegay, Francis A. *Move over BRICS and IBSA – MIKTA's here! // SAFPI Policy Brief*, No. 48, October 2013. Mode of access: <http://osf.org.za/wp-content/uploads/2015/08/Move-over-BRICS-and-IBSA-MIKTA%E2%80%99s-here.pdf>

³⁵ Tyler, Melissa; McDonald-Seaton, Doris. *Mixing with the MIKTAs // Australian Institute of International Affairs*, 24/04/2014. Mode of Access: http://www.Internationalaffairs.org.au/australian_outlook/mixing-with-the-miktas/

ностей МИКТА проистекает из совокупности инструментов косвенного «несилового» влияния (моральное лидерство в ключевых регионах, разработка гибких стратегий политического участия и т. д.)³⁶.

Своей деятельностью МИКТА вносит вклад в развитие существующей модели международных отношений и способствует ревизии устоявшихся стереотипов о падающей эффективности международных институтов как базовой характеристики сегодняшнего мирового порядка. Конечно, пока еще рано судить о достижениях МИКТА, однако сама программа действий МИКТА, диапазон поставленных задач – от укрепления двухсторонних связей и расширения сферы политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества до реализации совместных проектов помощи развивающимся странам и кооперации по глобальным вопросам реформы ООН и блокирования в рамках G20 – показывает вектор развития трансрегионализма держав «среднего уровня». Прошедшие саммиты МИКТА, совместные декларации, научно-просветительские проекты, успешное наращивание объема двухстороннего и многостороннего торгово-экономического сотрудничества и т. д. – все это наглядно продемонстрировало наличие у МИКТА серьезного потенциала для выполнения роли важного системного игрока, объединяющего развивающиеся страны в рамках «Большой двадцатки». В отличие от G7 или БРИКС в числе членов МИКТА – две крупные мусульманские страны (Индонезия и Турция), что дает этому объединению дополнительные возможности в сфере налаживания межкультурного и межцивилизационного диалога и повышает тактические возможности МИКТА по ряду острых вопросов мировой политики, связанных с исламскими странами.

В динамике развития трансрегионализма нового формата МИКТА нельзя считать прорывом по сравнению с ИБСА,

представляющую пример аналогичного, относительно успешного, сотрудничества развивающихся стран. Однако в подходах и деятельности МИКТА можно увидеть своего рода «работу над ошибками» и учет опыта ИБСА. Так, если ИБСА изначально позиционировалась как межгосударственное объединение, нацеленное на развитие сотрудничества по модели «Юг-Юг», у МИКТА с момента ее создания масштабы поставленных целей отличались гораздо большим упором на трансрегиональное сотрудничество. Вместе с тем наличие у ИБСА негласной поддержки со стороны БРИКС, в который входят все страны-члены ИБСА, дает ему определенные преимущества перед МИКТА.

Тем не менее отсутствие прямой поддержки со стороны ведущих мировых держав члены МИКТА постарались обернуть в свою пользу. Во-первых, МИКТА реализует механизм гибкой трансрегиональной консультативной платформы, где каждая страна-член может свободно выдвигать свои инициативы и иметь возможность оперативного создания инфраструктуры для ее реализации. Соответственно МИКТА далека от модели межстранового партнерства с безоговорочным лидерством какой-либо державы со всеми ее издержками. Во-вторых, МИКТА изначально нацеливалась на использование как общих черт и интересов, так и существенных различий в базовых страновых характеристиках государств-членов объединения³⁷. При всех страновых различиях осознание насущной необходимости межстрановой кооперации поднимающихся держав для более эффективного отстаивания своих интересов и участия в решении региональных и международных проблем лежит в основе МИКТА и не дает этому объединению распасться.

На фоне общемировой тенденции по-

³⁶ Sung-han, Kim. *Global Governance and Middle Powers: South Korea's Role in the G20* // *Council on Foreign Relations*, February 2013, Mode of access: <http://www.cfr.org/south-korea/global-governance-middle-powers-south-koreas-role-g20/p30062>

³⁷ Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled "21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks" Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-21st-century-global-governance-rise-of-the-rest-cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

вышенного внимания к «поднимающимся державам» любой стране, подпадающей под эту категорию, крайне сложно действовать в одиночку, о чем красноречиво говорит пример Турции с ее неудовлетворенными амбициями регионального и макрорегионального лидерства. Объединение «средних держав» в рамках МИКТА показывает возможность кратного увеличения влияния каждой отдельно взятой страны, входящей в это объединение, поскольку его уже гораздо труднее игнорировать, учитывая и совокупный финансово-экономический потенциал и голоса в рамках других ведущих международных организациях. Реально оценивая свои возможности, МИКТА изначально не стремилась противопоставить себя БРИКС или «Большой семерке», а нацеливалась на становление в качестве инфраструктурной основы сотрудничества стран-членов по вопросам внутренней политики, региональной безопасности и глобального управления, развивая модели трансрегионализма, основанного на сопряжении финансово-экономического детерминизма с ценностно-ориентированными подходами.

Литература:

- Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. – 2017. – №2. – с. 37-56. [Voskresenskii, A.D.; Koldunova, E.V.; Kireeva, A.A. Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in "Post-Western" International Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 37-56.]
- Толорая Г.Д. МИКТА – новый элемент конструкции глобального управления? // Российский Совет по международным делам (РСМД), 23/12/2013. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mikta-novyy-element-konstruktsii-globalnogo-upravleniya/> [Toloraja, G.D. MIKTA – novyy jelement konstrukcii global'nogo upravleniya? (MIKTA – a New Element of Global Governance) // *Russian Council for International Affairs (RIAC)*, 23/12/2013. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mikta-novyy-element-konstruktsii-globalnogo-upravleniya/>]
- Медведев сделал из БРИКС БРЮКИ // Lenta.ru, 14/04/2011. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/04/14/bruki/> [Medvedev sdelaL iz BRIKS BRJuKI (Medvedev Made BRJuKI (rus. Trousers) From BRICS) // *Lenta.ru*, 14/04/2011. Mode of Access: <https://lenta.ru/news/2011/04/14/bruki/>]
- Четвертый саммит БРИКС // РБК, 29/03/2012. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/photoreport/29/03/2012/5703f5409a7947ac81a665b8> [Chetvertyj sammit BRIKS (The Fourth Summit of BRICS) // *RBK*, 29/03/2012. Mode of access: <http://www.rbc.ru/photoreport/29/03/2012/5703f5409a7947ac81a665b8>]

Яковлев П.П. Мексика: геополитический ракурс структурных реформ (портрет страны-лидера группы МИНТ) // Перспективы. Электронный журнал. – 2015. – № 1. – с. 79-95. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/meksika_geopoliticheskij_rakurs_strukturnyh_reform_portret_strany-lidera-gruppy_mint_2014-10-13.htm [Iakovlev, P.P. Meksika: geopoliticheskii rakurs strukturnykh reform (portret strany-lidera grupy MINT) (Mexico: Geopolitical Perspective of Structural Reforms (A Portrait of a Leader Country in the MINT Grouping)) // *Perspectives. E-Journal*, 2015. No. 1. pp. 79-95. Mode of Access: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/meksika_geopoliticheskij_rakurs_strukturnyh_reform_portret_strany-lidera-gruppy_mint_2014-10-13.htm]

Alden, Chris; Vieira, Marco Antonio. The New Diplomacy of the South: South Africa, Brazil, India and Trilateralism // *Third World Quarterly*, 2005, Vol. 26, No. 7, pp. 1077-1095.

Berger, Roland. Trend Compendium 2030, Megatrend 2: Globalization & Future Markets // Roland Berger Strategy Consultants, May 2014, Mode of access: https://www.rolandberger.com/en/Publications/pub_trend_compendium_2030_megatrend_2_globalization_future_markets.html

Boesler, Matthew. O'Neill, Man Who Coined 'BRICs,' Still Likes BRICs, But Likes MINTs, Too // *The Wall Street Journal*, 09/12/2013. Mode of access: <https://blogs.wsj.com/moneybeat/2013/12/09/oneill-man-who-coined-brics-still-likes-brics-but-likes-mints-too/>

BRICS Joint Statistical Publication 2016. New Delhi, 2016. Mode of access: http://www.mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/BRICS_JSP_2016.pdf

Caporaso, James. International Relations Theory and Multilateralism: the Search for Foundations // *International Organization*, 1992, Vol. 46, No. 3, pp. 600-601.

Cooper, Andrew; Mo, Jongryn. Middle Power Leadership and the Evolution of the G20 // *The Rise of Korean Leadership. Emerging Powers and Liberal International Order*. London: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 17-30.

Cox, Robert. Middlepowermanship, Japan and the Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, Iss. 4, pp. 823-862.

Dreaming With BRICs: The Path to 2050 // Goldman Sachs, Global Economics Paper No: 99, Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-dream.pdf>

Gross Domestic Product 2016 // World Bank Data Base, Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>

India – Brazil – South Africa Dialogue Forum. Official Website, Mode of Access: <http://www.ibsa-trilateral.org/about-ibsa/background>

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Joint Article by MIKTA Foreign Ministers Entitled “21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks” Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_rise-of-the-rest_cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Jordaan, Eduard. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, 2003, Vol. 30, No. 2.

Karagöl, Erdal. Kötalar Arası Ekonomik İşbirliği: MİKTA (Intercontinental Economic Partnership: MİKTA) // *SETA Perspektif*, Ajustos 2014, Sayı: 62, Mode of Access: http://file.setav.org/Files/Pdf/20140819155101_kitalar-arasi-ekonomik-isbirligi-mikta-pdf.pdf

Keohane, Robert. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organizations*, 1969, Vol. 23, No. 2, pp. 291-310.

Keohane, Robert. Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*, 1990, Vol. 45, No. 4.

Kornegay, Francis A. Move over BRICS and IBSA – MİKTA's here! // *SAFPI Policy Brief*, No. 48, October 2013. Mode of access: <http://osf.org.za/wp-content/uploads/2015/08/Move-over-BRICS-and-IBSA-MIKTA%E2%80%99s-here.pdf>

Larson, Deborah; Shevchenko, Alexei. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // *International Security*, 2010, Vol. 34, No. 4, pp. 63-95.

Mares, David. Middle Powers under Regional Hegemony: to Challenge or to Acquiesce in Hegemonic Enforcement // *International Studies Quarterly*, 1988, Vol. 32, No. 4, pp. 453-471.

Neack, Laura. Linking State Type with Foreign Policy Behavior // *Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in its Second Generation*. New Jersey: Prentice Hall, 1995, pp. 218-224.

O'Neill, Jim. Building Better Global Economic BRICS // *Goldman Sachs*, November 2001. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/building-better.html>

Parello-Plesner, Jonas. KIA – Asia's Middle Powers on the Rise? // East Asia Forum, 10/08/2009. Mode of access: <http://www.eastasiaforum.org/2009/08/10/kia-asias-middle-powers-on-the-rise/>

Russell, Jonathan. Geoghegan digests and delivers new acronym // *The Telegraph*, 12/07/2010. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/citydiary/7886195/Geoghegan-digests-and-delivers-new-acronym.html>

Sung-han, Kim. Global Governance and Middle Powers: South Korea's Role in the G20 // *Council on Foreign Relations*, February 2013. Mode of access: <http://www.cfr.org/south-korea/global-governance-middle-powers-south-koreas-role-g20/p30062>

The N-11: More than an Acronym // Goldman Sachs, Global Economics Paper No: 153. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-book/brics-chap-11.pdf>

Tyler, Melissa; McDonald-Seaton, Doris. Mixing with the MİKTAs // *Australian Institute of International Affairs*, 24/04/2014. Mode of Access: http://www.internationalaffairs.org.au/australian_outlook/mixing-with-the-miktas/

Wright, Chris. After the BRICS are the MINTs, But Can You Make Any Money From Them? // *Forbes*, 06/01/2014. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/chriswright/2014/01/06/after-the-brics-the-mints-catchy-acronym-but-can-you-make-any-money-from-it/#5260a93229a6>

III Summit Joint Declaration (New Delhi, October 15th, 2008) // IBSA – Trilateral Official Website, Mode of access: <http://www.commit4africa.org/sites/default/files/IBSA-3rd-Joint-Summit-New-Dehli-2008.pdf>

References:

Alden, Chris; Vieira, Marco Antonio. The New Diplomacy of the South: South Africa, Brazil, India and Trilateralism // *Third World Quarterly*, 2005, Vol. 26, No. 7, pp. 1077-1095.

Berger, Roland. Trend Compendium 2030, Megatrend 2: Globalization & Future Markets // Roland Berger Strategy Consultants, May 2014, Mode of access: https://www.rolandberger.com/en/Publications/pub_trend_compendium_2030_megatrend_2_globalization_future_markets.html

Boesler, Matthew. O'Neill, Man Who Coined 'BRICS,' Still Likes BRICS, But Likes MINTs, Too // *The Wall Street Journal*, 09/12/2013. Mode of access: <https://blogs.wsj.com/moneybeat/2013/12/09/oneill-man-who-coined-brics-still-likes-brics-but-likes-mints-too/>

BRICS Joint Statistical Publication 2016. New Delhi, 2016. Mode of access: http://www.mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/BRICS_JSP_2016.pdf

Caporaso, James. International Relations Theory and Multilateralism: the Search for Foundations // *International Organization*, 1992, Vol. 46, No. 3, pp. 600-601.

Chetvertyj sammit BRIKS (The Fourth Summit of BRICS) // *RBK*, 29/03/2012. Mode of access: <http://www.rbc.ru/photoreport/29/03/2012/5703f5409a7947ac81a665b8>

Cooper, Andrew; Mo, Jongryn. Middle Power Leadership and the Evolution of the G20 // *The Rise of Korean Leadership. Emerging Powers and Liberal International Order*. London: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 17-30.

Cox, Robert. Middlepowermanship, Japan and the Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, Iss. 4, pp. 823-862.

Dreaming With BRICS: The Path to 2050 // Goldman Sachs, Global Economics Paper No: 99, Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-dream.pdf>

Gross Domestic Product 2016 // World Bank Data Base, Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>

Iakovlev, P.P. Meksika: geopoliticheskii rakurs strukturnykh reform (portret strany-lidera gruppy MINT) (Mexico: Geopolitical Perspective of Structural Reforms (A Portrait of a Leader Country in the MINT Grouping)) // *Perspectives. E-Journal*, 2015. No. 1. pp. 79-95. Mode of Access: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/meksika_geopoliticheskij_rakurs_strukturnyh_reform_portret_strany-lidera-gruppy_mint_2014-10-13.htm

III Summit Joint Declaration (New Delhi, October 15th, 2008) // IBSA – Trilateral Official Website, Mode of access: <http://www.commit4africa.org/sites/default/files/IBSA-3rd-Joint-Summit-New-Dehli-2008.pdf>

India – Brazil – South Africa Dialogue Forum. Official Website, Mode of Access: <http://www.ibsa-trilateral.org/about-ibsa/background>

Joint Article by MİKTA Foreign Ministers Entitled "21st Century Global Governance: Rise of the Rest-Cross Regional Networks" Published in the Daily Sabah // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. Official Website. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/joint-article-by-mikta-foreign-ministers-entitled-_21st-century-global-governance_-rise-of-the-rest-cross-regional-networks_-published-in-the-daily-sabah.en.mfa

Jordaan, Eduard. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, 2003, Vol. 30, No. 2.

Karagöl, Erdal. Kıtalar Arası Ekonomik İşbirliği: MIKTA (Intercontinental Economic Partnership: MIKTA) // *SETA Perspektif*, Apustos 2014, Sayı: 62, Mode of Access: http://file.setav.org/Files/Pdf/20140819155101_kitalar-arasi-ekonomik-isbirligi-mikta-pdf.pdf

Keohane, Robert. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organizations*, 1969, Vol. 23, No. , pp. 291-310.

Keohane, Robert. Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*, 1990, Vol. 45, No. 4.

Kornegay, Francis A. Move over BRICS and IBSA – MIKTA's here! // *SAFPI Policy Brief*, No. 48, October 2013. Mode of access: <http://osf.org.za/wp-content/uploads/2015/08/Move-over-BRICS-and-IBSA-MIKTA%E2%80%99s-here.pdf>

Larson, Deborah; Shevchenko, Alexei. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // *International Security*, 2010, Vol. 34, No. 4, pp. 63-95.

Mares, David. Middle Powers under Regional Hegemony: to Challenge or to Acquiesce in Hegemonic Enforcement // *International Studies Quarterly*, 1988, Vol. 32, No. 4, pp. 453-471.

Medvedev sdela iz BRIKS BRJuKI (Medvedev Made BRJuKI (rus. Trousers) From BRICS) // *Lenta.ru*, 14/04/2011. Mode of Access: <https://lenta.ru/news/2011/04/14/bruki/>

Neack, Laura. Linking State Type with Foreign Policy Behavior // *Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in its Second Generation*. New Jersey: Prentice Hall, 1995, pp. 218-224.

O'Neill, Jim. Building Better Global Economic BRICs // *Goldman Sachs*, November 2001. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/building-better.html>

Parello-Plesner, Jonas. KIA – Asia's Middle Powers on the Rise? // *East Asia Forum*, 10/08/2009. Mode of access: <http://www.eastasiaforum.org/2009/08/10/kia-asias-middle-powers-on-the-rise/>

Russell, Jonathan. Geoghegan digests and delivers new acronym // *The Telegraph*, 12/07/2010. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/citydiary/7886195/Geoghegan-digests-and-delivers-new-acronym.html>

Sung-han, Kim. Global Governance and Middle Powers: South Korea's Role in the G20 // *Council on Foreign Relations*, February 2013, Mode of access: <http://www.cfr.org/south-korea/global-governance-middle-powers-south-koreas-role-g20/p30062>

The N-11: More than an Acronym // *Goldman Sachs, Global Economics Paper No: 153*. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-book/brics-chap-11.pdf>

Toloraja, G.D. MIKTA – novyj jelement konstrukcii global'nogo upravleniya? (MIKTA – a New Element of Global Governance) // *Russian Council for International Affairs (RIAC)*, 23/12/2013. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mikta-novyy-element-konstruktsii-globalnogo-upravleniya/>

Tyler, Melissa; McDonald-Seaton, Doris. Mixing with the MIKTAs // *Australian Institute of International Affairs*, 24/04/2014. Mode of Access: http://www.Internationalaffairs.org.au/australian_outlook/mixing-with-the-miktas/

Voskresenskii, A.D.; Koldunova, E.V.; Kireeva, A.A. Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in "Post-Western" International Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 37-56.

Wright, Chris. After the BRICS are the MINTs, But Can You Make Any Money From Them? // *Forbes*, 06/01/2014. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/chriswright/2014/01/06/after-the-brics-the-mints-catchy-acronym-but-can-you-make-any-money-from-it/#5260a93229a6>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-127-144>

IN SEARCH FOR TRANSREGIONAL ALTERNATIVES IN EURASIA: THE PHENOMENON OF MIKTA

Pavel V. Shlykov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 4 September 2017 <i>Accepted:</i> 20 November 2017	Abstract: The papers analyses new integration initiative of the middle powers namely MIKTA (Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, Australia) against the background of evolution of trans-regional integration processes in Asia and Europe. The phenomenon of MIKTA is analyzed in comparison with other most successful trans-regional integration projects like G20, BRICS and IBSA (Dialogue forum of India, Brazil and South Africa). MIKTA represents a very interesting pattern of middle powers' aspiration to create multilateral international institutions which they can use to produce much stronger influence on the global politics in comparison with a simple sum of these countries' individual efforts outside the framework of such trans-regional institutions. The key question is how trans-regional integration initiatives similar to MIKTA could influence political and economic processes on the regional and macro-regional levels and whether it is possible to speak about new format of trans-regional integration models. Unlike other integration projects of middle powers MIKTA is not a formal association of different countries according to some common features (like N-11 or the Next Eleven Group or MIST/MIKT). On the contrary MIKTA represents a joint voluntary initiative for creation of multilateral trans-regional institution fostering financial, economic, political and diplomatic cooperation. For South Korea MIKTA should have become a mechanism for increasing its influence in the international organizations, Indonesia expected MIKTA to make it stronger politically and diplomatically in the world affairs, both Turkey and Mexico wanted MIKTA to perform an instrument for solving their economic problems (increase international trade volume, attract foreign investments etc.). Special political, diplomatic, trade and economical potential of MIKTA is based on the fact that its member countries claim to play a role of regional pivots which are located as bridges among various continents and geographies like Turkey (between Europe and Asia) and Mexico (between North and South America) or serve as a sort of a portal for the West to the region of Southeast Asia, specifically to its Muslim populated part, (Indonesia) and Asia-Pacific (Australia). <i>Acknowledgements:</i> The article is prepared with support of Russian Science Foundation, Project No. 17-18-01614
About the author: Candidate of History, Associate Professor, Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University e-mail: shlykov@iaas.msu.ru	
Key words: MIKTA (Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, Australia); BRICS; IBSA; G20; integration; middle power states; emerging powers; multilateral international organizations	

Для цитирования: Шлыков П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 127-144.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-127-144

For citation: Shlykov, Pavel V. Poisk transregional'nykh al'ternativ v Evrazii: fenomen MIKTA (In Search for Transregional Alternatives in Eurasia: the Phenomenon of MIKTA) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.4, pp. 127-144.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-127-144

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Лагутина М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Политех. ун-та, 2016. – 300 с.

В книге анализируется сложный и противоречивый процесс трансформации мировой политической системы XXI века в

условиях и под влиянием двух ведущих тенденций современного мирового развития – глобализации и регионализации. Подробно раскрываются теоретические основы таких понятий как «международная интеграция», «регионализм», «регионализация», «регион», «мировая политическая система».

Основная идея книги состоит в том, что в условиях трансформации мировой политической системы XXI века ключевыми элементами системы выступают не национальные государства, а их региональные объединения, которые представляют наиболее эффективную форму адаптации государств к процессу глобализации. В результате в структуре новой мировой системы формируется новый тип регионального строительства – глобальные регионы.

Цель данной монографии состоит в определении глобального региона в качестве ключевого элемента мировой политической системы XXI века.

Логика изложения материала определяется последовательным переходом от анализа теоретических построений и концепций «нового регионализма» и глобальной регионализации к анализу формирующихся в мирополитической практике типов глобальных регионов. Структурная композиция монографии состоит из 3 глав, разделенных на 13 параграфов. В первой главе данного исследования рассматриваются теоретические основы развития мировых интеграционных процессов и

основные тренды глобальной регионализации в XXI веке, в результате чего дается авторское определение феномена «глобальный регион». Вторая глава посвящена рассмотрению этапов становления мировой политической системы XXI века, дается ее структурно-функциональный анализ. Рассматривая современное состояние мировой политической системы, автор ставит целью выявление специфических ее особенностей и определение места и роли как традиционных элементов международных систем – национального государства, так и новых акторов, в числе которых особое внимание уделяется региональным подсистемам. Наконец, третья глава целиком посвящена сравнительному анализу существующих типов глобальной регионализации в различных регионах мира: европейскому, азиатско-тихоокеанскому, латиноамериканскому и евразийскому. Особое внимание в данной главе уделяется новому феномену мирополитической практики – трансконтинентальным взаимодействиям государств, который автор рассматривает на примере БРИКС.

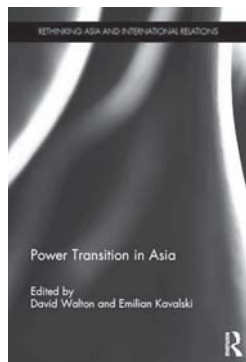
Автором настоящего монографического исследования является кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета Мария Львовна Лагутина.

Текст данной монографии может послужить аналитическим материалом для структур СНГ и Евразийского экономического союза. Материалы могут быть полезны для работы Евразийского банка развития и Евразийской экономической комиссии. Концептуальные идеи, содержащиеся в данном монографическом исследовании, составляют новое направление в исследовании мировой политики в условиях ее глобализации и регионализации.

Книга представляет интерес для международных политологов, историков, а также всех тех, кто интересуется мирополитической проблематикой.

Power Transition in Asia. Ed. by David Walton, Emilian Kavalski. Routledge: London, 2017. 240 p.

Current preoccupations with the 'rise of Asia' attest to the nascent contestation of the very idea of what the pattern of international politics should

look like and how it should be practiced. In this respect, the growing reference to a 'shift to the East' in global politics has become a popular shorthand for the nascent "power transition" in world affairs. This volume offers a detailed conceptual and empirical investigation of the dynamics

in Asia and details the accommodation strategies and coping mechanisms of different small and middle powers in Asia and, importantly, China's responses to these approaches.

Academic Journal of Russian Studies / Академический журнал исследований России No. 5, 2017 (Харбин, КНР)

编辑委员会

顾问 李凤林? 古昌 李静杰 王海?

吴恩远 张政文 俞 邃 陆南泉

主任 丁立群

编委 (以姓氏笔画为序)

于洪君 马蔚云 冯玉军 冯绍雷

朱晓中 刘 爽 孙壮志 李 新

李永全 李传勋 吴大辉 张建华

张盛发 陈开科 姜振军 徐坡岭

唐朱昌 常 盼 程亦军 靳会新

A.C. 达维多夫 A.D. 沃斯克列先斯基

C.T. 卢贾宁

主编 靳会新

编辑部人员

编辑部主任 李淑华

编辑? 会新 李淑华? ?

Содержание No.5, 2017

Ван Сяньцзюй. Оценка третьего президентского срока Путина

Лю Хунянь. Зарождение и развитие: историческая эволюция идей правовой системы в России на раннем этапе

Фу Цзинюнь. Научно-технический потенциал России и оценка инновационной деятельности

Сюй Вэньхун. Некоторые соображения и влияния финансовых санкций США и Европы в отношении России

Го Сяоцун. Новое развитие и новое мышление: торгово-экономическое сотрудничество Китая и России в состоянии "новой нормы"

Чжао Хуэйжун. О текущей ситуации и перспективах развития китайско-белорусского сотрудничества в области образования

Бай Сяохун. Нигилистические тенденции в культуре в ранний советский период

Ма Цян. Культурное наследие России и формирование "мягкой силы"

Цзюй Хао. Анализ экономического голодания в процессе трансформации в странах Центральной и Восточной Европы

Хай Лу. Обзор научного форума "Концепция, общество и культура народов Центральной Азии после распада СССР"

Contents No.5, 2017

Wang Xianju. Analysis of Putin's Third Term in Kremlin

Liu Hongyan. Stir and Development: Historical Evolution and Legal Thought of Early Russia

Fu Jingyun. Performance Evaluation of Russian Science and Technology Innovation Ability and Innovation

Xu Wenhong. The Impact of Financial Sanctions Against Russia by the West and Some Considerations

Guo Xiaoqiong. New Progress and New Ideas of Sino-Russian Economic and Trade Cooperation Under the "New Normal"

Zhao Huirong. The Present Situation and Prospect of Education Cooperation Between China and Belarussia

Bai Xiaohong. The Nihilism in Early Soviet Culture

Ma Qiang. Russian Cultural Heritage and Soft Power Generation

Ju Hao. An Analysis on Economic Voting During the Transition of Central and Eastern Europe

Hai lu. A Summary of Forum on "The Concept, Society and Culture of the Central Asian Nations Since the Collapse of the Soviet Union"

БРИКС НА МИРОВОЙ АРЕНЕ: НОВАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

23 ноября 2017 г. Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО и Центр БРИКС провели круглый стол «БРИКС сегодня: поступательное развитие и новые вызовы в условиях международной нестабильности (к итогам председательства Китая)». Предлагаем вниманию читателей краткий обзор выступлений.

Приветствовал участников заседания директор ИМИ МГИМО А.А. Орлов. Центр БРИКС, возглавляемый Л.С.Окуневой, был создан в 2011 г.; его работа способствовала созданию собственной традиции исследования проблематики БРИКС в МГИМО, и сегодняшнее мероприятие продолжает эту традицию. Важно, что здесь участвуют молодые исследователи, способные предложить свежий взгляд на проблематику БРИКС. Подобные организации исключительно важны в современных условиях, когда Россия испытывает огромное давление со стороны Запада; сотрудничество по линии БРИКС приобретает тем самым еще большее значение для внешней политики нашей страны. Надеюсь, что высказанные сегодня идеи принесут пользу при определении внешнеполитического курса России на самых разных уровнях: не только в официальной, но и в публичной, и в народной дипломатии, и в «дипломатии ученых».

Работа круглого стола проходила по двум секциям:

Секция I. БРИКС в мире. О некоторых аспектах геополитики и геоэкономики

Окунева Л.С., директор Центра БРИКС ИМИ МГИМО, профессор кафедры ИПСЕА МГИМО. Наша сегодняшняя встреча происходит накануне перехода председательства в БРИКС от Китая к ЮАР. На рассмотрение выносятся вопросы, которые можно объединить в ряд блоков: БРИКС в мире: геополитический и геоэкономический срез; страновой подход в исследованиях БРИКС; Россия и БРИКС. При обсуждении роли БРИКС как целого и позиций его отдельных членов мы затронем вопросы их двусторонних отношений с США, ведь повестки визитов госсекретаря Тиллерсона в

Индию и президента Трампа в Китай в ноябре 2017 г. показывают, что США не чужаются идеи «играть» с одними странами-участницами БРИКС против других. Значительное изменение общего курса США при Трампе и переход от глобализма и широкого участия в интеграционных объединениях к протекционизму и новому изоляционизму не могут не сказаться на условиях, в которых существует БРИКС, члены которого традиционно выступают против протекционизма. Мы обсудим также вопросы экономического взаимодействия внутри БРИКС (будет ли оно строиться на преимущественно двусторонних связях стран-участниц или носить «общекриксовский» характер), новые инициативы Китая по совершенствованию формата сотрудничества БРИКС, проанализируем перспективы проектов «БРИКС+» и «БРИКС++», включая то, выгодны ли они России.

Мы затронем и такие важные проблемы, как определение каждой страной-участницей места БРИКС в собственной внешней политике и во внешнеэкономических связях. При декларировании общих целей сотрудничества у стран-участниц существуют противоречия как в двусторонних отношениях (Китай и Индия), так и на их рынках (Китай-Бразилия), а также конкуренция в освоении новых рынков в третьих регионах (*Китай, Индия, Бразилия в Африке*).

Отдельный блок вопросов будет связан с местом БРИКС во внешнеполитическом курсе России. Наша страна была одним из инициаторов создания группы, которая тогда называлась «БРИК», и постоянно уделяет этому направлению значительное внимание. Сегодня мы рассмотрим проблематику соотношения национальных интересов России и сотрудничества в рамках БРИКС, а также обозначим сферы, где потенциал этого взаимодействия (в первую очередь, в экономике) ещё недостаточно реализован.

Давыдов В.М., чл.-корр. РАН, председатель Президиума Научного совета НКИ БРИКС, научный руководитель Института Латинской Америки РАН. То состояние современных международных отношений, которое характеризуют как «новая нормальность», отличается резким изменением устоявшихся правил игры, турбулентностью, что весьма

усложняет понимание происходящего. Не менее серьезные трансформации переживает и экономика; многократно возрастают риски, включая военно-политические, в новом свете предстает проблема распространения ядерного оружия.

Если система международных отношений переживает ломку, а многие нормы международного права оспариваются, не должны ли мы иначе взглянуть на объединение БРИКС в условиях, когда солидарность стран-участниц подвергается испытаниям, внутреннее положение в отдельных странах-членах значительно меняется и им все сложнее выработать общую консенсусную позицию? Нам следует уменьшить наши геополитические и геоэкономические ожидания. Это объединение не панацея, а лишь одно из средств, хотя и значительных, в деле создания новой многополярной системы. Участие в БРИКС предоставляет России важное стратегическое преимущество, но оно не должно быть единственным и исчерпывающим. В современном мире страны все чаще вступают в «ситуационные» альянсы, и России нельзя упускать возможность создавать собственные опорные точки в системе международных отношений. Но БРИКС не является ситуационным альянсом, это закономерное явление, для России он важен как возможность стратегического партнерства на основе схожих национальных интересов. Иногда механизм подобного партнерства оказывался переоцененным, поскольку в конфигурацию БРИКС пытались включить самые разнообразные институты, в том числе институты гражданского общества; взаимодействие увязало в этих процессах, что не могло не породить известного недовольства в странах-участницах.

В Китае недовольство вызывает недостаточная динамика роста «отстающих» членов БРИКС (Бразилия, ЮАР), что сдерживает развитие всего объединения. Сам Китай будет все больше претендовать на роль локомотива всего «поезда БРИКС» и уже сейчас активно примеряет ее на себя. Однако, включившись в процесс всей своей мощью и финансовыми ресурсами, Китай – и это видно и в его риторике, и в действиях, – хотя и вежливо учитывает инициативы других участников, но энергично действует, чтобы не допустить остановки «поезда» (России важно определить, насколько это соответствует ее интересам), и одновременно не забывает и о продвижении собственных проектов (прежде всего, «Один пояс – один путь»). При этом Китай высоко ставит стратегическую значимость БРИКС и пока не готов

к «дуумвирату» с США при всей его привлекательности.

Важным преимуществом БРИКС является не только его многосторонний формат, но и возможность позитивно влиять на двусторонние отношения стран-участниц. Так были сглажены противоречия в отношениях Китая и Индии (и Россия сыграла здесь значительную роль). Что касается «слабых звеньев» БРИКС – ЮАР и Бразилии, существует т.н. «институциональная идеология смены режимов», когда юридические технологии способны убрать конкурента с экономической арены.

На современном этапе необходим критический подход к изменению внутреннего соотношения сил внутри БРИКС, но фактом является и то, что это объединение может способствовать созданию уникальных возможностей и для России, и для наших партнеров по БРИКС по-новому заявить о себе как в двусторонних отношениях, так и в формате *международных организаций*.

Лисоволк Я.Д., главный экономист Евразийского банка развития. Платформа БРИКС, которая все серьезнее воспринимается Западом, должна быть жизнеспособной. В этом плане инициатива «БРИКС+», выдвинутая Китаем в период своего председательства в 2017 г. и названная им «Платформа для интеграции», ориентирована на расширение круга партнерств стран БРИКС. Но даже и после ее включения в Сямьскую Декларацию, четкого понимания ее нет. Я выдвинул концепцию «БРИКС+» в начале 2017 г., имея в виду, что естественным продолжением для стран БРИКС являются их региональные партнеры, при этом важно, что каждая страна БРИКС как лидер интеграционного союза в своем регионе, имеет свой круг партнеров: для России это Евразийский экономический союз (ЕАЭС), для Бразилии – МЕРКОСУР, для ЮАР – Африканский таможенный союз, для Китая и Индии – азиатские форматы (Китай-АСЕАН). Подобное видение проблематики расширения партнерств для стран БРИКС особо необходимо в условиях, когда их экономическая политика развивается уже не на национальном, а на региональном уровне, а региональные интеграционные союзы фактически берут на себя значительную долю управления мировой экономикой; при этом глобальные международные финансовые институты (ВТО) эту роль теряют. Поэтому если смотреть на БРИКС через призму региональных партнерств, то можно обнаружить ряд дополнительных уровней

взаимодействия между ними. У региональных интеграционных союзов есть свой региональный банк развития (для ЕАЭС – это ЕАБР), который может взаимодействовать с партнерами на основе софинансирования. Тем самым создается целый пласт абсолютно иного уровня регионального взаимодействия между нашими странами, а это способствует более высокому уровню их представительства совместно с региональными партнерами в международных финансовых организациях. Совокупная доля стран БРИКС в МВФ показывает, что лишь нескольких десятых долей процента не хватает до тех 15%, которые являются блокирующим пакетом. В формате же «БРИКС+» этот пакет можно легко превзойти сразу на несколько процентных пунктов. Самое важное – создание альтернативной платформы для интеграции, которая конкурирует с аналогами из западного мира (например, Транс-Тихоокеанским партнерством).

Серьезная надежда экономического плана, возлагаемая на БРИКС, – продвижение по пути деолларизации, большего использования национальных валют во взаимных расчетах.

Существуют альтернативные концепции, появившиеся несколько позже моей концепции «БРИКС+», – о взаимодействии БРИКС с другими развивающимися странами из G20. На мой взгляд, такое наполнение концепции «БРИКС+» возможно: китайцы воспринимают ее уже не как одноформатную, а как универсальную платформу, способную включить в себя разнообразные варианты взаимодействия: БРИКС+Африка, БРИКС+Латинская Америка, БРИКС+G20, БРИКС+региональные интеграционные группировки. Сейчас, когда председательство переходит к ЮАР, можно разработать концепцию «БРИКС+» для Африки, используя опыт Китая в части проекта «Один пояс – один путь»: своего рода континентальный мегапроект для африканских стран с участием региональных банков развития. Работа с Африкой представляется наиболее перспективной именно в формате региональных блоков.

«БРИКС+» – это региональные интеграционные объединения, но есть и масштабная сеть двусторонних инвестиционных, торговых альянсов, которые пронизывают мировую экономику. На базе «БРИКС+» можно развить эту сеть альянсов с другими региональными интеграционными союзами или с теми странами, которые имеют зоны свободной торговли со странами «БРИКС+». В таком случае речь пойдет уже о «БРИКС++» как об ином уровне вхождения в сеть, на основе других видов пар-

тнерств, как о способе еще более расширить взаимодействие со странами БРИКС и их региональными партнерами.

Арапова Е.Я., старший научный сотрудник Центра БРИКС ИМИ МГИМО. Торговые связи внутри формата БРИКС действуют на фоне ряда тенденций: наращивание темпов импорта Бразилии из Индии, Китая из ЮАР, экспорта Индии в ЮАР, экспортно-импортного товарооборота между ЮАР и Россией; в средне- и долгосрочной перспективах во взаимной торговле будет расти доля менее технологичной (в ущерб более технологичной) и традиционной продукции – сырья, сельскохозяйств и химической продукции; может ослабевать высокая взаимодополняемость «внутрибриксовской» торговли; может усилиться разрыв в интенсивности участия стран БРИКС в глобальных цепочках добавленной стоимости – если доля добавленной стоимости, произведенной в Китае, растет, то доля остальных стран БРИКС почти не меняется: Индия, Россия и Бразилия участвуют в традиционно более коротких цепочках, задействованы на их начальных стадиях, а доля производимой в этих странах добавленной стоимости ограничена.

Эффективности торговли внутри БРИКС также различна. Имеется ряд препятствий для расширения российского экспорта в страны БРИКС. Это используемые Китаем в защите внутреннего рынка металлургической и химической продукции антидемпинговые меры, применение которых ведет к полному уходу с китайского рынка российских товаров, а отмена мер не сопровождается возобновлением поставок. Также это санитарные и фитосанитарные меры, введенные Китаем на ввоз российской продукции переработки зерновых культур и молочной продукции, а Индией – на поставки растительных масел из России. Имеются и технические барьеры в торговле, применяемые Бразилией и ЮАР в отношении пищевых и сельскохозяйственных товаров (однако это не слишком ударяет по торговле с Россией ввиду ее слабого присутствия на данном рынке). И, наконец, расширению российского экспорта препятствуют более высокие таможенные пошлины на минеральное топливо и металлы в Бразилии и Индии, а также химическую продукцию в Индии; высокий уровень защиты местных сельхозпроизводителей во всех странах БРИКС; высокие таможенные пошлины в Китае на изделия из железа и стали.

Есть и долгосрочные факторы стимулирования взаимного товарооборота и наращивания

российского экспорта, связанные с изменением структуры импорта стран-партнеров: рост спроса в Китае на летательные и космические аппараты, ряд видов наземного транспорта, оптические и медицинские аппараты, сельскохозяйственные товары, в Индии – на продукцию военной промышленности, судостроения, деревообработки, авиакосмического и энергетического машиностроения, в Бразилии – на удобрения, продукцию органической химии, алюминий. Эти факторы способствуют диверсификации сырьевой составляющей российского экспорта в пользу увеличения в нем доли металлов и снижения доли минерального топлива. То же происходит и в сфере промышленного сотрудничества: от кооперации в освоении природных месторождений переходят к проектам в обрабатывающей и добывающей промышленности и машиностроении.

Цели расширения много- и двустороннего партнерства изложены в Консолидированной технологической платформе БРИКС и Промышленном инновационном клубе БРИКС, в Дорожной карте торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества БРИКС на период до 2020 г.

Хмелевская Н.Г., доцент кафедры «Банки, денежное обращение и кредит» МГИМО. Имеется изначальное сходство экономик БРИКС, есть и различия (в реакциях на внешнеторговые и финансовые шоки), которые инициировали создание специализированных диалоговых форматов БРИКС – Делового совета, Банковского форума, Межбанковского механизма, Нового банка развития (НБР), Пула условных валютных резервов. В дальнейшем все более волатильная и все чаще управляемая конъюнктура мировых рынков товаров и капитала при широкой включенности БРИКС в систему международных экономических отношений формировали объективную основу для углубления асимметрий внутри БРИКС – в первую очередь, разделение на нетто-экспортеров энергоносителей и сырья (Бразилия, Россия и ЮАР) и нетто-импортеров (Индия и Китай) с уже просматриваемым фракционированием рыночного пространства БРИКС в формате цепочек создания стоимости. Ситуация на высоко эластичных рынках минерального топлива, нефти и нефтепродуктов, руд и сельскохозяйственной продукции, отчасти энергетического и электрического оборудования БРИКС – наглядное тому подтверждение. В этом – и итоги реализации конкретных программ промышленного развития стран БРИКС,

и их независимой внешнеторговой политики, но одна из угроз сбалансированности БРИКС (связанных договоренностями как в рамках ВТО, так и рядом иных соглашений) кроется в отсутствии инструментария многосторонней торговой координации, когда самый емкий в мире совместный внутренний рынок становится лишь очередным конкурентным полем. Возможности задействовать БРИКС-пространство для распределения экспортных потоков (как Китай в 2008–2012 гг.) или их перераспределения (как Бразилия в 2011–2015 гг.) сегодня серьезно ограничиваются еще и глобальными изменениями обменных курсов доллара и евро, которые в условиях либерализации финансовых рынков вкупе со свободным курсообразованием в БРИКС закономерно трансформировались в волатильность южноафриканского ранда, затем индийской рупии, бразильского реала, а в декабре 2014 г. и российского рубля. Однако своевременно купировать такие потери через расчеты в национальных валютах члены БРИКС пока неспособны даже на двухсторонней основе. Как общие, так и частные сходства между странами БРИКС с точки зрения состава их банковских систем и специализации банков сегодня фактически опираются на нормативно-правовое регулирование и надзор, международно-ориентированные и потому еще более сближающие позиции БРИКС. Это может стать реальной основой для гармонизации отдельных банковских правил и процедур в формате БРИКС, в частности, проведения расчетно-платежных операций. Серьезным подспорьем сотрудничества в данной сфере служит и достигнутый уровень финансовой доступности – в Индии 53% населения имеют счета в банках, в то время как в остальных странах объединения этот уровень близок к 70%, и уже около 85% мелких и средних предпринимателей во всех странах объединения осуществляют платежи удаленно. Приоритет национальных реформ и преобразований в банковском секторе БРИКС на снижение транзакционных издержек преимущественно реализуется через демонетизацию и электронизацию.

Секция II. Страновой подход к исследованию БРИКС

Воскресенский А.Д., директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО, профессор кафедры востоковедения МГИМО. БРИКС, наряду с ШОС и проектом «Один пояс – один путь» –

один из наглядных примеров трансформации современного мира. «Один пояс» – очень интересный китайский проект – можно также воспринимать как неформальный многосторонний институт, который, видимо, не будет обретать институциональные формы, поскольку отсутствие формализации позволит быстро приспосабливаться к стремительно меняющимся реалиям. Этот проект может с одними многосторонними институтами конкурировать, другие – использовать в своих интересах, а третьи при подобном подходе станут инструментом продвижения китайских интересов на этом новом пространстве возникающего взаимодействия. Важно видеть, как увязаны (либо не увязаны), совпадают (либо не совпадают) или перекрещиваются данные проекты. Появляется и их неформальная иерархия: представляется, что «Один пояс – один путь» идет по пути поглощения ШОС, поскольку последний был заявлен Китаем как институт экономического взаимодействия, что идет вразрез с интересами многих его участников. Более того, многосторонний проект «Один пояс – один путь» можно рассматривать как ответ на неспособность и нежелание ШОС развиваться в экономическом направлении.

Встает вопрос о судьбе БРИКС. У Китая, хотя это и не афишируется, к БРИКС сложное отношение: с одной стороны, он рассматривает БРИКС как многосторонний институт и инструмент, а с другой – не все направления в его деятельности его интересуют так же, как других участников. Да и внутри БРИКС разные компоненты интересов его членов сопрягаются, а некоторые вообще не сопрягаются. Увязать их – означает на деле соединить теорию и практику. Другой вопрос: каковы те пути продвижения БРИКС, которые давали бы реальные преимущества участникам этой организации (пусть и в разном соотношении)? Есть мнение, что БРИКС – это фикция, главное – это «треугольник РИК». Другая позиция – напротив, «треугольник РИК» – это видимость, а стержень заключен в российско-китайской связке, и залог успеха БРИКС – в усилении российско-китайского политического стратегического сотрудничества. У других участников БРИКС такие подходы вызывают негативную реакцию.

Миссия России в этом формате – взять на вооружение идею трансрегионализма и продемонстрировать БРИКС как пример возможного движения вперед. Это может дать два результата: развивать БРИКС, избегая

внутренних противоречий, и продвигать свое видение БРИКС как практической реализации «незападной» теории международных отношений. Китай обосновывает концепт «блага общей судьбы человечества» (прописанный и в документах КПК), будет стремиться распространить его на региональных соседей и те страны, которые важны Китаю для продвижения его национальных интересов (особенно это относится к «неуспешным» странам и регионам, для которых подобная идея весьма привлекательна). Реализацией этой идеи Китай пытается уменьшить неравномерность мирового развития. России также следовало бы воспринять подобную идею и культивировать ее в кругу тех стран, которые возлагают надежды на нашу помощь.

Стержень БРИКС – функциональное выравнивание через трансрегиональное объединение. Это и теоретическая инновация, которую можно продвигать как продолжение «незападной» теории международных отношений. Вырисовывается новая сложная конфигурация трех крупных экономических блоков – ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, возникает связка между ЕАЭС и АСЕАН через «Один пояс – один путь», расширение «АСЕАН+» через «Один пояс – один путь» (вопрос, как в этом процессе будет участвовать Россия), встает вопрос о переосмыслении отношений с ЕС (по крайней мере, с его частью – «Вышеградской четверкой»). Через 10–15 лет может случиться, что стремительно растущая Азия во главе с Китаем полностью переориентирует нашу экономику, политику и внешнюю политику, но не решит вопрос суверенности и самостоятельности на международной арене. А на основе БРИКС и «БРИКС+» возможно согласовывать разные интересы.

Визит Трампа в Китай – это вызов, за его шагами видна стратегия. Самая большая опасность – в формировании «двойки» Китай–США, которая, безусловно, привлекательна для Китая, и, видимо, по этому вопросу уже достигнут частичный консенсус внутри американской политической элиты. Некоторые американские политики считают, что «двойка» – это единственная форма сохранения американского лидерства сегодня. Главный вопрос в этом плане – о месте и роли России. С одной стороны, российско-американские отношения находятся в наихудшем, по сравнению с прежними временами, состоянии, с другой – это явный вызов для российско-китайского партнерства и формулирования нашей политики, в т.ч. и в Азии.

Горбачева В.О., советник исполнительного директора НКИИ БРИКС. Приоритеты китайского председательства в БРИКС – углубление экономического сотрудничества, совершенствование глобального управления, поощрение контактов между людьми (people to people exchange) и институциональное развитие БРИКС. Россия и Китай – единственные в БРИКС, кто старается максимально использовать свое председательство для углубления партнерства. Китайское председательство – это более 80 официальных мероприятий на уровне министерств, форумы, фестивали, конференции. На саммите 2017 г. в Сямэне страны БРИКС в очередной раз подтвердили свою приверженность более справедливому и равноправному мировому порядку. Девиз Китая в 2017 г. – «инклюзивность, открытость и взаимовыгодное сотрудничество». Главный акцент сделан на сотрудничестве по линии «Юг–Юг», «Север–Юг»; основной посыл концепции «БРИКС+» для китайской стороны – особая роль государств с формирующимися рынками и развивающихся стран как движущей силы мирового экономического развития и глобального управления. Через «БРИКС+» Китай стремится придать объединению глобальный масштаб. Началось формирование «клуба друзей БРИКС».

В Сямэньской декларации названы основные достижения стран БРИКС в экономическом сотрудничестве. Подписаны документы о развитии частно-государственного партнерства, об интеграции финансовых рынков, содействии торговле и инвестициям. Впервые был сделан акцент на женском предпринимательстве. В год китайского председательства шагнуло вперед развитие цифровой экономики в рамках БРИКС, создана рабочая группа по развитию электронной торговли, подписаны документы о создании сети электронных портов. Активно работает Деловой совет БРИКС, предлагающий НБР идеи для инвестиций и региональные инфраструктурные проекты, ориентированные на эко-устойчивое развитие. Более 2/3 кредитов в 2018 г. пойдут на проекты по устойчивому развитию стран БРИКС. Россия получила кредиты НРБ на строительство ГЭС в Карелии и автомагистрали из Уфы.

В 2017 г. была впервые подписана «Стратегия развития» НБР. Открыто первое региональное представительство НБР в ЮАР и планируется открытие представительства НБР в Шанхае, затем региональный центр Банка БРИКС будет открыт в Бразилии, а к 2019–2020 гг., по словам министерства финансов РФ,

появится и в России. Фонд подготовки инфраструктурных проектов будет распределять их в странах БРИКС в ближайшие пять лет. Китай активно развивает тему «зеленой экономики», «голубой экономики». Растет сотрудничество в науке, технологиях, инновациях, особенно в таких сферах, как использование ИКТ, обеспечение безопасности Интернета, «Интернет вещей», «Большие данные». Реально продвигается взаимодействие в области энергетики, экологии, изменения климата, устойчивого развития Африки, сельского хозяйства, продовольствия, особенно активно – в сфере космической деятельности (есть намерение открыть совместную космическую станцию стран БРИКС).

Неизменным в повестке БРИКС остается вопрос обеспечения мира и безопасности; хотя изначально предполагалось, что БРИКС не политический союз, сейчас мнения экспертов разделились (одни считают БРИКС сугубо экономическим альянсом, другие – политическим). В итоговых декларациях всегда прописывается отношение стран БРИКС к ключевым конфликтам в горячих точках на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Африке. Но в год китайского председательства самым примечательным стало продвижение проекта «people to people exchange». Достигнуты практические соглашения в области культуры, образования, созданы альянсы театров, музеев, впервые в 2017 г. прошли спортивные игры (например, футбольный турнир стран БРИКС). Китай активно развивает молодежные гражданские инициативы (Форум молодых дипломатов БРИКС, Молодежный саммит БРИКС, мероприятия Российского союза молодежи с подключением формата ШОС и др.).

Главное достижение Китая в 2017 г. – укрепление самого духа БРИКС, ориентация на консолидацию позиций, несмотря на немалые противоречия. О расширении БРИКС речь пока не идет, на это существует мораторий. Ожидается, что в 2018 г. при председательстве ЮАР в БРИКС сотрудничество будет продолжено в том же ключе.

США в ходе визита президента Трампа в Китай (ноябрь 2017 г.) высказали идею нового Индо-тихоокеанского альянса с привлечением Индии. Мы становимся свидетелями разделения мира на два блока: Евroatлантический и Евразийский.

Дейч Т.Л., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Китай держит курс на лидерство в среде развивающихся стран,

эта задача поставлена во главу угла его внешней политики. Проект «БРИКС+» не нов, он конституировался уже на саммите в Дурбане в 2013 г., куда были приглашены африканские страны, и можно ожидать, что они будут так же широко представлены на саммите в ЮАР в 2018 г. Хотелось бы сослаться на мнение Я.Д. Лисоволика: «Инициатива «БРИКС+» ставит перед собой задачу создания новой платформы для укрепления региональных двусторонних альянсов на разных континентах, нацеливаясь на объединение региональных интеграционных блоков, в которых страны БРИКС играли бы ведущую роль».

Интерес Китая к Африке – огромный, об этом говорит буквально каждый пункт Сямэньской декларации (Африка годами ратует за «Создание более справедливого, равноправного экономического порядка как одна из главных целей БРИКС» в п.6; п.14 подтверждает приверженность БРИКС программе устойчивого развития ООН, а поскольку Китай здесь играет решающую роль, он является и лидером в оказании помощи Африке). Африканские реципиенты помощи – и страны со значительными природными ресурсами (Ангола, Судан), и небогатые (Эфиопия). Китай – лидер в оснащении инфраструктуры Африки, он стремится реализовать «африканскую мечту» – соединить все столицы африканских стран сетью железных дорог, наладить авиасообщение и т.д. Китаю это выгодно: он обеспечивает себя портами для вывоза сырья, но есть выгода и для Африки. Китай борется с протекционизмом, с 2009 г. он крупнейший торговый партнер Африки благодаря снижению и ликвидации тарифов: в торговле с наименее развитыми странами все тарифы уже сняты. Развивая инфраструктуру, Китай сможет передать Африке свои достижения (например, в строительстве высокоскоростных магистралей). Передача в Африку производств интенсивного труда и строительство позволят стимулировать замедлившиеся темпы роста в Китае и одновременно будет способствовать созданию рабочих мест в африканских странах.

Китай многое делает в сфере образования. Гуманитарное и культурное сотрудничество поддерживается и самими африканцами. Китай действует очень активно: стипендии африканским студентам, деятельность Института Конфуция, приглашение африканских ученых, планы совместных исследований.

Большое значение для Африки имеет НБР, первый региональный центр которого открылся в ЮАР 17 августа 2017 г. Это обеспечивает

доступ стран Африки к кредитованию. МИД КНР заявил, что Китай готов оказать поддержку этому центру в целях содействия развитию. За год до открытия центра Банк подписал меморандум о взаимопонимании в вопросах стратегического сотрудничества с южноафриканским *Standard Bank*. Это результат проекта «БРИКС+», зримый пример партнерства. Банк готов выдавать кредиты в национальных валютах – это новое слово в международном финансовом праве.

ЮАР претендует на место постоянного члена СБ ООН наряду с Индией и Бразилией, но, хотя членство в БРИКС дает ей большие преимущества, есть и противодействие со стороны Китая и России; кроме того, в Африке на подобное членство претендуют Нигерия и Египет. Тем не менее, на саммите 2018 г. ЮАР будет вновь поднимать вопрос о постоянном членстве в СБ ООН.

Важное направление деятельности БРИКС, в котором ведущую роль играют Индия и Китай и которое крайне актуально для Африки, где имеют место террористические атаки, – борьба с терроризмом и операции по поддержанию мира.

Прошедший в Китае саммит может значительно укрепить позиции Китая в Африке, потому что многие устремления Китая и Африки перекликаются. ЮАР выступает в унисон и с Россией, и с Индией, не противопоставляет себя другим членам БРИКС, ведет себя как еще молодой участник объединения. В центре саммита в ЮАР будут проблемы устойчивого развития, помощи, инвестиций. При этом между африканскими странами существуют разногласия: расовые предрассудки в ЮАР, неясность в отношении нового лидера страны, упреки ЮАР в прозападном курсе. Что касается отношений ЮАР с Россией, там работают российские компании «Реново», «Северсталь», «Алроса», развивается военно-техническое сотрудничество, совместно построен завод по ремонту и модернизации вертолетов, где будут ремонтировать более 700 российских вертолетов. Есть соглашение о сотрудничестве в области атомной энергетики (закупка топлива, обучение кадров и совместные исследования). В целом сотрудничество России с ЮАР развивается, хотя и наблюдается некоторый спад. В ЮАР сейчас идет активная русофобская кампания, она не хочет нарушить отношения с США и с другими странами Запада. Россия сталкивается с противодействием Франции по вопросу о контракте на строительство атомных реакторов, имеет место и конкуренция с Китаем.

Лунев С.И., профессор кафедры востоковедения МГИМО. Несмотря на новые явления в системе международных отношений, БРИКС по-прежнему остается крупнейшим объединением незападных стран. БРИКС в Индии воспринимается с точки зрения его экономической составляющей.

Сейчас наблюдается «медовый месяц» в индийско-американских отношениях: столь высокого уровня двусторонних связей не было никогда – и в политической области, и в плане серьезного увеличения доли США на военном рынке Индии (а ведь Индия – главный покупатель вооружений в мире, на нее в последние 15 лет приходится 15% этого мирового рынка). Совершенно очевидно, что США пытаются вытеснить с этого рынка Россию, которая ранее занимала на нем 70–75%. Сейчас наша доля упала: мы проиграли американцам рынок военно-транспортной авиации. США – один из главных экономических партнеров Индии, имеются и достаточно тесные отношения в культурно-цивилизационной подсистеме: США всегда называют Индию крупнейшей в мире демократией (в экономической конкуренции Индии и Китая практически все западные аналитики предпочитают победу «демократической Индии» над «тоталитарным Китаем»). Необходимо принимать в расчет и положение индийской диаспоры в США: сложившаяся на базе миграции элиты, она чрезвычайно благополучна, занимает второе место среди этнических диаспор США по душевому доходу, 2/3 ее членов имеют высшее образование и занимают высокое положение на рынке высоких технологий, а также в журналистике, медицине; уже более 3 млн американцев – индийского происхождения. Подобное положение отражается на внешнеполитическом курсе Индии и весьма негативно для нас.

«Дуумвират» Китай-США («G2», о которой говорил А.Д.Воскресенский) не состоялась исключительно потому, что США сегодня ни одну страну мира не видят в качестве полноправного партнера. Китаю в этой «двойке» предлагалась роль «младшего брата», что его, конечно, не устроило. Китай является главным соперником США, а главная стратегическая политическая цель США – недопущение появления в ближайшем будущем какого-либо конкурента. Одновременно США стремятся, чтобы Индия играла стержневую роль в процессе «окружения» Китая. Очень активно развиваются и направлены против Китая военные связи Индии и США. Индийско-американские учения проходили на границе с

Китаем, активно идут военно-морские учения Индии и США.

К БРИКС у Индии очень серьезное отношение. Здесь двусторонний уровень совершенно не совпадает с глобальным. Индийско-американского сближения не наблюдается ни по каким глобальным вопросам и, за исключением Восточной Азии, – ни по каким региональным вопросам. Сравнение коммуникации индийско-американских, индийско-китайских и индийско-российских саммитов показывает: в индийско-американских документах практически нет упоминания о глобальных проблемах, и почти никогда не говорится о региональных, потому что подходы разные; в то же время индийско-российские документы изобилуют глобальными и региональными вопросами, по которым две стороны имеют одинаковую точку зрения. Все это вытекает из положения Индии в мире. Она, как Китай и Россия, считает себя дискриминируемой. Отсюда и большая близость их позиций по основным глобальным вопросам.

Монопольное положение Запада в политике и экономике вызывает недовольство основных стран БРИКС, и они совместными усилиями стремятся улучшить свое положение в мировой системе. У Индии здесь достаточно жесткий подход. Здесь совершенно с противоположной стороны раскрываются индийско-американские и индийско-китайские отношения. Большое количество проблем в индийско-китайских отношениях вытекает из базового противоречия – недоверия двух азиатских гигантов друг к другу, особенно со стороны Индии. Я считаю, что Индия уже превратилась в великую державу, хотя этот статус не признан мировым сообществом. Если развитие пойдет по наметившейся сейчас траектории, то Индия и Китай действительно станут конкурентами сначала в Азии, а впоследствии и на мировой арене. Но при этом в ближайшие 10–15 лет нет противников развития индийско-китайских отношений в рамках БРИКС (а эти связи важны обоим странам для укрепления своих позиций в мире). Иногда степень их противоречий преувеличивается в СМИ. Индийцы очень четко осознают, что они во многом Китаю уступают (по объему экономики – в 2,5 раза; в конце 1940-х гг. эти объемы примерно совпадали). По глобальным вопросам в последние годы при голосовании на Генассамблее ООН Индия попадала в тройку стран, голосовавших практически аналогично Китаю по всему мирополитическому комплексу. Так что, если смотреть глубже, ни-

каких коренных противоречий между Индией и Китаем нет.

Индия сыграла ключевую роль и в становлении БРИКС, поскольку в данном формате произошло объединение двух структур: РИК, который появился в 1998 г. в Дели в соответствии с идеей Е.М.Примакова, и ИБСА (Бразилия, Индия и Южная Африка).

Полицентричность – это магистральный путь для развития мировой системы, и к 2030 г., с моей точки зрения, четко просматриваются только три глобальных актора: США, Китай и Индия. Темпы роста в Индии очень высокие (около 7,5% в год), и по этому показателю она опережает Китай. Индия занимает I место среди крупных стран. Согласно американскому прогнозу, до 2030 г. будут сохраняться одинаковые темпы роста для Индии и Китая – на уровне 5,5%. Но на данный момент Индия имеет более высокие темпы, а по росту промышленности они достигают 8% (в 2016 г.)

В 1990 г. СССР оставлял 9% мировой экономики, Россия в составе СССР – 6%, сейчас чуть больше 2%, т.е. падение в три раза. Понятно, что при такой экономике Россия не может справиться с решением внешнеполитических задач, учитывая развитие Индии и Китая. В Индии экономический блок работает намного профессиональнее, чем в России.

БРИКС – объединение региональных держав, союз региональных доминант. Индия – надежный член БРИКС. Индийская внешняя политика демонстрирует чрезвычайную преемственность: политические силы совершенно разной ориентации (левоцентристы, центристы и правые) не вносили никаких серьезных изменений ни в политический курс, ни во внешнюю политику. Это относится и к неприсоединению Индии. Индия как проводила в прежние времена политику лавирования между СССР и США, что приносило ей огромную прибыль, так и продолжает уже в наши дни балансировать между США и Россией, между США и Китаем, а также балансировать на региональном уровне: на Ближнем Востоке – между Ираном и США, между Ираном и Саудовской Аравией, между Израилем и арабскими государствами. Таким образом, для Индии БРИКС очень важен с точки зрения укрепления своего положения в мировой системе, при этом она будет продолжать и впредь вести политику лавирования и балансирования.

Астахов Е.М., профессор кафедры дипломатии МГИМО. Позиции БРИКС постепенно укрепляются, несмотря на турбулентную меж-

дународную обстановку. И в начале формирования БРИКС, и сейчас сохраняются негативные, «снижательные» оценки БРИКС. Это неверно. Пока очертания БРИКС не прояснились, но формат может пойти по неожиданной траектории: на месте «диалогового механизма» может появиться нечто вплоть до серьезного военно-политического союза. Уже сейчас БРИКС себя зарекомендовал по меньшей мере как альтернативная модель. Сегодня важно признать, что Россия не лидер БРИКС: мы можем быть интеллектуальным лидером, но не экономическим. Пришло время разработки действенного механизма для укрепления геополитических позиций наших стран. Это ощущают латиноамериканцы, которых в целом устраивает философия БРИКС: многополярность, отсутствие военно-политического блока.

Бразилия была одним из инициаторов БРИКС, ей этот формат был интересен и с точки зрения геополитической перспективы, и с позиции «индийской направленности». Даже сегодня, в тяжелой внутривнутриполитической обстановке, бразильцы рассматривают себя в качестве одного из будущих центров. И исходя из этой, пусть и очень далекой цели, они считают себя обязанными присутствовать на всех международных площадках, стремиться к расширению своего участия в G20. В политической проекции рассматривает Бразилия и решение своих геополитических задач. Как и всех латиноамериканцев, ее интересует доступ к источникам финансирования и обеспечение равных условий мировой торговли.

Заинтересованность Бразилии в БРИКС связана с реформированием системы глобального управления в интересах развивающихся стран (развитие направлений Север–Юг, Юг–Юг). В гражданском обществе Бразилии усиливаются антиглобалистские настроения, и эта тенденция имеет большую политическую перспективу. Все это определяет активность Бразилии в практической деятельности БРИКС. Бразилия предлагала много интересных инициатив и по линии образования, и по линии муниципального сотрудничества. Нынешняя неблагоприятная внутривнутриполитическая обстановка в стране связана и с ее членством в БРИКС: задача достичь политической неустойчивости внутри Бразилии была поставлена специально, чтобы выбить ее из БРИКС. У американцев есть несколько способов воздействия: политическое, экономическое, информационное давление, а есть – юридическое: сейчас все политическое руководство Бразилии – в руках прокуратуры и судопро-

изводства. Но эта ситуация будет преодолена, и я полностью отрицаю возможность выхода Бразилии из БРИКС, как бы этого ни хотели США. Но не исключено снижение ее политической активности в БРИКС. Представляется, что Бразилии, стремящейся стать один из мировых центров влияния, бессмысленно терять хоть одну международную диалоговую площадку. Она будет оставаться в БРИКС и оказывать поддержку по крупным стратегическим проблемам.

Окунева Л.С. Бразилия, как и Россия, выступала одним из инициаторов создания БРИКС и считала это направление одним из стратегических в своей внешней политике. Обе страны воспринимались как главная «ось» БРИКС. Бразилия рассматривала свое членство в объединении как выход на новый уровень и шаг к превращению в глобального, а не только регионального игрока. Основополагающие направления внешней политики Бразилии (приверженность идеям многополярного мира и многосторонней дипломатии, кооперация по линии Юг–Юг, призывы к реформе СБ ООН, в чем Бразилию поддерживали Индия и ЮАР) были полностью созвучны формату БРИКС.

Бразилия имела как общебриксовскую позицию, так и двусторонние отношения с каждой из стран-участниц. Беспрецедентным размахом отличалось экономическое сотрудничество с Китаем (выгода, извлекаемая из него Китаем, порой даже давала почву для опасений в самой Бразилии). С Индией Бразилия сотрудничала в сфере высоких технологий, а также заключила значительное число контрактов (включая военные) по линии созданного в 2003 г. «треугольника ИБСА» (Индия, Бразилия, ЮАР). Растущие экономические связи с ЮАР Бразилия рассматривала как трамплин для дальнейшего проникновения на новые рынки в Африке; помимо этого, ЮАР – ввиду сходства этнического состава населения – рассматривалась как «цивилизационный партнер» Бразилии, и именно по предложению Бразилии ЮАР вошла в состав тогдашней группы БРИК, превратившейся в БРИКС. Сотрудничество Бразилии с Россией строилось по принципу взаимодополняемости экономик, а политическое взаимодействие подкреплялось схожестью взглядов на актуальные проблемы современности.

Однако глубокий внутривластный кризис 2015–2016 гг., сопровождавшийся громкими коррупционными скандалами, в которых фигурировали самые высокопоставлен-

ные политики страны, радикально изменил соотношение сил внутри Бразилии и сам вектор ее развития. Левоцентристское правительство Д. Руссефф было смещено, к власти пришли правые консерваторы во главе с бывшим вице-президентом М. Темером. Он регулярно присутствовал на саммитах БРИКС и встречался с руководством стран-участниц этого объединения на саммитах G20 и заседаниях Генассамблеи ООН, используя это для легитимизации своего правительства в глазах мирового сообщества. Кроме того, в перспективе грядущей обширной приватизации в важных отраслях бразильской экономики Темер искал будущих инвесторов, рисуя для них самые радужные планы. Этому же были посвящены и его другие международные визиты, в том числе в Россию в июне 2017 г. Однако масштабный внутривластный кризис низвел Бразилию до положения «слабого звена» БРИКС (в схожую ситуацию попала и ЮАР).

Несмотря на все это, во внешней политике Бразилии традиционно сохраняются преемственность и ориентация на приоритетные направления, не связанные с сиюминутной конъюнктурой и отвечающие глубинным интересам страны (поддержание статуса Бразилии как регионального центра силы с мировой проекцией, активное участие в международных организациях, развитие глобальных экономических связей). В этом внешняя политика Бразилии не изменилась, хотя ее мировое и региональное влияние может уменьшиться. Хотя членство Бразилии в БРИКС, несомненно, продолжится (оно важно для диверсификации ее международных связей и присутствия в глобальной политике), резко сократившиеся финансовые возможности не позволяют ей в данный момент участвовать в НБР в ранее намеченных масштабах. Именно недостаток ресурсов объясняет тот факт, что в настоящее время БРИКС не заявлен в качестве главных приоритетов внешней политики страны.

Свою позицию по актуальным международным проблемам Бразилия транслирует и внутри БРИКС. Она традиционно выступает за усиление сотрудничества в ООН, в G20. Бразилия занимает схожие с Россией позиции в отношении борьбы с международным терроризмом, трансграничной преступностью, наркотрафиком, в деле укрепления безопасности, в том числе информационной, в вопросах сотрудничества в области устойчивого развития, в реализации Парижского соглашения по климату; Бразилия, как и Россия, заявляет о недопустимости односторонних санкций. Главной

линией Бразилии в международной политике является её традиционная приверженность неукоснительному соблюдению норм международного права и решению конфликтных вопросов исключительно мирным путем, за столом переговоров. Этим обусловлена позиция Бразилии по «горячим конфликтам».

Крыжановский А.В., доцент кафедры ИПСЕА МГИМО. В 2017 г. исполнилось четверть века дипотношений между Россией и ЮАР. За это время было налажено взаимодействие в атомной энергетике, добыче нефти и газа, обрабатывающей промышленности, военных технологиях. Согласно данным МИД РФ, в 2013 г. объем двустороннего товарооборота достиг рекордной суммы в 1 млрд долларов. Несмотря на определенное снижение данных показателей в условиях санкционной войны, в целом имеется их положительная динамика. Многие соглашения последних лет были подготовлены в рамках БРИКС. Наиболее перспективная область взаимодействия – атомная энергетика. Однако неожиданно возникшие трудности препятствуют реализации имеющегося потенциала. В 2014 г. Россия и ЮАР заключили межправительственное соглашение о стратегическом партнерстве в атомной энергетике: строительстве на территории ЮАР к 2023 г. восьми энергоблоков АЭС. В январе 2017 г. Россия подала заявку на участие в соответствующем тендере и, по оценкам «Росатома», могла бы успешно его выиграть, если бы не возражения со стороны некоммерческих организаций ЮАР, подавших иск против своего правительства, подписавшего соглашения с РФ, США и Южной Кореей до внесения проектов данных документов в парламент и добавок предоставившего РФ налоговые преференции, что означало дискриминацию других претендентов. Заявители обратили внимание на то, что в результате осуществления ядерной программы на сумму в 76 млрд долларов население ЮАР понесет значительные потери через налоги и повышенные тарифы на электроэнергию, а также ухудшится экологическая обстановка. В результате Высокий суд Западно-Капской провинции отклонил решение правительства ЮАР о строительстве энергоблоков АЭС, а также признал незаконными вышеназванные соглашения. В итоге выгодная для нас сделка сорвалась, был нанесен ущерб репутации «Росатома»: в ряде оппозиционных южноафриканских СМИ российская компания открыто обвинялась в коррупции. Последовавшая встреча министров энергетики РФ и ЮАР

(июнь 2017 г.) отбросила обе стороны на стадию деклараций о намерениях, в то время как имелась возможность реализовать конкретный проект. Российской стороне необходимо извлечь уроки из сложившейся ситуации и разработать стратегию защиты энергетических интересов РФ на южноафриканском рынке.

Материал подготовили:

Людмила Семеновна Окунева,
д.и.н., профессор МГИМО МИД России;

Екатерина Яковлевна Арапова,
к.э.н. МГИМО МИД России

BRICS on the world arena: novelties at the present stage of development

Prepared by:

Lyudmila S. Okuneva
Dr. of History, Professor
MGIMO University;

Ekaterina Ya. Arapova
Candidate of Economics
MGIMO University

ЖУРНАЛ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» НА XI КОНВЕНТЕ РАМИ

28–29 сентября 2017 года в МГИМО МИД России состоялся XI Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) на тему «Диалектика империи: революция vs преемственность».

Работа крупнейшей российской конференции в области политических наук и международных отношений проходила в более чем шестидесяти тематических секциях, а также в рамках круглых столов и дискуссионных площадок.

Информационную поддержку конференции оказал и журнал «Сравнительная политика», презентация которого состоялась в первый день Конвента. Традиционно баннер журнала привлек внимание многих участников. Сотрудники редакции и волонтеры ответили на вопросы читателей, традиционных и потенциальных авторов журнала, а также презентовали им последние выпуски издания. Гости конференции выразили признательность редакции журнала за многолетний труд по развитию журнала и обеспечение его качественного содержания.

Кроме того, при поддержке журнала состоялся круглый стол «Трансрегионализм и модели региональной интеграции», который прошел с участием делегации Национального университета государственной службы Венгрии, сотрудников МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ, Российской академии наук и других научных и образовательных центров России, Франции и Сингапура.

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОНГРЕСС «ГЛОБАЛИСТИКА-2017», МОСКВА

V Международный научный конгресс «Глобалистика-2017» прошел 25–30 сентября 2017 года в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Конгресс был посвящен Году экологии, провозглашенному Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина с целью привлечения внимания общества к вопросам экологического развития России, сохранения биологического разнообразия и обеспечения глобальной экологической безопасности. Организаторы Конгресса: МГУ имени М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН и МГИМО МИД России. Соорганизатором выступил Институт стратегии развития образования РАО. Конгресс проводится под эгидой ЮНЕСКО и является крупнейшей научной площадкой в мире в сфере глобальных исследований. Конгресс приветствовали Генеральный директор ЮНЕСКО И.Г. Бокова, академики РАН В.А. Садовничий, А.А. Дынкин и А.В. Торкунов, ректор МГИМО МИД России.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ И МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ», XI КОНВЕНТ РАМИ, МОСКВА

27–29 сентября делегация Национального университета государственной службы Венгрии посетила МГИМО и приняла участие в круглом столе «Трансрегионализм и модели региональной интеграции» в рамках XI Конвента РАМИ.

В мероприятии, организованном Центром комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, приняли участие ведущие венгерские и российские специалисты. Работу круглого стола открыл проректор по кадровой политике В.М. Морозов, который выразил заинтересованность со стороны МГИМО в развитии плодотворного сотрудничества с Национальным университетом государственной службы Венгрии. С венгерской стороны с приветственным словом выступила проректор по международным связям НУГС Венгрии Юдит Надь.

Директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, член Общественного совета Минвостокразвития, главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский в своем выступлении отметил необходимость анализа баланса между процессами регионализма, трансрегионализма и глобализации в современном мире.

В работе круглого стола приняли участие представители Национального университета государственной службы Венгрии: декан факультета международных отношений и европейских исследований Богларка Коллер, заместитель декана по международным связям и научной работе Янош Бока, заведующий кафедрой международных отношений и исследований в области безопасности генерал-лейтенант, профессор военных наук Золтан Зенеш, заместитель декана факультета публичной политики и государственной службы по международным связям и научной работе Сюзанна Перес, доцент кафедры международной экономики и публичной политики Тамаш

Землер, научный сотрудник Школы международных исследований С. Раджаратнама Национального технологического университета, Сингапур, Джоел Нг Куан Джун и французский исследователь Сирилл Виньон.

С российской стороны в мероприятии участвовали сотрудники кафедры востоковедения профессор В.Я. Белокреницкий – заместитель директора Института востоковедения РАН, заместитель декана факультета МО доцент Е.В. Колдунова, доценты кафедры и научные сотрудники Центра комплексного китаеведения и региональных проектов А.А. Киреева, К.А. Ефремова, главные научные сотрудники Центра А.В. Виноградов, А.В. Ломанов, сотрудник Центра Д.А. Кузнецов, доцент кафедры сравнительной политологии И.Ю. Окунев, заместитель директора по языковой подготовке Одинцовского филиала И.А. Мазаева, старший научный сотрудник Центра региональных проблем Института США и Канады РАН С.М. Труш, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ М.Л. Лагутина, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова П.В. Шлыков, ведущий научный сотрудник Института международных отношений Клингендаль, Нидерланды, Тони ван дер Тогт.

Круглый стол был посвящен исследованию процессов регионализма, трансрегионализма, региональной интеграции и концептуализации этих процессов, обсуждению различных подходов к исследованию данных феноменов, дифференцированной интеграции и субрегиональных интеграционных группировок, достижений и сложностей процессов регионализма и интеграции в ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и южной Евразии, китайской инициативы «Пояса и пути», а также интернационализации образования в области международных отношений, регионального и трансрегионального сотрудничества в этой сфере.

Портал МГИМО

<https://mgimo.ru/about/news/main/delegatsiya-nke-vengrii-v-mgimo/>

СИМПОЗИУМ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СМИ–2017, БЛАГОВЕЩЕНСК

12–15 сентября в г. Благовещенске проходил Симпозиум российских и китайских СМИ-2017, на котором в качестве эксперта и докладчика выступил директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, член Общественного совета Минвостокразвития, главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский.

Мероприятие состоялось в рамках работы Годов российских и китайских СМИ 2016–2017, проводимых в соответствии с распоряжением президента Российской Федерации В.В. Путина №412-РП от 16.12.2015.

Во время симпозиума представители ведущих российских и китайских СМИ, а также эксперты обсудили вопросы развития приграничных районов в условиях трансграничного сотрудничества и его содействие совместному развитию экономики России и Китая, перспективы экономического и политического развития двух стран, пути взаимодействия новостных медиа в рамках ШОС и БРИКС, перспективы реализации совместных гуманитарных и культурных инициатив.

Большой интерес у экспертов и представителей СМИ вызвало обсуждение борьбы с растущим числом фейков в прессе, появление предвзятых и ложных новостей. На симпозиуме также подробно обсуждался вопрос внешней политики в рамках треугольника Россия–Китай–США и отражение этой проблематики в СМИ. Собравшиеся подтвердили, что российско-китайское сотрудничество самоценно, не направлено против третьих стран, а служит совместному решению вопроса повышения благосостояния народов двух государств.

КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ – КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА», КАЗАНЬ

5–7 октября директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский принял участие в Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура» в Казанском федеральном университете.

В конференции участвовали китаеведы и востоковеды из всех важнейших научно-образовательных центров и университетов России, а также генеральный консул КНР в Казани У Инцзюнь, генеральный консул Республики Турция Турхан Дильмач, генеральный консул Исламской Республики Иран в Казани Эгбали Зарч и другие зарубежные гости. На пленарном заседании ректор КФУ И.Р.Гафуров и директор ИВР РАН И.Ф.Попова подписали соглашение о сотрудничестве в области изучения восточных рукописей.

От МГИМО в конференции принял участие директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов А.Д. Воскресенский, который выступил с основным докладом «Волны модернизации в Китае: историческая эволюция и современные оценки», открыв научную часть пленарной сессии.

На пленарной сессии также выступили профессор Дипломатической академии А.В. Семенов, директор отдела Китая Института востоковедения РАН лауреат Государственной премии России А.И. Кобзев, профессор факультета международных отношений СПбГУ Я.В. Лексютина.

А.Д. Воскресенский также принял участие в работе дискуссионной площадки «200 лет российскому востоковедению: перспективы развития» и работе секции «Экономика КНР и российско-китайские отношения в области экономики».

Конференция вызвала большой интерес казанской научно-интеллектуальной общественности и СМИ Татарстана.

ПАРТНЕРЫ

ЖУРНАЛ «ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ»

НАУЧНЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ
«ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ»

<http://tsennosti.instet.ru>

ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РОССИЙСКИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ ВАК

Размещен в каталоге научной периодики РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru
ISSN 2071-6427

Журнал издается с 2009 года и со дня основания опубликовал более четырехсот научных статей. Издание носит междисциплинарный характер и освещает вопросы философии, социологии, педагогики, культурологии, политологии.

Миссия журнала – отражать новейшие мировоззренческие позиции и общетеоретические исследования в сфере гуманитарных наук, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем личности, общества и государства.

В журнале создана особая информационная среда, развернута дискуссионная научная площадка для свободного обмена мнениями, развития позиций гражданского общества на научных основах, что дает возможность ученым, профессорско-преподавательскому составу вузов донести свои взгляды до научного сообщества, широкой общественности.

Журнал обращен к широкому кругу читателей: научным работникам, профессорско-преподавательскому составу вузов, аспирантам, студентам-гуманитариям и всем, кто размышляет над гуманитарными проблемами, их осмыслением во «времена перемен».

Журнал предлагает вместе искать ответы на глобальные вопросы глобального мира.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа**. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);
- key words (7–12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конвент-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikiye derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945–1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995)). Moscow: Konvert-MONE, 1997. 353 p].

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30–58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovani mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58–82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI-Web of Science) / *Journal Comparative Politics Site*. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals**. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI - Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке
через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение	Форма № ПД-4 ООО "Юридическая периодика" наименование получателя платежа 7705790921 40702810500000010326 ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа) в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u> (наименование банка получателя платежа) Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u> Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2018 (наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика) Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " " 20 ____ г. С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____
Квитанция	Форма № ПД-4 ООО "Юридическая периодика" наименование получателя платежа 7705790921 40702810500000010326 ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа) в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u> (наименование банка получателя платежа) Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u> Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2018 (наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика) Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " " 20 ____ г. С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____

Центр редакционной подписки:
тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)